Пржиялковский
Виктор Владимирович
(к 90-летию со дня рождения)

Материал подготовлен сыном Виктора Владимировича

Владимиром Викторовичем Пржиялковским

Личные данные и родственные связи

Известные предки

Прадедушки и прабабушки по отцу

■ [...] (неизвестно–не позже 1893) ■ Пржиялковский Антон (неизвестно–1924)

Прадедушки и прабабушки по матери

■ Никифорова (неизвестно–неизвестно) ■ Никифоров Данила (с 1840 по 1846–неизвестно)

Дедушки и бабушки по отцу

■ Азаренок [...] (неизвестно–неизвестно) ■ Пржиялковский Михаил Антонович (1886–1937)

Дедушки и бабушки по матери

■ Никифорова Дарья Яковлевна (1867–1939) ■ Никифоров Никифор Данилович (1860 или 1866–ранее 1933)

Отец

■ Пржиялковский Владимир Михайлович (1907–1989)

Мать

■ Никифорова Мария Никифоровна (1900–1961)

Пржиялковский Виктор Владимирович

Родился: 2 марта 1930, Серпухов
Скончался: 23 августа 2016, Москва
Место погребения: Троекуровское кладбище, гор. Москва

Жизнь, люди, техника

Рабочая жизнь Виктора Владимировича целиком связана с созданием вычислительной техники, и роль его в этой отрасли промышленности СССР и заметна и отмечена. Карьерную справку о В. В. дают сетевые страницы Виртуального компьютерного музея, Википедии, другие. Приводимые здесь биографические сведения почерпнуты преимущественно у самого В. В., а также из воспоминаний сослуживцев и родных.

Детство

В. В. родился в то время, когда его мать, Мария Никифоровна Никифорова, делила жизнь и работу между родной деревней Верхним Шахловым[1] Серпуховского района и Серпуховым. Родильный дом располагался от деревни за Нарою, в поселке Пролетарка (так с 7 ноября 1922 г.; до того сельцо, а затем село Городенка), но записали Серпухов. По всей видимости, больница с родильным отделением находилась при тамошней бывшей Хутаревской фабрике[2]. Первые три года мальчик провел в деревне, а затем семья Никифоровых окончательно переселилась в город. С вещами ехали на телеге, и переезд этот врезался в память на всю жизнь — очевидно, под влиянием настроения, овладевшего взрослыми при прощании с родным домом и деревней, где все родились и выросли[3]. До школы Виктора будут вывозить в Шахлово на лето[4].

В Серпухове мальчик ходил в детский сад при Занарской фабрике, где работала его тетя. Ходил самостоятельно, что иногда приводило к казусам. Запомнился такой эпизод. Дорога в сад шла мимо помоста на реке Наре, а в середине помоста было отверстие для полоскания белья. Была зима, подмораживало, и полынья стала затягиваться льдом. Мальчик решил ногой попробовать лед на

прочность, оказался в воде и стал тонуть. На счастье неподалеку шел на работу мужчина, кинувшийся спасать ребенка. В мокром пальто мальчик вернулся домой и рассказал все своим теткам. На вопрос, что „сказал дядя“, вытащив его из воды, Виктор ответил: —„Матерно обругал и побежал на работу“[5]. И действительно, то были времена, когда за опоздание на работу, тем более, с сомнительными объяснениями, можно было огрести большие неприятности.

Кесьма и снова Серпухов

В 1937 году Марию Никифоровну перевели на партийную работу в село Кесьму Овинищенского района Калининской области.

До 1935 и после 1956 гг. районным центром (а ранее уездным городом) был Весьегонск, но новосозданное во второй половине 1930-х Рыбинское водохранилище подняло воду в Мологе, на берегах которой стоял Весьегонск, и значительную часть города затопило.

Еще в документах XVI в. город назывался Весью *Егонской*[6], а севернее[7] летописец Повести временных лет поместил до пришествия Рюрика весь *белозерскую*[8]. Как бы там ни было, а в начале XX в. веси в этих местах не было, а многочисленные в окрестностях русские деревни перемежались с многочисленными же карельскими[9]. На всю жизнь В. В. запомнил выученный тогда карельский стишок[10]. По престольным праздникам молодежь ходила стенка на стенку: карельская деревня на русскую, а русская на карельскую. Но таков был обыкновенный сельский способ развлечения, и межнациональное противостояние играло здесь роль не более чем дополнительной окраски для традиционного в подобных случаях деления на *наших* и *ваших*.

1886
Карта уездов Тверской губернии 1873–1915 гг. Все деревни были на местах в 1930–40 гг.

В Кесьме Виктор пошел в школу, где учился до конца войны с годовым перерывом: в 1938 году его в силу обстоятельств привозят в Серпухов, и второй класс он заканчивает в городе. С этим годом связано воспоминание о походе к серпуховской тюрьме вместе с бабкой, которой хотелось хоть глазком взглянуть на арестованного сына во время прогулки заключенных. Сын как-то сумел разглядеть за забором мать и растопыренной пятерней сообщил на прощание свой приговор. Осталось воспоминание и совсем другого рода. Тетка (Настя), приучая Виктора к мужскому обществу, отправляла его в баню с дядей (по другой племянниковой тетке, по своей сестре). Воду в тазик каждый наливал себе сам. Виктор налил и облился, но часть воды плеснулась на дядю. Тот „заорал“: вода холодная! Налил себе по-своему, облился, и часть воды плеснулась уже на Виктора. Заголосил теперь он: горячо до невозможности! Несмотря на детский возраст, из этого пустякового бытового эпизода ребенок вынес урок на всю будущую жизнь. В голове отложилось: *разные* люди имеют *собственные* ощущения и представления по поводу одних и тех же вещей[11].

Из Серпухова снова в Калининскую область. Время было тяжелое, мать постоянно находилась в разъездах по району и часто брала сына с собой, но иногда отправлялась из Кесьмы одна, наварив сыну кастрюлю борща на неделю[12]. В окрестные деревни добирались своим ходом. Много позже В. В. признавался, что по его тогдашнему ощущению, в районе вообще ничего не делалось без команды. Сельскохозяйственными культурами были рожь, овес и лен. Без скидок на возраст мальчик участвовал в обработке собранного льна (однако по собственной инициативе, так как обязанности такой не было). Семена сдавали на завод, где из них делали масло. О том, что растительное масло бывает подсолнечным, В. В. узнал, будучи взрослым. Широко распространена была брюква. Во взрослой жизни В. В. станет искать ее за городом, но нигде не будет находить. „Куда исчезла брюква?“ — спрашивал он родных, „в Кесьме ее было полно, только ей и жили!“ Но родные только недоуменно пожимали плечами. Сельскохозяйственные посевы запомнились мальчиком не частью пейзажа — с ними напрямую были связаны заботы матери, ее, а часто и его работа.

В добровольных для Виктора сельхозработах особенно тяжелым был труд на молотилке, специально привозимой для этого с МТС. Молотилка работала быстро, и снопы приходилось кидать безостановочно. Под снопами водилось полно мышей, и излюбленным развлечением деревенских мальчиков было схватить мышь за хвост и кинуть между шкивом и приводным ремнем. Когда мотор вставал, из-под колеса валилась груда передавленных грызунов.

Военные годы были голодными, и летом дети с удовольствием жевали сладкое основание тростника. Однако не всем приходилось так туго. Школу, где учился Виктор, посещало много детей из ближних деревень. На обед они не бегали домой, как „городские“, а питались принесенным с собой. Привычной едой крестьянских детей были сало с хлебом, от вида которых у детей местной районной интеллигенции текли слюнки[13].

2014
Кесьма. Барский пруд и остатки дома по ул. Садовой. Яндекс

При всем при том жизнь в Кесьме давала относительную свободу и близость к природе, что не могло не оставить в голове растущего ребенка цепких воспоминаний. Зимой речка Кесьма становилась местом катания на самодельных коньках, притороченных к валенкам[14]; летом — местом купания[15]. Еще одним летним воспоминанием стали походы в ночное. Колхозные лошади военной поры были настолько худы и костлявы, что езда на них представляла собой определенное испытание при том, что о седлах речи не стояло. За грибами не ходили каждый день, по-мелочи, а раз или два снаряжали телегу и набирали грузди (и только), которые заготавливали в бочках на всю зиму. Чернику собирали гребенчатыми совками, примерно по той же схеме, по-серьезному.

Под крыльцом двухэтажного жилого дома была „своя“ собака Альма. Это была *настоящая* собака, полудикая, совсем не похожая на домашнюю. В голодное время ее никто не кормил, еду она добывала сама, и когда у нее завелись щенята, приносила им из леса зайцев[16]. Альму кто-то пристрелил, и на ее месте прижился уже ручной пес Шарик. Однажды Виктор с кем-то подрался, и Шарик вступился за него, набросившись на обидчика, и укусив его. Виктор был очень впечатлен.

В 1943 году тетка Матрена Никифоровна привозит в Кесьму оставшегося без матери двоюродного брата, тремя годами младшего, и мальчики много времени проводят вместе. По воспоминаниям *тети Моти*, они изрядно „проказничают“, причем, в силу неразумного возраста, „проказы“, временами, граничат с хулиганством.

Имелись и местные друзья, каждый со своей кличкой, и хулиганство безнадзорных детей приобретало коллективный характер. Под конец войны несколько приятелей сговорились проникнуть на общественный склад с горохом, чтобы наесться. Звали Виктора. Тот отказался. Вышло так, что компания попалась, и взрослые вынуждены были их судить. Полагалось отправить в заключение, но кто-то предложил вместо этого на фронт (что соответствовало потребностям времени). Так двое приятелей, старше Виктора всего-то на 3 и 2 года, успели досрочно для себя поучаствовать в завершающих войну боевых действиях Красной армии. С одним из кесемских друзей, Германом, Виктор долго поддерживал связь и переписка прервется только во второй половине 60-х гг., когда семья будет жить уже в Минске.

Были, так сказать, *события времени*, запомнившиеся на всю жизнь. В статье о Кесьме из Википедии/2015 сообщается:

> Осенью 1941 года в непосредственной близости от с. Кесьма началось строительство аэродрома, объекта специального строительства № 646. Аэродром возводился очень быстро и к зиме 1941–1942 годов практически был построен.[17]

Есть сведения, что на строительство аэродрома пошел битый кирпич от специально взорванного в 1941 г. трехпрестольного храма Троице-Пятницкого монастыря. Монастырь находился на берегу Суховетки близ исчезнувшей позже деревни Каменка (Камень)[18].

2014
Кесьма. Улица Садовая и остатки военного аэродрома подскока. Яндекс

Ребенком В. В. наблюдал это строительство со стороны. Оно осуществлялось заключенными, перемещавшимися под вооруженной охраной через село, где жили, к аэродрому строем и бегом. Когда „очень быстрое“ строительство завершилось, заключенных увели, и детское любопытство привело Виктора в оставленный ими барак. Уже без строителей, воздух в бараке продолжал оставаться настолько спертым, что находиться там с непривычки было невозможно. И все-таки ребятню туда тянуло. Однажды компания детей пришла в барак с где-то взятыми ракетницами. Ракетницы разделали на части и стали

запускать „для салюта“. Очень быстро вдалеке показалось несколько человек в кожаных пальто, торопливо приближающихся к бараку. Дети бросились врассыпную по-домам, однако бежать решили окольными путями, чтобы не быть уличенными.

За военными действиями следили все. Гнетущее впечатление оставляли сводки Совинформбюро начала войны, сообщающие о сдаче Киева, Смоленска, других городов[19], до того привычно известных как своих. Витало ощущение мрачной, расчетливой, неумолимой силы, захватившей, как казалось, половину европейской земли СССР, и не знающей никакого препятствия. К 1943 г. настроение стало меняться. Запомнилось, как после взятия нашими войсками Ржева „всех девок“[20] из района (юноши были на фронте) отправили на торфоразработки в окрестностях этого многострадального, но освобожденного города.

До конца жизни отложилось в памяти, как будучи с матерью в Овинищах, Виктор оказался свидетелем несчастного случая, когда солдат попал под поезд и потерял ноги. Помимо драматизма самой сцены, мальчика поразило, что солдат умолял окружающих пристрелить его, не представляя, как будет безногим жить дальше, не имея возможности ничего сделать самостоятельно. Обращенная к людям просьба прикончить себя не укладывалась в голове ребенка[21].

Характер детских приключений поясняет еще один случай. В школе устроили субботник по благоустройству территории. Виктор перекапывал клумбу перед школьным зданием. Неожиданно лопата вынесла на поверхность кость. Далее постепенно Виктор выкопал из земли скелет человека и выложил на земле все косточки в нужном порядке. Окружающие продолжали работать, не проявляя к скелету никакого интереса, словно это было для них чем-то обычным. Увидев безразличное отношение к своей находке, Виктор собрал кости в мешок и принес домой. Мать, в противоположность одноклассникам, почему-то, переполошилась и немедленно приказала скелет втихую закопать. До расследования не дошло, что было к счастью, так как иначе большие неприятности не заставили бы себя ждать.

Детские и юношеские увлечения не были необычными для своего времени. Было собирание монет, которых в конечном счете набралось две приличные горсти. Собственноручно Виктор мастерит телескоп. Собирает детекторный приемник. Увлекается фотографией[22]. Один из снимков запечатлел железнодорожный мост через Оку. Узнай о нем посторонний — дело могло закончиться большими неприятностями и обвинениями в шпионаже (как позже об этом с улыбкой вспоминали тетки), но тяга к фотографированию, по-молодости, преодолевала осторожность[23]. Новые увлечения не замещали старые насовсем и еще долго от себя не отпускали. Так, последние монеты в свою коллекцию В. В. добавил уже из первых производственных заграничных командировок (австрийские гроши, немецкие пфенниги). В доме долго хранилась, как память, двояковыпуклая линза от телескопа. До взрослых лет дошел и юношеский интерес к истории: съездив в начале карьеры в Ереван, В. В. привезет оттуда несколько глиняных черепков с раскопок строений государства Урарту.

Немало времени провел Виктор в кесемской библиотеке, перечитав много книг (Шекспир, и далее — все, что было[24]). Особенно нравятся популярные в то время художественно-исторические книжки писателя В. Яна. Основной жизненный багаж прочитанной художественной литературы сформировался именно в Кесьме. Позже на это не станет хватать времени, но, возможно, здесь дело еще и в склонности[25].

4-й класс. Характеристика

Четверть	Дисциплина	Отношение к работе	Общественная работа
I	Хорошая	Отличное	Отличная
II	Отличная	Отличное	Нет работы
III	Отличная	Отличное	Нет работы
IV	Отличная	Отличное	Помощь отстающим
С похвальной грамотой переводится в 5-й класс. Классный руководитель Л. Бамышева.			

5-й класс. Характеристика

Четверть	Дисциплина	Отношение к работе	Общественная работа
Переводится в 6-й класс и награждается похвальной			

1938
За 1-й класс, лицевая сторона.

Сведения об успеваемости в Кесьме.

грамотой.

Четверть	Дисциплина	Отношение к работе	Общественная работа
I	Отличная	Аккуратно и добросовестно выполняет все домашние задания; на ур.[оках] внимателен.	Отлично выполняет обязанности председ.[ателя] пионеротряда кл.[асса]
II	Отличная	Занимается серьезно и добросовестно, на ур.[оках] внимателен	Отличная
III	Отличная	Отличное. Председ.[атель] пионеротряда кл.[асса] и чл.[ен] ученич.[еского] комитета	Отличная
IV	Отличная	Отличное	—
Переводится в 6-й класс и награждается похвальной грамотой.			

В целом, о Кесьме В. В. ло конца дней своих охотно вспоминал; намного чаще, чем о Серпухове, в котором для одногодков он так и не стал своим.

По окончании войны (то есть, при первой возможности) мать одна вернулась в Серпухов, а немногим позже за нею уже самостоятельно последовал мальчик. Два последних школьных года завершил в Серпухове[26] получением золотой медали. Школьные медали в 1947 г. делали из золота (583 пробы); спустя много лет их сделают позолоченными, а еще много позже вовсе отменят.

1947
За отличные успехи и примерное поведение.

До совершеннолетия В. В. носил фамилию Никифоров, к которой привык, но при получении паспорта по предложению матери взял фамилию отца, под которой позже стал известен[27]. В то же время, отношение к отцу всю жизнь оставалось непростым. В детстве Виктору очень хотелось найти отца. По рассказам теток, приехав однажды со взрослыми в Москву, он исчез из поля зрения, взявшись за самостоятельные поиски, так что пришлось с милицией отыскивать его самого. Со временем так и неутоленное детское желание породит долгую обиду. В конечном счете жизнь сложится так, что В. В. ни разу не увидится с отцом, даже когда такая возможность много позже предоставится. Тем не менее, Владимир Михайлович будет стараться следить за карьерой сына, и на склоне лет признается в том, что сыном гордится.

> В наследство от отца В. В. достались некоторые особенности поведения и почерк, через него похожий, в свою очередь, и на почерк деда. Внешне В. В. не очень походил на Владимира Михайловича, зато в молодости был похож на сводного брата Эдуарда. Бросалось в глаза удивительное сходство с дядей Александром Михайловичем. Они познакомятся в конце 60-х и будут друг к другу очень тепло относиться[28]. Дядя попытается взять на себя объединительную роль посредника между братом и племянником[29]. Тут уже В. В. не сможет перешагнуть через себя, но на взаимоуважительных его отношениях с А. М. это никак не отразится; все все понимали[30].

Пока же, ко вступлению, как выражались раньше, в „большую жизнь“, Виктор имел в своем багаже годы, примерно поровну поделенные между деревней и глубоко провинциальным Серпуховым; детское воспитание жесткими принципиальными 30-ми годами и подростковое черно-белыми, по закону „свой—чужой“, военными 40-ми; отсутствие рядом отца и, взамен этого, любовь теток и матери; много самостоятельности, отличный аттестат о среднем образовании и некоторую долю гонора, генетически доставшегося от давным-давно разорившегося, но шляхетства[31].

В свое время всплывут высказанные как-то по его адресу слова предшественника на директорском посту о том, что он „в Москву в лаптях пришел“. Не исключено, что это уязвит его, но если и так, то

всего лишь отчасти. В эту пору он не будет вспыльчивым юношей, скорым на выводы, и суждения его будут взвешены. Он и правда, из окружавшего его ранние годы мира возьмет в дорогу далеко не худшие черты, нередко присущие крестьянам: сосредоточенность на главной цели и рассудительность в оценке обстановки. Еще одно распространенное в крестьянской среде правило — жить своим умом. Детям, пока те росли, В. В. и Анна Викторовна в один голос твердили: „Думайте сами, а не повторяйте за другими. Каждому дана своя голова на плечах.“ Очевидно, того же родители пытались придерживаться сами.

Еще в адрес В. В. не раз прозвучит слово „талант“, но и это время пока не наступило.

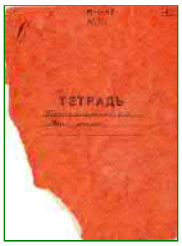
Студенчество

В 1947 году поступил в Московский энергетический институт (МЭИ) им. Молотова, который закончил в 1953 году. Этот период стал памятным и судьбоносным для грядущей карьеры. МЭИ в 30 — 50-х годах был настоящим явлением в системе высшего образования СССР. С 1943 по 1952 год ректором института была В. А. Голубцова, жена Г. М. Маленкова. Она использовала свое положение (вольно или невольно), а также природный талант организатора, в целях развития института, превратив его в лучший на тот период технический вуз страны. Ее усилиями в стенах МЭИ были сконцентрированы лучший преподавательский коллектив, лучшее оснащение, передовые программы обучения. Все это принесло неизбежные плоды, и спустя время в промышленность пришло большое количество грамотных специалистов, внесших заметный вклад в развитие страны.

С 1945 по 1949
Главное учебное здание, копрус А. Энергетический проезд.

МЭИ

Студенты ценили своего ректора, гордились им и следили за ним[32]. Мимо их внимания не прошел незаметным тот воспитательный факт, что будучи близка к недостижимым для них всесильным государственным верхам, она, покинув пост ректора, оставалась в институте доцентом, кандидатом технических наук.



Первый автограф.

Вхождение в учебный процесс не было гладким. Сложности начались уже при поступлении. Школьная золотая медаль была для Серпухова видным знаком отличия, но в Москве выяснилось, что среди поступающих, приехавших со всех концов страны, таких знаков немало. Вдобавок, москвичи, даже если без медали, в целом были подготовлены лучше. Из трех серпуховских медалистов двое „срезались“. Это при том, что Виктор отказался от идеи поступать на радиотехнический факультет РТФ, самый, по его мнению, сильный и привлекательный. Поступать на РТФ он счел для себя нереальным: туда шло много фронтовиков, а их принимали на льготных условиях. По послевоенным правилам фронтовикам помогали с поступлением в институт и в первый год учебы, но дальше они учились без скидок наравне со всеми[33]. Для нефронтовиков реальным считалось поступить на другой факультет и через год, когда на РТФ освобождались места, переводиться туда. У В. В. поначалу была идея так поступить, но потом от перехода на РТФ он отказался.

Вероятно, на память о непростом поступлении Виктор сохранил отодранную страницу обложки своей рабочей „Тетради №1“ по матанализу, относящейся, по-видимому, к первому году учебы. На обложке проставлен номер группы *М-1-47*, и надпись „МЭИ“, в которой угадывается гордость за самостоятельное поступление в столь желанный и знаменитый вуз. Однако поступлением дело не закончилось: большим испытанием стала первая сессия, которую еле удалось пройти на тройки. Урок пошел впрок. Дальше удалось сосредоточиться, взять себя в руки, и выйти на отличные отметки и повышенную стипендию, часть которой он отсылал родным в Серпухов.

Иногда выручала находчивость. Так, один лектор, доказывая теорему, неожиданно прервал доказательство фразой: „Ну, а дальше уже очевидно“. Виктор оказался среди студентов, которым очевидность финальной части рассуждений как раз-таки не казалась таковой, но попросить уточнить никто не отважился. Надо было случиться, что на ближайшем экзамене пришлось сдавать именно этому лектору доказательство именно этой теоремы. Дойдя до рокового места, В. В. с деланной легкостью произнес знакомую преподавателю фразу: „Ну, а дальше уже очевидно“. „Да-да“, согласился тот со

своим обнародованным ранее мнением, и надвигавшаяся было гроза разом обернулась холодным потом и веселым воспоминанием на будущее.

Огромным почтением у студентов пользовался преподаватель теоретических основ электротехники (ТОЭ) Карл Адольфовович Круг. ТОЭ был очень сложным предметом, но профессор Круг владел им безупречно и читал замечательно. Позже, когда речь будет заходить о годах учебы, В. В. почти непременно будет вспоминать о том, как им на таком-то курсе „выдали по полной программе ТОЭ“, и „вот это было **да!**..“ За год до окончания Виктором института профессор скончается, и Виктор окажется среди пришедших на похороны на Введенское кладбище. Само кладбище заворожило недавнего провинциала необычными для России надгробиями, которые Виктор, не удержавшись, охотно фотографировал. Тогда он и не мог предполагать, что на этом кладбище найдет когда-то упокоение прах его будущей многолетней супруги. Приходя к ней, он будет не раз посещать и могилу профессора — но, может быть, снова вспомнить о годах учебы.

Помимо насыщеной учебной программы, в тогдашнем МЭИ процветала общественная, спортивная[34] и культурная деятельность. Виктор, по общему признанию, обладатель приятного баритона, принимает участие в кружке художественной самодеятельности[35]. Сохранилась фотография его выступления в гриме и костюме Кончака для исполнения арии из оперы Бородина „Князь Игорь“. Судя по ней, и по другим свидетельствам, уровень организации художественного творчества в Доме культуры МЭИ был вполне профессиональным. Занятия пением оказались настолько успешными, что в какой-то момент Виктору предложили разменять техническую карьеру на певческую, требовавшую для серьезного продвижения вперед много больше времени, чем ей он уделял в кружке. Пришлось принимать одно из первых жизненных решений. С тех времен у В. В. сохранились подаренные ему за выступления две партитуры: оперы Глинки „Руслан и Людмила“ дореволюционного издательства Юргенсона и „Князя Игоря“ в советском издании.

1952
Репетиция. Виктор на месте басов.

Апрель 1952
Заключительный концерт смотра художественной самодеятельности МЭИ в Колонном зале Дома Союзов. „Поз знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед, к победе коммунизма!“

Интересное свидетельство увлечения пением не только классического репертуара находим в Сети:

> Из потом известных людей на нашем факультете[36] Кириллович учился Виктор Пржиялковский, он потом директором НИЦЭВТа был. Он на два года раньше меня институт окончил. Мы жили в общежитии, каждый день виделись. Вот пел он хорошо, у него хороший баритон. Мне больше всего запомнилось, как он пел „Москва—Пекин“, там ещё такие слова были: „Сталин и Мао слушают нас“. У нас был очень хороший факультетский хор. Виктор здорово пел, а Андрей Невский на аккордеоне очень хорошо играл.
>
> **— Воспоминания Л. В. Власовой — инженера-наладчика советской ЭВМ „Урал-1“**

1 мая 1952
В оркестре МЭИ на праздничной демонстрации.

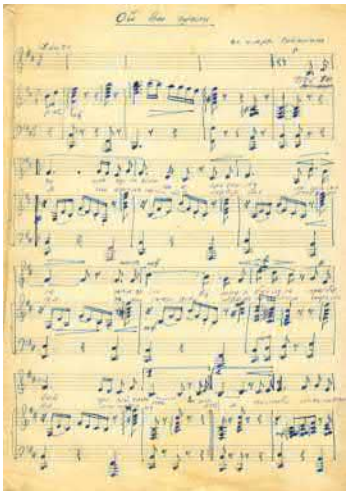
Пением музыкальные опыты не ограничились: Виктор выучился играть на трубе и учился гитаре, но так далеко, как в пении, здесь он не дошел. Москва конца 40-х—начала 50-х не давала скучать, и студенты активно посещали оперу и оперетту. Любовь к музыке сохранится на всю жизнь, причем не только к классической, но и песенной, превосходные образцы которой давали как русский XIX век с его романсами, так и XX, с 30-х по 80-е гг.[37] На партитуре песни „Ой вы гусли“ К. Тидемана, переписанной

Партитура „Князя Игоря“. Титульный лист.

Награды за выступления от ДК МЭИ.

Виктором во время учебы (наверняка не без впечатления от исполнения Марком Рейзеном, которого Виктор слышал в концертном исполнении и певческий талант которого высоко ценил) прописаны подстрочные слова. Это сделано шариковой ручкой, то есть тогда, когда В. В. уже начал ездить за границу, в середине 1960-х гг. Песни, разученные в институте, не покидали его внутреннего мира.

Нельзя забывать, что никакого музыкального образования в детстве и юношестве В. В. не получил и не мог получить. Деятельной выраженной любви к пению, игре на музыкальных инструментах, нотной и музыкальной грамоте научил его именно МЭИ образца конца 40-х — начала 50-х гг., так сказать *попутно*[38].



Партитура песни „Ой вы гусли“.

Запомнился кинотеатр „Родина“, что у станции метро „Сталинская“ (позже ставшей „Семеновской“). В МЭИ имелся свой кинозал, но кинотеатр был больше и торжественнее. Именно в „Родине“ Виктор смотрел только что отснятых „Кубанских казаков“, другие фильмы.

Бурно кипела жизнь и в общежитии МЭИ в Лефортове. Во времена В. А. Голубцовой там возникали достаточно смелые разговоры, в том числе те, за которые в прежнее время или в ином месте можно было поплатиться свободой передвижения. Рассказывают, что кое-где обсуждали такой апокриф, как „Письмо Ленина к Съезду“. Однако, желающих доносить не находилось, и все сходило с рук[39]. Разумеется, преобладающую часть разговоров занимали совсем другие темы, вполне традиционные для студенчества. Однажды кто-то из студентов подключился к местной радиосети и стал передавать интеллектуально-шуточные сообщения. За это можно было вполне серьезно поплатиться, но и здесь все спустили на тормозах.

Передовой характер института непосредственно отразился на дальнейшей судьбе В. В. На последних курсах он попал на обучение по новой вообще для страны специальности „математические машины“, открывшей промышленное направление деятельности, обозначенной позже названием „вычислительная техника“. Про эту технику тогда в институте еще толком никто ничего не знал[40], и предложенная специализация вызывала у студентов сомнения, а выбор ее казался рискованым. Основная часть курса была направлена на специальность „ядерная физика“[41], бывшую тогда на подъеме популярности и притягательности, однако, по дорожке, так сказать, уже протоптаной. На пути к физике В. В. не прошел медицинскую комиссию по каким-то показателям[42], и вместе с несколькими другими *неудачниками* был вынужден заняться уж никак не популярным делом. Этот первый серьезный поворот к новому случился против его воли, но определил всю дальнейшую жизнь. Спустя много лет ему представится случай встретиться с бывшими однокурсниками, ушедшими в физику. Кто-то к тому времени умрет от облучения или испортит здоровье[43], кто-то станет „рядовым“ доктором наук[44], и В. В. окончательно перестанет жалеть, что пошел когда-то по незнакомому пути.

Но проникаться собственным преимуществом он начал еще во время учебы. На последних курсах студентов МЭИ и МИФИ (ранее разошедшихся) сведет общая практика в одном академическом учреждении. Он удивится, насколько „физики“ безответственно ведут себя с электротехническими устройствами. „Мы поражались“ — часто припоминал он, „тому, как они работают. У нас техника безопасности от зубов отскакивала, а их этому попросту не учили! Они такие вещи вытворяли, что у нас глаза на лоб лезли!“

Чуть раньше, на третьем курсе проходили практику на Рижском заводе „ВЭФ“[45] По его словам, там он понял, что „делать что-то руками“ — не для него. Именно тогда он сознательно настроился на инженерную работу[46].

Студенты МЭИ начала 1950-х. Виктор в верхнем ряду по центру.

На последнем курсе обучения были военные сборы. Они проходили в Литве близ города Шауляй. Запомнилось, как курсантам давали наставление не выходить за ворота части, предупреждая, что в лесах хватает бандитов. Лет (всего-то) через 15, и вплоть до 90-х гг. с шауляйским заводом „Нуклон“ и вильнюсским КБ „Вента“ у белорусских предприятий и у НИЦЭВТ завяжутся тесные производственные связи, будет много плодотворной совместной работы. Бандиты из лесов куда-то денутся, так что в конце 70-х литовцы сами

пригласят В. В. с семьей отдохнуть на Куршской косе. О том, что эта земля его далеких генетических предков, В. В. узнает в самые последние годы жизни.

Выпуск факультета Электровакуумной техники и специального приборостроения 1953 г.

Выпускная фотография.

В 1952 году, проходя дипломную практику в ИТМиВТ[47], познакомился с Трошиной Анной Викторовной, работавшей лаборанткой, и с которой в году следующем соединил свою жизнь на долгие-долгие годы — до самой кончины Анны Викторовны в 2004-м. Надо полагать, свою роль в привлечении внимания политически сознательного студента сыграл тот факт, что Анна Викторовна — Аня участвовала в известном параде физкультурников 1945 года, снятом на трофейную кинопленку и показанном во всех кинотеатрах в СССР. Парад производил сильнейшее впечатление[48]. Юная Аня шла в „Трудовых резервах“. „У нас в Серпухове тогда тоже был парад,“ вспоминал В. В., „и были свои ‚Трудовые резервы‘, но в трусах и майках такие тощие и костлявые — после войны, время голодное, — что жалко было смотреть.“ Страна продолжала жить по-своему, и элементом ухаживания молодого человека теперь станет попытка посещения парой похорон И. В. Сталина. Дойти до Дома Союзов из-за огромного стечения народу им не удастся.

В. В. навсегда останется патриотом МЭИ и будет ревностно следить за дальнейшей судьбой института. Выпускники института будут для него *a priori* „свои“.

Обучение в МЭИ дало ему уверенность в своих силах и изрядно укрепило честолюбие. Судя по письмам молодой жене, он буквально-таки рвался применить на деле знания и умения, обретенные в институте. Увозя жену из Москвы, он пообещал, что о его инженерных достижениях в Москве еще узнают, что его призовут, и они с почетом вернутся. Было очевидно, что ему не хотелось покидать Москву, к научно-техническому и культурному пульсу жизни которой он уже привык. Однако играть в игры с обязанностями перед государством было не в его правилах. Со временем это найдет должную оценку в госорганизациях, где принято тщательно изучать биографические данные, и с которыми ему предоставится иметь дело. Там ему будут доверять. Сейчас же, выраженному в письме настроению выпускника суждено было без промедления подвергнуться испытанию на прочность.

Пенза и Ногинск

По окончании вуза В. В. получил распределение в Пензенский филиал . Москвичке Анне Викторовне еще менее хотелось отрываться от родни, но молодые супруги отправились в Пензу.

Пенза того времени была чрезвычайно запущеным городом, как говорят — большой деревней[49]. Послевоенная страна практически все ресурсы на народное хозяйство направила на восстановление западных областей, и, по сути, который раз, это совершалось за счет внутренней России. Ассортимент продовольственных магазинов едва не целиком состоял из консервов с печенью трески и мясом камчатских крабов. Местные жители спасались помощью деревенской родни, связи с которой были еще крепки, или даже собственными огородами. У приезжих ничего этого не было.

Говорили, что правительство задумало построить в Пензе наукоград, взяв за образец институт MIT в США[50]. В этом была своя логика, при иных обстоятельствах позволившая бы дать толчок развитию этой внутренней области страны. Однако сил (а может, управленческой согласованности) не хватило, и идея в том виде, как задумывалась, не удалась. От затеи осталось Пензенское предприятие по производству ВТ, а облагораживание города отодвинется на более поздние 70 — 80-е годы.

Поступление на работу оказалось затянутым и тернистым. Во-первых, Виктору долго пришлось дожидаться допуска из Москвы. Все это время его держали на *открытом* производстве, а не на проектировании, а это никак не входило в амбициозные планы молодого инженера, убежденного в том, что самая главная и интересная работа велась в закрытом режиме. Во-вторых, молодые супруги жили порознь: несколько месяцев Анна Викторовна продолжала оставаться в Москве, а Виктор в Пензе, решал жилищную проблему. Его поселили в общежитии на правах самостоятельного жильца, а ввиду ожидаемого прибытия жены требовалась отдельная комната. Комнату не давали (он скандалил с начальством, но безрезультатно, и, по всей вероятности, с ущербом для самолюбия), приходилось искать ее в частном секторе. Время уходило не на что, и все это мало вязалось с честолюбивыми

замыслами. Положение неожиданно спасла Анна Викторовна, проявив находчивость, и обратившись (буквальным образом „с улицы“) в министерство (машиностроения и приборостроения), откуда вскоре пришло письмо по месту распределения мужа. Случилось так, что благодаря „письму из министерства“ молодые вдруг получили в Пензе не комнату, которой добивались, а настоящую квартиру[51].

Жизнь страны разворачивалась по-своему. С началом трудовой деятельности В. В. в Пензе совпало событие, заставившее задуматься о поведении людей, так сказать, „в широком плане“. Придя однажды к проходной предприятия, молодой специалист неожиданно для себя оказался не на работе, а на митинге. Выступал секретарь парторганизации и последними словами клеймил двурушника, изменника и агента вражеских разведок Л. П. Берию. „Как же так,“ делился позже своими тогдашними мыслями В. В., „еще вчера тут висел его портрет, и ты пламенно отзывался о нем как о выдающемся государственном деятеле, призывал брать с него пример. Как же ты за одну ночь смог поменять свое мнение на противоположное и умудрился узнать, что он двурушник ?“

Здание ВНИИнефти.

Допуск был получен, и „главная“ работа пошла. В Пензенском филиале СКБ-245 недавний выпускник участвует в создании сеточной модели ЭИ-С (блок центрального управления и блок инжекционных скважин). „Это была аналоговая машина“, имевшая успех в нефтедобыче. Один из образцов с 1957 г. надолго прописался в здании ВНИИнефть, неподалеку от первого места жительства семьи Пржиялковских по будущему возвращению в Москву.

С 1953 по 1956
Специализированная ЭВМ „Гранит“.

Помимо этого молодой инженер впервые за свою карьеру становится главным конструктором: специализированной ЭВМ „Гранит“, предназначенной для обработки результатов артиллерийской стрельбы. Машина вела статистическую обработку двух выборок со скоростью поступления пар значений. Делалось это по заказу Главного артиллерийского управления МО. Рядом велись разработки двух других специализированных ЭВМ, „Кристалл“ и „Погода“, но уже для гражданских заказчиков. Все три спецмашины были однотипны, так как строились на основе одной и той же универсальной ламповой машины „Урал-1“, разработанной в этом СКБ.

Общение с военными при создании „Гранита“ приведет В. В. впоследствии к новому месту работы.

С работой в Пензе связан следующий комичный эпизод. Выпускавшиеся тогда в стране (в том числе и в Пензе) вычислительные машины были ламповыми, в то время как за границей потихоньку стала распространяться новая технологическая основа — полупроводники. В министерстве[52] решили разузнать об этих веяниях, и послать „на разведку“ технических специалистов. Из дружественных нам стран новшество появилось в Чехословакии, и ехать на разведку предлагалось туда. В качестве кандидата от предприятия в Пензе рассматривался В. В. Ему предстояло явиться в Москву для беседы. Дело решалось зимой, когда стояли сильные морозы. Уже находясь в Москве, В. В. купил („достал“, как тогда выражались) ботинки, ненужные для ношения в Пензе, и потому отсутствовавшие в гардеробе. Ботинки нужны были для министерства; в них он и отправился. Ждал на остановке автобуса, а тот все не подъезжал. В. В. замерз, махнул рукой на протокольный этикет, возвратился, обулся в валенки и поехал так. Чиновники министерства глянули на торчащие из-под брюк валенки — и кандидатура В. В. на поездку из СССР в Европу как-то незаметно сошла с повестки дня.

И все же чиновники, или хотя бы часть из них, ели свой министерский хлеб не зря. За (новой) темой использования полупроводников в (новой) вычислительной технике в управляющих структурах разного рода следили. В. В. будет заниматься полупроводниковыми ЭВМ уже в Ногинске, а в Минске они послужат отправной точкой для его первых больших достижений.

С 1953 по 1956
В окрестностях Пензы.

Май 1955

За время жизни в Пензе в семье родилось двое детей. Пенза дала знакомство со многими другими молодыми сотрудниками, связь семьи с которыми растянется на всю жизнь. С рядом из них, попавших на родственные предприятия в других городах, В. В. продолжит работу в дальнейшем.

Со временем В. В. стал ощущать некоторую творческую

Молодые мамы. Слева А. В. Трошина с дочерью.

неудовлетворенность. Работа в тогдашнем пензенском филиале СКБ-245 казалась ему чрезмерно формализованной и пресной[53]. Он договаривается с представителем в/ч 06669 рядом с г. Ногинском, и, увлекши за собой сразу несколько коллег, переходит в 1956 г. туда старшим инженером[54]. „В Ногинске“[55] он участвует в создании новой для того времени полупроводниковой ЭВМ (арифметическое устройство и устройства местного и центрального управления).

Ногинск дает семье много новых знакомств, какие-то из которых не будут прерываться, а какие-то возобновятся по возвращении в Москву. Жизнь в молодом коллективе оставит ворох приятных воспоминаний. Часто припоминались походы за грибами на артиллерийский полигон. Военные и местные жители туда не ходили, и грибов там было немеряно. А сообразительные штатские сотрудники, полагаясь на знание расписания стрельб (шила в мешке не утаишь), от грибов (по кесемскому опыту пускаемых нынешним старшим инженером на засолку) отказываться не собирались.

И все же, работа гражданских в военной части имеет определенные житейские и карьерные минусы, а форму одевать не хотелось[56]. А прошел слух, что затеваются большие дела по строительству завода в Минске и института в Ереване. Новость запала в сердце уже набравшегося кое-какого опыта специалиста, и В. В. едет на разведку в оба города. Знакомится на месте с планами Еревана, поучает приглашение на работу в строящийся институт. Рабочие условия казались привлекательными, но возникли большие сомнения относительно перспектив постоянной жизни: она в этом южном городе показалась В. В. уж сильно непривычной[57]. Поездка в Минск на строительство крупного Завода счетных машин им. Г. К. Орджоникидзе оказалась более удачной. В августе 1959 года В. В. переезжает в Минск.

Переезду на новое место работы предшествовали долгие раздумия[58]. С одной стороны, он уже не был новоиспеченным выпускником, и появилась ответственность перед семьей, в том числе перед двумя малолетними детьми. Анна Викторовна отдалялась от Москвы со своей родней, он — от Серпухова со своей. Но были сомнения и другого рода. Сохранилось письмо тетки („тети Насти“), в котором она осторожно напоминает племяннику, что тот в начале своей рабочей деятельности ушел от „бестолковщины“ в одном месте, а придя на другое, собирается уходить от той же „бестолковщины“ уже здесь. Не правильнее ли будет (писала будущая „старая большевичка“), столкнувшись с бестолковой организацией по месту работы, попытаться наладить дело, а не бежать от него?

Размышляя, В. В., вероятнее всего, вполне осознавал эти доводы, по крайней мере они соответствовали его собственному мировоззрению, но все-таки решился на свое, и, как показало развитие событий, на этот раз не промахнулся. Был к этому городу у него еще какой-то особый интерес. О том, что Минск — родной город его отца, В. В. слышал от матери. О том, что город был родным также для деда, В. В. мог и знать, и не знать.

Психологически принять решение о переезде помогают несколько „гражданских“ товарищей по работе военной части, сделавших тот же выбор[59].

При том, хорошие рабочие, и просто теплые отношения с „ереванцами“ сохранятся навсегда. В столице Армении будет построено большое современное предприятие и выращен сильный коллектив[60]. Рабочие поездки с разными целями в Ереван будут совершаться из Минска, а позже из Москвы[61]. В руководстве ЕрНИИММ В. В. найдет союзников и друзей.

Акварель, подаренная на прощание с Ногинском, провисит в доме В. В. Пржиялковского и А. В. Трошиной до конца дней обоих[62]. У детей, по-малолетству она будет пробуждать воображение, а с возрастом — воспоминания, как и у родителей.

В. Н. Плотников. „В деревне“.

Минск

Дальнейшая карьера В. В. будет строиться на основе соединения двух технических явлений: полупроводников и универсальной вычислительной техники.

Сообщение о первом в СССР транзисторе появилось в послевоенном 1948 году — одном с опубликованием аналогичного сообщения США. К концу 50-х количество выпущеных промышленностью транзисторов исчислялось миллионами. Основными потребителями служила оборонная промышленность, но „счетные математические машины“ в структуре потребления отсутствовали, оставаясь ламповыми.

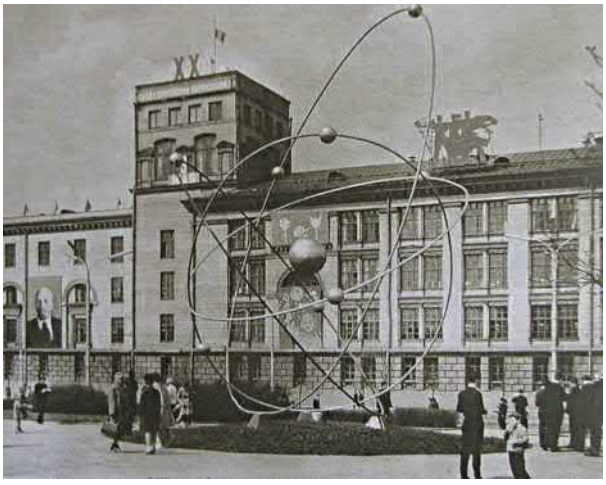
В том же 1948 г. начались работы по созданию универсальных ЭВМ в киевском Институте электротехники АН УССР и в московском (созданом для этой цели) СКБ-245[63]. Несмотря на разные ведомства (АН СССР и Министерство приборостроения и средств автоматизации) конечными заказчиками были в обоих случаях авиастроение, атомная, ракетная и радиопромышленность. „МЭСМ“ С. А. Лебедева появилась в 1950 г., а „Стрела“ СКБ-245 в 1953, но последняя была серийной[64]. В 50-х гг. потребности только росли и стали проявлять себя в других областях. Наконец, в 1956 году в США заработал спроектированный тремя годами ранее опытный образец ЭВМ на транзисторах.

Новые исторические обстоятельства привели к формулированию органами госуправления новых задач[65].

> Одна из важных и срочных задач приборостроительной промышленности[66] — обеспечить нужды науки и производства достаточным количеством быстродействующих счетно-математических машин, являющихся новым средством автоматизации вычислительных работ и производственных процессов.
>
> Работникам радиотехнической промышленности[67] особое внимание следует обратить на создание новых полупроводниковых приборов высокого качества, успешно заменяющих в ряде случаев радиолампы. Полупроводниковые приборы, имея значительно меньшие размеры и вес, чем радиолампы, повышают надежность работы радиоаппаратуры, счетно-математических машин и других установок. [...]
>
> Всемерно развивать **радиотехническую и приборостроительную промышленность** [...]. Увеличить за пятилетие изготовление приборов и средств автоматизации примерно в 3,5 раза, в том числе [...] счетных и счетно-аналитических машин — в 4,5 раза [...]
>
> **— Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы. Доклад Председателя Совета Министров СССР тов. Н. А. Булганина.[68]**

XX съезд состоялся в феврале 1956 года[69]. В августе того же года вышло совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР, предписывающее строительство целого ряда предприятий для выпуска средств автоматизации[70]. Одним из таких предприятий должен был стать Завод математических машин в г. Минске. Ответственным за строительство завода по правилам того времени был назначен Белсовнархоз.

По приезде в столицу Белоруссии, В. В. по сложившимуся обычаю посвятил какое-то время знакомству с городом. Общее впечатление было благоприятным, несмотря на то, что Минск продолжал зализывать военные раны — но уже и деятельно расширялся. Примечательно, что в выпущенной уже в 1965 г. Беларусьфильмом мелодраме оба главные герои строители, и действие разворачивается на фоне картин мощного уверенного строительства в столице Белоруссии[71]. Сюжет разворачивается не только на стройке, но и в окружении уже отстроенного (на стадионе „Динамо“, в других местах), и в стенах покидающего город „частного сектора“.



9 мая 1965
На башне надпись: „Слава советским партизанам!“
Конструкция „Мирный атом“ на площади просуществовала до 1972 г.

Здание завода им. Орджоникидзе.

Совсем необычным показался белорусский язык, напрочь отсутствовавший в живой речи, но существовавший в газетах, на городских вывесках. Следом за величавым Александровским гимном Советского Союза („Союз нерушимый республик свободных // Сплотила навеки Великая Русь. ...“) по радио звучал неплохой гимн БССР („Мы, беларусы, з братняю Руссю // Разам шукалі к шчасцю дарог. // У бітвах за волю, у бітвах за долю // З ёй здабылі мы сцяг перамог! ...“). Среди товарищей по работе на первом этапе было много приезжих, и разговоры о новом месте были обычным делом. „Я все понимаю,“ делился В. В. своими впечатлениями с друзьями, „язык нужно сохранять. Но

вот, иду по улице и вижу объявление о постановке в оперном театре: ‚Рыгалета'. Это-то зачем переводить? Явный перебор.“

Завод в Минске за годы своего существования претерпевал изменения названия, реорганизации, переподчинения. Он проектировался как Завод математических машин, затем стал Заводом счетных машин им. Г. К. Орджоникидзе, а с 1974 г. — в МПО ВТ. Созданное при заводе СКБ, было в 1966 г. преобразовано (также при заводе) в МПБ (Минское проектное бюро), в 1969 г. стало минским филиалом НИЦЭВТ, а позже НИИЭВМ. Все эти превращения, отражавшие реальное развитие (смену задач и прочее) по сути двух одних и тех же теснейше связанных предприятий, никак не помешали минскому периоду стать чрезвычайно насыщенным и плодотворным в работе В. В., оставить массу приятных трудовых и житейских воспоминаний, завязать обилие теплых дружеских отношений, сохранившихся с уже бывшими коллегами по заводу и проектному институту после отъезда из этого города.

Должностью, на которую он прибыл в августе 1959 г., была должность начальника вновь созданного отдела по разработке ЭВМ второго поколения в СКБ, учрежденном за год до этого[72]. История этой проектной организации найдет свое изложение в статьях ее изначальных сотрудников (здесь и здесь), а также в работе авторского коллектива издания, посвященного 50-летнему юбилею предприятия[73].

Покинет он в июле 1971 г. уже Минский филиал НИЦЭВТ — наследник старого СКБ. За 22 года сменит несколько должностей и окажется главным конструктором четырех машин: „Минск-2“, „Минск-23“, „Минск-32“, „ЕС-1020“.

Примерно 1961
На праздничной демонстрации. В. Е. Клочков, Е. И. Мухин, В. В. Пржиялковский, В. А. Аверьянов, В. Л. Салов, И. К. Ростовцев, [...].

Это будет очень творческий период в работе не только В. В., но и всего коллектива завода и СКБ, инженерный состав которых состоял из молодых людей, недавних выпускников сильнейших послевоенных вузов, многие из которых уже успели поработать в разных местах Союза[74]; людей, воодушевленных живым, новым, интересным и необходимым делом, во многом единомышленников. В. В. удачно вписался в этот коллектив. Много позже об этом довольно эмоционально вспоминал тогдашний коллега по работе и друг, бывший главный инженер МПО ВТ Юрий Владимирович Карпилович:

> [...] я бы сравнил Виктора Владимировича с легендарным Королевым в космосе. Он весь был пронизан идеей создания и развития новейших средств вычислительной техники, всего себя посвятил избранному делу. Помню, как крепко доставалось тем разработчикам, которые допускали серьезные ошибки и медленно их устраняли! Вопросы производства всегда рассматривались им с глубоким пониманием и величайшим чувством ответственности. И нужно заметить, что, несмотря на строгость, Виктора Владимировича повсеместно глубоко уважали, особенно производственники.
>
> — **Карпилович Ю. В. Так было. Минск, 2004.**

Особенность была в том, что приходилось заниматься не только конструкторскими задачами, но и производственными. Искались, находились и тут же внедрялись решения для организации поточного производства, наладки, проверки При наличии утвержденных планов, которые невозможно было срывать, это было иногда довольно драматично, о чем ярко пишет Ю. В. Карпилович. Но люди в конечном счете справлялись, и им такая работа нравилась.

Успешная Минск-2

Пока СКБ было нечего дать заводу, тот, получив документацию от разработчика, осваивал „постороннюю“ машину „М-3“. Первый выпуск состоялся за два дня до весеннего праздничного 1 мая 1959 г., добровольно объявленного коллективом сроком исполнения соцобязательства[75]. Дебютными разработками СКБ стали поочередно „Минск-1“ и „Минск-2“, созданные под руководством главных конструкторов Г. П. Лопато и В. В. Пржиялковского соответственно. Машины были новыми по-существу — „Минск-1“ унаследовала от „М-3“ всего три характеристики: прилагательное *малый*, длину слова в

1962 или 1963

ЭВМ „Минск-2“. Общий вид.

31 разряд и двухадресную организацию команд[76]; у „Минск-2“ и машинное слово было свое, 37 разрядов. Обе машины основали впоследствии каждая свой ряд производных моделей[77]. „Минск-1“ оказалась удачным начинанием, и даже попала на международную выставку в Брно, но, все-таки, славу завод обретет именно за ряд, построенный от „Минск-2“.

Эта машина изначально задумывалась как ЭВМ второго поколения (на полупроводниках, в отличие от ламповой „Минск-1“), приспособленная для массового выпуска.

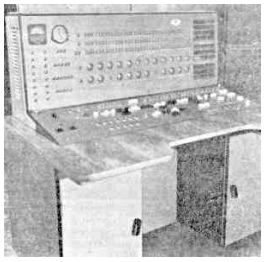
> Особое внимание уделялось созданию системы стандартных элементов машины. [... Она] включала всего 11 типовых ячеек, она послужила основой построения всех ЭВМ „Минск“ второго поколения.
>
> Структура „Минск-2“ имела несколько оригинальных решений, открывших новые по тому времени возможности. В частности, был осуществлен ввод, обработка и вывод алфавитно-цифровой информации в телеграфном коде МТК-2, реализована экономичная система прерывания программ при работе устройств ввода-вывода.
>
> **— Научно-исследовательский институт электронных вычислительных машин: историческая справка.**

То есть, разработчики дальновидно взялись следовать двум стратегическим целям: внутренней унификации составных элементов и внимания к периферийным устройствам. Минчане не гнались за голой скоростью счета, но изначально думали о решении проблем массового производства и о сбалансированном общении вычислителя с внешним миром[78]. Это позволило использовать технологические решения, заложенные в „Минск-2“, в последующих моделях без радикальных переделок. Во всех моделях серии „Минск“, включая „Минск-32“, примерно 60% количества элементов пришлись всего на 3 основных стандартных элемента.

Руководили коллективом создателей, помимо В. В., его заместители В. Е. Клочков и Г. К. Столяров. Основными разработчиками стали, как и они, молодые, приехавшие „по первому набору“ сотрудники, многие из которых оказались попросту соседями по дому: Н. А. Мальцев, Г. Д. Смирнов, А. И. Бахир, Ю. Г. Бостанджян, А. Б. Флеров, М. Б. Темкин, Е. И. Мухин. Удача первого опыта основательно сплотила рабочий коллектив и дала заряд для будущих достижений[79]. Дальше, и очень быстро, хорошо подготовленных мотивированных сотрудников стали поставлять по новым для себя специальностям белорусские ВУЗы.

Машина выпускалась с 1963 по 1965 гг. и была выпущена количеством 118 единиц. Несколько поставок ушли за рубеж.

Через много лет следы машины „Минск-2“ с фабричным № 3 найдутся и снова потеряются в Институте математики Болгарской АН. Она была поставлена в первый в НРБ вычислительный центр в 1964 г. Сначала была в работе, потом попала в музей, а после ремонта в начале 2010-х следы ее растворились. Сохранились только две горстки: воспоминаний и фотографий, в числе которых — три странички дипломной работы по программированию (еще в кодах!), передающие аромат времени первых ЭВМ.



Устройство управления „Минск-2“ № 3.

В. К. Надененко.

Успех развил коллектив под руководством главного конструктора Виктора Кирилловича Надененко (В. П. Качков, Г. Д. Смирнов, В .М. Ленкова, А. П. Кондратьев, М. С. Марголин). „Минск-2“ оснастили улучшеной памятью и устройствами ввода-вывода (перфокарты и АЦПУ). Новую модель назвали „Минск-22“. Улучшения получились столь уместными, что машин „Минск-22“ было изготовлено уже 963 единиц за период с 1965 по 1970 гг. Минские машины действительно становились массовыми. На них были построены первые в стране АСУ „Львов“, „Кунцево“, другие.

Позже В. В. признается, что частью удача и признание „Минск-2/22“ объясняются своевременностью: „В Пензе тоже решили выпускать полупроводниковые машины большими сериями. Они предложили совсем неплохой проект сразу по линейке машин разной мощности[80]. Но они опоздали, уцепились за свои ламповые и долго не хотели их бросать. Мы их опередили на 2 — 3 года и успели за это время раскрутиться[81], так что когда они сделали свое, их машины уже оказались никому не нужны.“

Подарок: плакетка с конвертом первого дня.

Машины „Минск-2“, „Минск-22“ и „Минск-22-М“ получат награды в Москве: дипломы I степени ВДНХ (1964, 1966 гг.), диплом на выставке „Интероргтехника-67“. На 7 устройств в их составе получены авторские свидетельства.

Перейдя (так вовремя) на полупроводниковые ЭВМ, коллектив, возглавляемый В. В., открыл в своем отечестве перспективу развития массовых средств ВТ на десятилетия вперед. Полупроводниковая основа все это время будет развиваться без остановки, и предел развития не наступит и к 2010-м годам. Вычислительные устройства на полупроводниках преобразуют мир совершенно невообразимо для 1960-х годов, наполнив его устройствами, что размещаются на ладони, но вычислительными мощностями многократно превышают целые наборы энергоемких шкафов, занимавших когда-то десятки квадратных метров пола в помещениях. Однако без этих „примитивнейших“ первых полупроводниковых ЭВМ будущее из мобильных телефонов, центров по обработки данных, интернета и многого другого просто бы не состоялось. Это был необходимый этап развития, и в известной степени В. В. и его соратникам повезло, что они оказались первооткрывателями такого без преувеличения фантастического пути[82]. Но и люди не стали уклоняться от вызова времени и оказались способны (в разных отношениях) его принять.

В далеком отсюда 90-м он получит на 60-летие в подарок от коллеги по отрасли плакетку с изображением т. н. „конвертоа первого дня“ с гашением почтовой марки, выпущеной к 25-летию изобретения биполярного транзистора тремя сотрудниками лаборатории фирмы Bell. На изображение конверта даритель наклеил фотографию В. В. и сделал на обороте надпись: „Первопроходцу советской вычислительной техники В. В. Пржиялковскому в день ЮБИЛЕЯ. В. Максименко.“ То будет совсем другое время: разрушения десятилетиями создававшейся промышленности и разброда в умах; В. В. найдет себе утешение в том, что кто-то вспомнит о его заслугах, начинавшихся с серийной полупроводниковой „Минск-2“.

Урок Минск-23

„Минск-23“ стала машиной не оправдавшихся надежд.

С первой популярной машиной в СКБ пришли опыт и азарт. В. В. начал выезжать за границу. Расширился кругозор и появилось чувство перспективы[83]. После посещения выставки в Ганновере в 1964 году стало ясно, что на повестке дня стоит обработка алфавитно-цифровых данных[84].

Ответственность за руководство новой разработкой была возложена на В. В. как главного конструктора и Г. Д. Смирнова с Л. И. Волковым в качестве заместителей.

В новой машине воплотился целый каскад решений, рядом с которыми с полным основанием можно ставить определение *впервые*. Смело были введены такие новшества, как символьная логика обработки данных (а не двоичная, как раньше; в машине даже не было арифметического устройства: сложение, вычитание и умножение выполнялись „по десятичной системе табличным методом“) и переменная длина слова и команд. Много было чего еще, но для судьбы машины хватило этих.

1966
ЭВМ „Минск-23“. Общий вид.

Выяснилось это не сразу. Отзывы о работе с опытными образцами из дружественной закрытой организации и от Новочеркасского электровозостроительного завода (НЭВЗ) были самые радужные. Сдачу госиспытаний коллектив разработчиков с оптимизмом отметил в ресторане. От машины ждали многого. По опыту „Минск-2/22“ рынок был свободен — конкуренции со стороны прочих разработчиков минчане не ощущали.

Однако выпуск „Минск-23“ ограничился всего 28-ю штуками в период между 1966 и 1969 гг.

Все в ней было правильно и своевременно — за одною малостью. Проблема крылась в отсутствии совместимости. Предшественница, „Минск-2/22“, была машиной массовой, а многие, в свою очередь, из ее пользователей, *вошли во вкус*, стали пытаться расширять круг решаемых задач и столкнулись с нехваткой производительности. Казалось бы, „Минск-23“ с ее характеристиками — то, что нужно. И вдруг выяснилось, что мало кто был готов *переписать заново* ранее написанные программы под новую, пусть и столь замечательную, архитектуру. Людям действительно оказалась нужна повышенная производительность[85], но только не сама по себе, а с сохранением работоспособности ранее

написаных программ. Дело выходило нешуточное: представители одного крупного предприятия на Украине доходили до призывов отдать разработчиков „Минск-23“ под суд из-за ее программной несовместимости с предшественницей; были другие резкие высказывания.

Позже требование обратной совместимости массового продукта станет общим местом и будет разуметься само собой. Однако в истории отечественной ВТ *в первый раз* стало ясно, что фантазия и изобретательность разработчика обязаны уживаться с чувством ответственности.

Для исправления ситуации понадобилось срочно начинать работу над новой моделью, ставшей известной как „Минск-32“, где компромиссно соединили командную логику „Минска-23“ с логикой „Минска-22“, позволив использовать старые программы.

> Все же, без малого три десятка выпущенных машин нашли себе достойное применение. Одна долго использовалась в системе бронирования билетов транзитных пассажиров в Центральном агентстве ГВФ, давая экономический эффект 3 млн. рублей в год. Модель экономически успешно применялась на заводе в Новочеркасске, в других местах.
>
> Как-то в середине 70-х В. В. пришел с рассказом о разговоре с минчанами. „Они по своим делам послали своих программистов в Будапешт, и те обнаружили на одном из заводов две работающие ‚Минск-23‘. Они спрашивают, зачем вы это старье используете, неужели нельзя заменить на новые? Венгры говорят: а зачем? Эти машины решают такие-то наши задачи, их хватает, мы на них деньги зарабатываем. Они делают, что нам нужно, зачем их менять?“
>
> Лицо его светилось довольностью от осознания, что детище, на которое когда-то давно было потрачено столько сил и раздумий, приносит пользу людям. Практичный подход венгров оказался созвучным его собственному складу мышления, был ему по душе.

Несмотря на по факту мелкосерийность (по минским меркам), машиной был подготовлен задел на будущее. Так, в ее изготовлении были применены сборные конструкции для сборки на конвейере, „сыгравшие“ в полную силу на производстве „Минска-32“.

По устройству машины было получено 12 авторских свидетельств. Она получила Диплом I степени ВДНХ в 1967 г., и на юбилейной (к 900-летию города) выставке в Минске дипломы „За высокие технико-экономические показатели“ и „За лучшее художественно-конструктивное решение“. Последнее требует пояснения.

Вместе с другими руководителями предприятия В. В. придавал большое значение налаживанию хороших отношений с городскими и белорусскими республиканскими властями. В юбилейном для Минска году была организована выставка достижений столичного народного хозяйства, действовавшая все 12 месяцев. В. В. считал крайне важным суметь договориться о включении новой машины в состав экспозиции. Это было непросто, поскольку в городе имелось достаточно крупных заслуженных предприятий с понятной для властей продукцией. Но попадание на выставку, с одной стороны, стало бы свидетельством признания завода значимым для местного руководства, а, с другой стороны, В. В. понимал, что городское и республиканское начальство будет приводить на выставку всевозможных высоких гостей. Так оно и произошло: завод и СКБ действительно ощущали помощь местных властей, а выставка поспособствовала известности и, в конечном счете, сбыту продукции. Предпринимая усилия к участию в выставке (для этого пришлось поработать), В. В. выступал уже не как конструктор, а как руководитель, представляющий большой коллектив.

Выставка носила общий характер: наряду с авто- и бытовой техникой, прочим, на ней были представлены изделия белорусских народных промыслов. Поэтому, когда потребовалось отметить ЭВМ, для ранее неизвестного вида продукции попросту не нашлось номинации. Подобрали, что смогли. Но, учитывая заявку на товарное массовое производство, рассчитанное на потребителя, выбранные номинации не выглядят искусственными. В статье, посвященной этой машине (ссылка выше), говорится: „ЭЦВМ ‚Минск-23‘ изготавливалась с применением основных технологических процессов, среди которых можно выделить формообразующие процессы в механике.“ Внешний вид шкафов был защищен свидетельством на промышленный образец[86].

Год 1966 окончания разработки „Минск-23“ пришелся на реорганизацию СКБ. Широта и сложность задач, решаемых этим подразделением завода, потребовали наделить его большей самостоятельностью. Его вывели на отдельный баланс и преобразовали в Минское проектное бюро завода им. Орджоникидзе (МПБ). МПБ стало проектировать устройства, в том числе из расчета на других изготовителей: так,

устройства считывания в ЭВМ данных с размеченных человеческой рукой документов „Бланк-П“ было разработано в МПБ в тесном взаимодействии с брестским БЭМЗ, его выпускавшим. Устройство успешно использовалось ЦСУ СССР при обработке данных переписи населения СССР 1969 года.

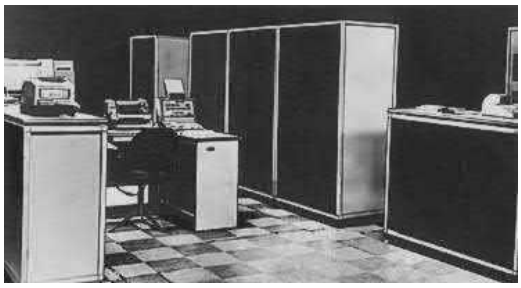
2012
МПБ, корп. 2, по ул. Кульман, 2. Афиша: Ю. Антонов.

„Директором МПБ был назначен Г. П. Лопато, главным инженером — В. В. Пржиялковский.“ В самом начале улицы Кульман, в притык к заводу, для МПБ возводится новое здание, куда переезжают из заводской башни сотрудники бывшего СКБ[87]. Наличие дополнительных площадей позволяет наращивать штат проектной организации. Численно растет и завод: одно короткое время („кадровики раскопали“) на нем работает оставшийся в Минске после службы в армии основатель знаменитых белорусских „Песняров“ Вл. Мулявин — благо до филармонии или рукой подать, или перейти площадь. Живой взгляд на разворачивающийся фронт работ, увлеченность и приподнятый настрой коллектива передают статьи, начинающиеся появляться в местной и центральной печати.

Торжество Минск-32

Машине „Минск-32“, разработанной, таким образом, чтобы исправить просчеты предыдущей модели, было уготовано судьбой стать одним из самых ярких достижений МПБ и завода им. Орджоникидзе.

Управление разработками было возложено, помимо В. В., на заместителей главного конструктора Г. Д. Смирнова, М. Е. Неменмана и Л. И. Волкова[88]. В очередной раз коллективу удалось воплотить в изделии много нового, так что по ряду своих архитектурных особенностей машина относилась уже к третьему поколению ЭВМ. Существенно было и другое: за время выпуска с 1968 по 1975 гг. „Минск-32“ окажется самой распространенной универсальной ЭВМ в стране, достигнув количества изготовленных экземпляров 2889 штук.



1968
ЭВМ „Минск-32“.

Такого размаха оказалось возможным достичь только благодаря огромным усилиям завода, внедрившего в производство целую гамму технологических новшеств. Невиданной до сих пор стала организация конвейерной сборки. С днепропетровского Южмаша была привезена автоматизированная линия, с помощью которой штамповали 30 крупногабаритных элементов корпусов. О творческом, новаторском и напряженном периоде работы завода, связанном с освоением производства „Минск-32“, живо рассказывает в своей книге Ю. В. Карпилович. В уже огромном коллективе каждый делал свое дело.

> Но истинными вдохновителями этой сложнейшей, но и очень интересной работы были И. К. Ростовцев и В. В. Пржиялковский. Они не боялись брать на себя ответственность, принимая отнюдь не очевидные, нестандартные решения, смело смотрели в будущее.
>
> **— Карпилович Ю. В. Так было ...**

Неумеренная работа отнимала здоровье. В какой-то момент в связи с ухудшением самочувствия В. В. оказался в больнице, где далеко не последние минские врачи безуспешно пытались поставить диагноз (выдвигалось несколько причин, вплоть до гайморита, для лечения мнимых последствий которого пришлось перенести хирургическое вмешательство). Позже, при обследовании в Москве врачом НИЦЭВТ перед командировкой за границу, неожиданно выяснится, что причиной нездоровья оказался перенесенный на ногах инфаркт.

Велико было удовлетворение от хорошо сделанной работы. „Минск-32“ в одной из аналитических статей в США назвали „рабочей лошадкой“ советской промышленной автоматизации. В. В. этим очень гордился. Машина выставлялась на выставке „Автоматизация-69“, получила Диплом почета Всесоюзной торговой палаты. В 1971 г. машина получит Знак качества СССР, в том же году Диплом I степени на ВДНХ, а двумя годами раньше Почетный диплом на выставке „Автоматизация-69“ в Москве. В 1972 г. она будет объявлена базовой для организации АСУ в странах СЭВ.

В целом машины серии „Минск“ со временем составят 70% общего парка страны (более 4000 штук). Появилось ранее невиданное Общество пользователей ЭВМ этого типа. Создавались библиотеки программ — машины начинали жить своей жизнью. Сами машины и отдельные устройства постоянно

представляются на ВДНХ, откуда их создатели привезут 14 золотых, 16 серебряных и 75 бронзовых медалей.

„Минск-2“. Белсовнархоз. Для ВДНХ СССР.

Проспекты машин серии „Минск“.

Как главный конструктор, В. В. напрямую руководил созданием только трех моделей из ряда, спроектированного в проектном бюро. Большинство же других моделей выпускались десятками, или даже штучно под конкретные нужды заказчиков. В. В. был буквально одержим идеей создавать именно *массовую* машину, стремился к этому. Притом, вероятно не без влияния почерпнутого зарубежного опыта, он не мыслил массовой машины без исчерпывающей и точной документации, позволяющей потребителю самостоятельно разобраться со своими задачами и проблемами. В этом он находил полное взаимопонимание с главным инженером завода И. К. Ростовцевым, жестко отслеживавшим процесс подготовки документации. В отношении документации машины серии „Минск“ выгодно отличались от машин других производителей.

Аннотация с автографом.

Государственная премия СССР.

1970
Лауреаты премии Ленинского комсомола.

Полное взаимопонимание с заводчанами складывается и в отношении к производственным процессам. У руководителей завода и проектного бюро вырабатывается стойкая непереносимость к „рационализаторским усовершенствованиям“, постоянно предлагаемым снизу. Такие усовершенствования, как правило, давали отдачу на единичных образцах, или даже элементах, но непредсказуемо могли вступать в противоречие с другими элементами, вносили неразбериху в производство, разрушали надежность выпускаемых машин, противоречили документации, поступавшей заказчику. Руководство требовало точного соблюдения предписанных технологических процессов и жестко пресекало их самодеятельное „улучшение“, часто наталкиваясь на недовольство самодеятельных „рационализаторов“. Для массового изготовления сложно устроенных изделий дисциплина производства и следование стандартам становились залогом качественного продукта, и с этим соглашались разработчики; фактически разработка велась во взаимодействии с заводчанами, а проектировщики попервоначалу помогали налаживать изготовление.

Характерной особенностью В. В. как конструктора было его отношение к „периферии“. Он стремился к тому, чтобы разрабатываемые им (а позже, и другими конструкторами) машины не оставались просто вычислителями, но были оснащены представительным разнообразием периферийных устройств, позволяющим быстро принимать и возвращать информацию. Возможно, этому его опять-таки научили зарубежные поездки. Наиболее полноценное воплощение тема периферийных устройств получит в последней его минской машине „ЕС-1020“[89].

Успех коллективов по созданию и освоению серийного производства машин типа „Минск“ получил признание присвоением в 1970 г. группе работников МПБ, завода им. Орджоникидзе и Брестского завода электроизмерительных приборов (позже БЭМЗ[90]) Государственной премии СССР[91]. В том же году другая группа работников получила премию Ленинского комсомола за „Минск-32“[92]. Коллектив только ведущих разработчиков (и даже не включая заводчан), с которыми доведется тесно работать будет гораздо шире[93].

Свою госпремию В. В. будет очень высоко ценить и ею гордиться.

Фотография на память после получения премии Ленинского комсомола за создание „Минск-32“ запечатлела группу молодых, заслуженных, но нацеленных на новые достижения сотрудников. Слева направо: Н. В. Шкут, А. М. Титов, Э. В. Ковалевич, представитель ЦК ВЛКСМ, В. Я. Пыхтин, М. Е. Неменман, В. П. Качков.

Поворот

К середине 60-х годов в развитии вычислительной техники в СССР стали проявляться системные проблемы, которые необходимо было решать. В общем они сводились к двум явлениям: наличию большого количества несовместимых типов ЭВМ и общим низким уровнем проникновения вычислительной техники в народное хозяйство[94]. Все усугублялось финансовыми ограничениями: анализ расходов СССР на вычислительную технику показал 10-кратное отставание от одной только фирмы IBM (**Карпилович Ю. В. Так было ...**), однако увеличить их до сопоставимой величины, особенно на гражданские нужды, страна была не в состоянии. Проблематичность складывающейся ситуации была замечена профильными органами госуправления и начались попытки ее осознать и предложить выход. В это время велась работа, приводившая нередко к ожесточенным спорам среди специалистов и руководителей. Решение о разработке семейства машин с единой архитектурой ЕС ЭВМ было принято СМ СССР в 1968 г., и головной организацией был назначен новоучрежденный НИЦЭВТ; в следующем году межправительственным соглашением программа стала международной. За рубежом аналогичное решение о выпуске машин, программно совместимых с IBM, в разное время приняли фирмы „Амдал“, „Фудзитсу“ и „Хитати“.

В. В. воочию столкнулся с IBM System/360 на выставке Hannover Messe, был глубоко впечатлен увиденным и без труда превратился в горячего сторонника того, что позже оформилось как ЕС ЭВМ.

Решение о создании ЕС ЭВМ было спорным (спорили много), и со временем, как бывает часто в отсутствии конкретных знаний, получили определенное распространение кривотолки, фантазии и откровенная вульгаризация. Этому способствовали не только субъективные мотивации спорящих, но и объективные постепенно накапливавшиеся в 70–80-е годы общее технологическое отставание советской промышленности и расстройство системы управления. И все же, хотя в конечном счете выбранное направление развития вычислительной техники не оправдало всех возлагавшихся на него надежд, оно привело к широкой автоматизации народного хозяйства и к появлению большого количества действительно грамотных специалистов. Объективность последнего подтверждается тем, что с разрушением СССР многие из таких специалистов без труда нашли себе заработок за рубежом[95]. Отечественная вычислительная техника, наконец, стала открытой, перейдя на используемый за рубежом байтовый формат оперативной памяти и на совместимые протоколы устройств ввода/вывода данных, что ранее отсутствовало. Стал возможен обмен данными и программами как с внешним миром, так и внутри страны.

В любом случае, проект ЕС ЭВМ не был самовольным решением какого-бы то ни было отдельного лица или группы лиц. Он стал результатом примерно двухлетней аналитической и организационной работы таких государственных институтов, как Госплан, ЦСУ, АН СССР, ГКНТ СССР, Минрадиопром, СМ СССР и ЦК КПСС. Большую роль сыграли потребности народного хозяйства в странах соцсодружества, где складывалась в целом похожая картина и шли похожие процессы поиска решения, иногда опережающие то, что было в СССР. Свою роль сыграло письмо Председателя СМ ГДР В. Штофа своему коллеге А. Н. Косыгину с предложением ускорить и усилить совместную работу по созданию единой серии ЭВМ в рамках СЭВ[96]. Решение о создании Единой Системы принималось в Москве после долгого изучения ситуации. А когда оно было принято, ориентация на архитектуру IBM/360, по словам прямого участника этих работ, находившегося в гуще событий, Владимира Константиновича Левина, стала попросту неотвратимой. Для В. В. это решение, принятое наверху, полностью совпадало с его собственным сформировавшимся мнением о путях движения вперед. Фактическую строну дела В. В., как участник событий, излагает в статье. Собственно споры стали активно возникать лишь в первой половине 80-х гг. и были вызваны в действительности совсем иными причинами, нежели желанием переосмыслить сделанный во второй половине 60-х гг. выбор. Об одной причине — проблемах с элементной базой — ясно свидетельствует еще один прямой участник, Ханнс-Георг Юнгникель. Но были и другие: именно в это время развернулась борьба за долгое стабильное выделение немалых средств.

Для руководителей завода им. Орджоникидзе и проектного бюро поворот от собственной архитектуры ЭВМ к принятой IBM/360 был осознанным решением. Рассуждения строились примерно таким образом. Для того, чтобы поднять использование ЭВМ в народном хозяйстве на уровень, сопоставимый с Западной Европой и США, требовалось объединение усилий нескольких отечественных производителей, ибо ни один из них, даже передовой по внутренним меркам минский, не имел для этого достаточных мощностей. Далее вставал вопрос, что именно будет создавать такая объединенная организация: что-то свое или же наиболее распространенное, то есть западное. Если свое, то за основу можно было взять машины „Минск“, или, например, „Урал“. Если западное, то у архитектуры IBM/360 конкурентов не было. И предприятие, имевшее наибольшие в стране достижения в этой области, и имевшее более других право их отстаивать, набралось решимости переключиться с домашней практики на мировую.

> Среди ведущих минских разработчиков такого единства не было. 2017 годом датирована статья „Из истории программирования в Беларуси“, в двух приложениях к которой два создателя ПО делились воспоминаниями о работе в НИИЭВМ еще со времен СКБ, живыми и интересными *per se*. М. С. Марголин, возвращаясь к „развороту“, писал следующее: „Надо понимать, что следовать стихийной стандартизации, следовать по пути, которым идёт весь мир, следить за тенденциями развития — это не то, что некоторые презрительно называются ‚копированием‘, а стремление попасть в mainstream,

а не ещё больше безнадёжно отставать, застряв в своём любимом болоте. А то, что микроэлектроника, и не только она, сильно отставала от требований, предъявляемых вычислительной техникой — это была беда отечественной промышленности.“[97]

Его коллега М. Е. Неменман в собственной истории обошел тему событий „после ЕС“, ограничившись замечанием, что „создание системных программ для разрабатываемой ‚собственной‘ ЭВМ и для клона уже существующей ЭВМ — это два различных вида программистской деятельности“. В умолчании (красноречивом), явно проступает сожаление от переключения на работу по правилам, разработанным „не тобой“[98].

ЕС-1020 и передача эстафеты

Новой программой ЕС ЭВМ предписывалось разработать в ближайшее время три модели первой очереди „Ряда-1“: „ЕС-1020“, „ЕС-1030“ и „ЕС-1050“[99]. Все модели планировалось создавать на новой технологической основе и с жесткими требованиями к оформлению сопроводительной документации. Обеспечить такой уровень проектирования и производства было непросто. Например, имелись большие претензии к поставляемым промышленностью интегральными схемам, составившим новую элементную основу всех моделей. Увы, но проблемы этого рода будут сопровождать все время ведения работ по ЕС, а в какой-то момент в будущем окажутся фатальными.

„ЕС-1020“ предписывалось разрабатывать Минску[100].

1971
ЭВМ „ЕС-1020“.

В 1969 г. Минское проектное бюро при Заводе счетных машин имени Г. К. Орджоникидзе превращается в Минский филиал НИЦЭВТ, а В. В. получает должность под названием „заместитель директора по научной работе — главный инженер“. В этом качестве под его руководством идет проектирование первой по факту готовности машины серии ЕС. Он вынужден будет покинуть эту работу, передав должность главного конструктора своему (пока еще) заместителю и другу Г. Д. Смирнову. Производство (в Минске, Бресте и Софии) будет налажено уже без его прямого участия, однако перевод минского завода на выпуск новой линейки продукции планировался в горячих спорах директора завода И. К. Ростовцева и В. В., как главного инженера проектной структуры.

1971
ЕС-1020. Оператор у стойки процессора, *main frame*.

Вопрос касался того, надо ли сразу бросать производство „Минск-32“ и переходить на „ЕС-1020“, или же сохранить параллельно выпуск старой машины. Для многочисленных пользователей „Минск-32“, разбросанных по всему СССР, прекращение ее выпуска было настоящей катастрофой. Минчане второй раз по-крупному столкнулись с проблемой сохранения работоспособности программного обеспечения своих потребителей, но на этот раз предложить им, в конечном итоге, смогли мало чего утешительного[101]. В новых обстоятельствах завод должен был перейти на машины с несовместимой архитектурой по постановлению правительства, а не в силу собственных планов. Единственным успокоением была вера в то, что благодаря выбранному пути развития, подобных „тектонических сдвигов“ в будущем не повторится.

Переход на „ЕС-1020“ обязан был состояться, а горячие дискуссии завершились решением какое-то время выпускать одновременно с новой машиной и старую „Минск-32“. Минск открывал для страны выпуск серии ЕС. В 90-х гг. минский же завод поставит точку в истории отечественной вычислительной техники, выпустив последнюю машину в Единой серии[102]. Примерно 60% ЭВМ ЕС, произведенных в Советском Союзе (то есть, не в странах социалистического содружества) производились заводом в Минске (**Карпилович Ю. В. Так было ...**).

Минский старт ЕС оказался удачным. В 1972 г. машина получит Диплом I степени на ВДНХ, в 1973 будет выставляться на московской выставке „ЕС ЭВМ-73“, год спустя на „АСУ 74“ на ВДНХ. В 1974 г. машина получит Знак качества СССР.

В конце 60-х возник вопрос о переводе В. В. на головное предприятие. Большую роль в этом сыграл тогдашний директор НИЦЭВТ А. М. Ларионов, предложивший кандидатуру В. В. в качестве главного

инженера, фактически заместителя[103]. Состоялся прием у главы Минрадиопрома СССР В. Д. Калмыкова, и кандидатура была утверждена.

2018
В 1969 г. дом 74 по ул. Горького был новым.

Перевод в Москву дался В. В. не без очередных сомнений и был по-своему драматичен. К нему неоднозначно отнеслась супруга Анна Викторовна, справедливо предвидя увеличение рабочей нагрузки. В Минске В. В. знали и ценили, как хорошего руководящего работника. Когда вопрос встал о смене жилищных условий, местные власти посадили В. В. в машину и предоставили право проехаться по городу, чтобы показать, какая из новостроек его устраивает[104]. В. В. делал по изъявленной просьбе серию выступлений перед тогдашним Первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеровым, пожелавшим разобраться в особенностях производства вычислительной техники, новой и непонятной управляющему составу республики. Первый секретарь ЦК, сам бывший партизан, пользовался в партизанской республике полным уважением и доверием населения. Белорусский ЦК не хотел отпускать В. В., но решение было принято на уровне Союзного и оспариванию не подлежало. Белорусский ЦК не заступился.

Атмосфера в коллективе была такой, что В. В. просто не мог не просить совета у друзей, с которыми так дружно и плодотворно работал на предприятии, которое вместе создавали с момента появления до достижения им многотысячного штата. Возможно, решающим оказалось мнение любимого им И. К. Ростовцева. Не желая расставаться с приятелем, И. К., тем не менее, сказал: „Русский человек должен жить в России.“ По тем временам это было откровенное, почти националистическое заявление, и любопытно, что прозвучало оно от И. К-ча, по происхождению мордвина[105]. Но тогда ничего зловещего, как это оказалось в конце 1980 — начале 90-х гг., в таких словах не было, а было только невысказанное желание поднять не только западные территории страны, пострадавшие от войны, но и центральные районы. Провожая в Москву, коллеги сказали В. В-чу в напутствие: „На новом месте у тебя появятся новые товарищи и друзья, но никогда больше у тебя не будет такого коллектива, как здесь!“. Так и получилось.

Из Минска он уезжал с приклеившимся к нему прозвищем „В.еликий П.рагматик“, которому, в утешение расставанию, был доволен. Для семьи это будет четвертый переезд, не считая смен квартиры.

Через НИЦЭВТ, как головное предприятие отрасли, В. В. будет управлять работой заводов и институтов в Ереване, Минске, Казани, Пензе, Бресте и многих других предприятий, разбросанных по СССР. Было очевидно, что в этом списке у него не было любимчиков: он любил их всех, и ничьих интересов не ущемлял за счет других. И, тем не менее, сердце его навсегда осталось именно в Минске, где он испытал первый крупный творческий взлет, работая в большой сильной команде единомышленников, и впервые для себя достиг с ними больших успехов.

Не только работа

Автомобиль „Волга“

С 1968 по 1970
За рулем ГАЗ-21 „Волга“.

Минск навсегда запомнился В. В-чу не только сугубо производственной деятельностью. Копить на машину начали сразу по приезду, поначалу целясь на „Москвич“. Почти собрали, но появилась премия, и в 1967 г. семья покупает автомашину ГАЗ-21 „Волга“ цвета „белая ночь“[106]. Немедленно начинаются поездки. Первые тысячи километров предстояло машину обкатывать, и первый год был посвящен освоению ближних окрестностей Минска. С этими поездками (часто по польскому булыжнику[107]) связано множество семейных воспоминаний.

Однажды на обочине дороги встретился голосовавший мальчик. В. В. (он становился уже важным человеком) хотел было проехать мимо, но запротестовала Анна Викторовна: раз голосует, значит ему надо! Подсадили. А. В. завязывает разговор: куда едешь, зачем. В Борисов, к тетке. „А откуда?“ Выясняется, что мальчик ушел из детского дома, где его обижает воспитательница. Что оставалось делать? Развернулись, привезли обратно в детский дом. Мальчик заплакал. Прежде чем передать, А. В. попросила позвать ко въездному шлагбауму заведующую и долго о чем-то говорила с ней наедине. Было очень тяжело. Чтобы заглушить совесть, взрослые принялись убеждать себя, что иначе поступить было невозможно. Но они предали ребенка, и случай этот бередил душу А. В-ны всю жизнь. В. В. тоже переживал, пусть не так обостренно, как жена.

Запомнились и не столь тяжелые истории. Однажды, под Острошицким Городком, когда в пионерлагере „Электрон“ был родительский день, взрослые катались с детьми по округе. В этот раз попросилась подвезти „простая деревенская женщина“ (выражение А. В.) с сыном лет шести. Чтобы ребенку было интересно, А. В. уговорила мать сесть на переднее сиденье и посадить сына на колени. На ухабе машина подскочила, мальчик тряхнул головой и ударился лбом о декоративную железную решетку радиоприемника. Осталась вмятина. Увидев вмятину, мать, не раздумывая, отвесила сыну роскошный подзатыльник. А. В. вступилась за мальчика, искренне жалеючи именно его, а не решетку. Потом, вспоминая этот случай, она всякий раз смеялась, отмечая нравы сельских жителей: выходило, что их более волновала порча имущества (тем более „хозяйского“), чем синяк у ребенка, который и так заживет.

Были ближние поездки в Раубичи, к полуразрушенному войной костелу, на башню которого забирался сын (как-то говорили, что кусок крыши там однажды отвалился, и это холодило душу), и в пустые подпольные склепы которого было так интересно спускаться. Около костела на склоне горы находилось развороченное кладбище с таинственными польскими надписями на камнях. По весне рядом с камнями пробивались сквозь сухую траву фиолетовые подснежники, что было равным образом и символично, и эстетично.

После обкатки начались дальние поездки по Белоруссии, а потом в отпуск — по стране. Первым был манящий Кавказ, после него Крым. Путь на юг лежал через Украину, и было удивительно наблюдать, как быстро по пересечении административной границы красная пашня белорусов меняется на непривычно черную украинскую. В. В. с настоящей страстью ждал встречи с Военно-Грузинской дорогой, состоящей из петель, подъемов и спусков, и где по одну сторону скалы, а по другую — глубокое ущелье с Тереком. Возвращающиеся оттуда авто-мотопутешественники начали попадаться уже на стоянке в Киеве, и к югу их становилось все больше. Воображение замирало от рассказов о виденных авариях на этом сложном маршруте. Грузинский же колорит был неразрывен с жившим там именем Сталина. Легендарные надписи типа „Слава великому Сталину!“ начали появляться на скалах еще в Осетии. В Тбилиси же мотель находился на улице Сталина, в центре был парк имени Сталина, портреты попадались в окнах. Это было необычно и немыслимо для остальных частей СССР.

С 1968 по 1970
Первые выезды на природу. Номер „56-70 миа“. Отец недоволен тем, как фотографирует сын.

Путь на юг лежал через Киев, где удобно было останавливаться в автокемпинге. За одно можно было искупаться в Днепре. Раз после такого купания В. В. повесил на куст сушиться плавки, а вспомнили про них только отъехав от Киева. Погоревали, но возвращаться не стали. Поразительно, но на обратном пути, остановились там же, и плавки продолжали сушиться на кусте, где их оставили — никто не тронул. Это простое по сути происшествие отложилось в памяти обоих взрослых навсегда.

Но были моменты и драматические. В Крыму стояли у берега моря на типичном для полуострова участке, с суши запертом горами. Заезжать приходилось по дороге, шедшей по склону; внизу стояло около десятка автомашин с палатками. Отпуск кончался, и пора было собираться в обратный путь, но вмешались дожди. Выезжать нужно было с разгона по короткому отрезку дороги вверх, затем резкий поворот налево, и по уступу склона наверх дальше. Беда была в том, что склон был глинистый, и ехать никто не решался, пока земля не подсохнет. После двух дней ожиданий В. В. и А. В. приняли решение выезжать, иначе грозило опоздание на работу. Решение было очень смелое и рискованное; окружающие отговаривали. Анна Викторовна настояла, чтобы выезжали на полностью загруженной машине и с детьми. Резкий поворот заставил поволноваться всех, но обошлось. В этот раз твердость характера показали оба супруга.

На следующий год из Крыма доехали до Дагомыса (Уч-Дере) близ Сочи. Автостоянка была рядом с болотцем, где водились змеи, зато море было в десяти шагах. Здесь пришлось задержаться из-за карантина, объявленного в связи с холерой. Родители снова переживали из-за шанса не успеть на работу, но на этот раз какое-то время в запасе было. В. В. успокаивала возможность пару лишних дней попить местное домашнее вино.

Запомнилась поездка в Тирасполь с рыбалкой в Днестре. Остановились в доме родителей одного минского сотрудника[108]. Глава семьи был завзятым рыбаком, и пытался учить В. В. своему искусству. В тот день не клевало, и когда у „бывалого“ специалиста зашевелился поплавок, тот живо и с артистизмом принялся вести, подсекать, и вдохновенно выудил, как выяснилось, рака. Насмешкам дочери и молодых девчонок-подруг не было конца[109]. Один раз в доме было какое-то торжество, вроде дня рождения. Во дворе, под виноградными гроздьями, расставили столы, за которыми расселось десятка три гостей. Поразило, что на руках у кого-то сидел трехлетний ребенок, которому давали пригубить расставленное на столах домашнее вино. Это считалось в порядке вещей. Вообще же, все

было мирно, изобильно и весело, и отдавало домашним счастьем. Невозможно было себе вообразить, что в 90-х гг. здесь все окажется совсем иначе.

Путешествие из Минска в Москву примерно в 1968 г.[110].

Характерная подробность: на В. В. нейлоновая (найлоновая) рубашка, привезенная из-за границы. Тогда такие были символом технологических достижений, предметом гордости одних и зависти других. Всего через несколько лет эта синтетика попадет в опалу, но совсем от „синтетического удара“ легкая промышленность уже не оправится: нейлон сменят другие искусственные вещества.

0:00 / 0:09

На севере была Прибалтика, благо от Минска до Вильнюса всего-то 184 км. По въезде в Литву дорогу объясняли дружелюбно настроенные крестьяне, многие из которых (старшее поколение) при этом не знали русского языка. В стороне от основной дороги стоял костел с мумией „пана Адама“ в темном склепе и душещипательной историей любви впридачу. Анна Викторовна была там вместе с экскурсией сотрудников завода в Ригу. Тогда водителя автобуса упросили сделать крюк к костелу. Теперь А. В. упрашивала мужа заехать туда еще раз, но В. В. экономил время, а к такого рода делам относился прохладно. Позже белорусские власти похоронят мумию, так что когда (уже путешествуя из Москвы) супруги-таки заедут к Адаму, поглядеть на него уже не удастся.

В Минске была выработана[111] особая тактика выезда. Из города в дальнее путешествие семья выбиралась вечером, и, отъехав недалеко, становилась на ночевку. А с утра пораньше начиналось серьезное путешествие. Машины 70-х гг. были не те, что 30 лет спустя. В дороге их приходилось обслуживать; доводилось ремонтировать. В один такой выезд на второй день отказало сцепление. Можно было вернуться „на тросе“ назад, и починиться дома, но отпуск пошел бы насмарку. Пришлось В. В. в полевых условиях самостоятельно менять диск сцепления. Получилось.

Традиция отпускных путешествий продолжилась в Москве, поначалу на старой „Волге“ ГАЗ-21, а потом на ее сменнице ГАЗ-2410, для традиции цвета „слоновая кость“. Ездили в Карелию, на Северный Кавказ через Астрахань с заездами в Калмыкию и другие места.

Рыбалка

Близкие поездки из Минска делались за грибами (особенно хорошо в этом отношении проявило себя Логойское шоссе[112]) и на рыбалку. Приобщаться к рыбалке В. В. начал еще в Серпухове подростком, когда взрослые брали его с собой на Оку к устью Протвы, но самостоятельная рыбалка началась на Березине, Заславском водохранилище, в меньшей степени на Вилии. Из своих зарубежных поездок этого времени В. В. обязательно привозил какие-нибудь снасти. Однажды на Заславльском водохранилище, в общем-то, уже немолодая щука повелась на иностранную блесну, насаженную на иностранную леску, исходящую из иностранного спиннинга. Скучавшие до того дети неожиданно увидели все этапы захватывающей борьбы человека с подводным царством. Итогом оказалась долго еще на берегу взбрыкивавшая и щелкавшая зубами рыбина. Взвешивание при свидетелях показало 5 килограмм, ажиотажу В. В. не было предела. Это так и осталось для него рекордным рыбацким достижением. Готовила щуку Анна Викторовна, в фаршированном виде, запросив по телефону консультацию у знакомых, сведущих в рецепте такого блюда. При всем при том, по-настоящему рыбацкую душу он отведет только на Дону. Ехали туда на базу отдыха Новочеркасского политехнического института (НПИ) из Минска через Москву, где к двум своим детям прихватили еще двух племянников Анны Викторовны. Дон был кругом, так как база располагалась на острове. Рыбачил В. В. каждый день, и большего рыбацкого счастья за свою жизнь он не испытал.

Выезжать на рыбалку В. В. будет и в Москве, но много реже. Отсюда сравнительно дальними оказались уже поездки на белорусское озеро Рудаково под Мяделем, где МПОВТ построило базу отдыха. Ледниковое, небольшое в диаметре, но очень глубокое озеро обладало исключительной прозрачностью воды так, что в солнечную погоду из лодки при желании можно было наблюдать плавающих в водных зарослях щук. В окрестностях озера сохранились капитальные окопы позиционного противостояния русских войск немецким времен Первой мировой войны и наспех сделанные в противостоянии тому же противнику в войну Отечественную. В 20 минутах езды от Мяделя восстановлена стоянка партизанского штаба — приезжать из города сюда немцы так и не решались. Переплыв озеро на лодке, можно было попасть в деревню и совсем другие реалии. Плавали за молоком родители, иногда с сыном. Молоко брали у „простой деревенской женщины“ по имени *Елена Норбертовна Вертинская*, и сочетание

места, статуса и имени весьма забавляло Анну Викторовну. А. В. была общительным человеком, и реплики и предложения, звучавшие в разговорах от Елены Норбертовны, искренне ее веселили. Про прошлую жизнь в сравнении с нынешней несознательная поселянка легкомысленно заявляла, что „пры паляках и надвор'е [погода] было лучшэй“. Тут не выдерживал уже В. В. и радостно хмыкал. Еще она пыталась заочно сосватать свою дочку А. В-не за сына-москвича, соблазняя приданным в виде „Жигулей“ — по тем временам веский повод задуматься.

Рыбной ловлей сопровождалась поездка на Куршскую косу в Пярвалку, куда В. В. с семьей пригласили литовские коллеги по работе. Больших рыбацких достижений здесь не было, но всем запомнилось, как Анна Викторовна набрела в лесу на олененка. Он лежал на солнце в позе „Бэмби“, и при приближении людей замер, как велел ему инстинкт. Он не шевелился, даже когда его осторожно трогали, и так дождался, пока люди потихоньку не уйдут[113].

Позже были поездки В. В. без семьи (в том числе под Астрахань, в том числе на рыбалку зимнюю), уже за компанию, но они становились все реже, и со временем прекратились[114].

Гараж

Первый возник с приобретением автомашины. Это был железный гараж, расположенный по улице Долгобродской, к центру, по правой стороне, за кинотеатром „Мир“. Место дали от завода, то есть, завод был уже заметным предприятием в городе. Этот гараж прослужил недолго, и особых воспоминаний не оставил.

Ностальгию пожизненно вызывал другой гараж, полученный со сменой адреса проживания семьи. Он располагался в конце той же улицы Горького, был каменный, шире обыкновенного (находился на краю обрыва), двухэтажный; он стоял на песке и был всегда сухим. В нем В. В. с большой охотой осваивал „работу руками“ на своей „Волге“, пользуясь советами и помощью соседа по стоянке и старшего инженера завода, опытного техника Анатолия Федоровича Власенко. В войну тот был техником, вероятно по части авиационного обслуживания. Сейчас у него тоже была „Волга“. „Власенко“ в делах с машиной был для В. В. остался первым учителем и главным авторитетом; он много объяснял и помогал. Тут уже В. В, пытался привлекать к работам сына. У сына особой охоты к работе руками не наблюдалось, но запах бензина навсегда сделался с тех пор приятен. В широком гаражном погребе В. В. деятельно осваивал науку хранения даров полей и домашних заготовок.

В Москве тоже появится гараж; прослужит верой и правдой двум последующим поколениям Пржиялковских[115] и просуществует с 1975 г. до своего скоропостижного снесения властями Москвы летом 2016-го. С этим гаражом рядом со старым вокзалом на платформе Петровско-Разумовская, тоже возникнет много воспоминаний. В. В. еще успеет попечалиться его исчезновению, но минский гараж был по-настоящему первым, и был лучше.

Диссертация

Поездка на рыбный Дон состоялась после защиты кандидатской диссертации. Надо отдать должное „старикам“-руководителям СКБ: готовить молодежь к этому событию, как и способствовать профессиональному росту, они начали с самого начала. Уже на старте 60-х сотрудники группами ходили в Минский институт иностранных языков изучать английский[116]. Для В. В. это означало отодвинуть в сторону свой немецкий и приступить к освоению непривычного „картофельного“ произношения и непривычно широкого набора корней[117]. В доме постоянно звучали уроки английского языка, записанные на магнитофон, и появились оксфордские учебники[118].

Е. М. Синельников и Д. И. Секретев.

Еще одним движением в сторону саморазвития стала поддержанная руководством волна сдачи кандидатских экзаменов, прокатившаяся по коллективу в первой половине 60-х. Но вот с написанием диссертации у В. В. дело застопорилось из-за текучки. Как долго это бы тянулось, неизвестно, но помог Новочеркасск.

Совет по присуждению ученых степеней электромеханического и энергетического факультетов политехнического института
ОБЪЯВЛЯЕТ,
что 25 ноября 1968 года в 10 часов в читальном зале научной библиотеки
СОСТОИТСЯ Защита ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени кандидата технических наук
СЕНЧУКОВЫМ А. А. на тему: «Разработка и исследование устройств для выявления дефектной изоляции кабелей».
ПРЖИЯЛКОВСКИМ В. В. на тему: «Некоторые вопросы проектирования универсальных электронных вычислительных машин малого класса».
С диссертациями можно ознакомиться в библиотеке института.

Трактора все строже, спокойнее!
ЗНАМЯ КОММУНЫ

Объявление о защите диссертации.

Там, в НПИ, на кафедре „Электрические машины, аппараты, математические и счетно-решающие приборы и устройства“ сложился сильный (в масштабах страны) коллектив разработчиков ПО для машин „Минск“, плотно сотрудничавший с НЭВЗ и другими промышленными предприятиями. Заведующий кафедрой профессор Ефим Маркович Синельников стал настойчиво предлагать В. В. (в компании с Г. Д. Смирновым и В. В. Торикашвили — выпускником НПИ) защищаться на кандидата технических наук, предлагая свою кафедру. Приходилось упорно убеждать, так как В. В.

на первых порах отказывался этим заниматься, целиком отдавая время основной работе[119]. Помогал профессору Синельникову в этой деятельности доцент кафедры Дмитрий Иванович Секретев, взявший на себя, к тому же, много организационных забот и давший ценные советы по компоновке материала. Если бы не настойчивость Е. М. Синельникова и поддержка Д. И. Секретева, защита бы не состоялась, по крайней мере в 1969 г. уж точно[120].

В Москве похожая ситуация сложится с защитой докторской, к которой В. В. внутренне будет еще менее расположен, но с другой стороны, уговаривать его столь решительно на этот раз не потребуется: он и сам будет понимать, что для возглавляемого им тогда коллектива его докторская степень директора будет иметь статусное значение.

Дружеские встречи

Не могли не отложиться в памяти совместные походы сотрудников в ресторан, завершавшие закрытие очередной темы или „сдачу системы“. Походы проходили, так сказать, „в непринужденной обстановке“, и сослуживцы искренне развлекались. К концу 60-х подобные мероприятия были прекращены по указанию сверху. Возможно, в том была своя логика, так как молодые ранее специалисты стремительно становились солидными руководящими людьми, и со стороны такие встречи могли восприниматься неправильно. Но между собой они этого не замечали, и страшно жалели об исчезновении повода для такого рода дружеских неформальных встреч.

Оставались походы семей друг к другу в гости. Дети обычно занимались своими играми, а взрослые сидели за столом, говорили о жизни, о работе, веселились, и, еще по-деревенскому обычаю, пели уже современные песни. Это было последнее поющее за столом поколение. В этот раз дети обычай не переняли.

Семьи главных конструкторов братьев Пыхтиных, а также Виктора Владимировича с Анной Викторовной, не раз собирались в полном составе друг у друга в гостях[121].

В. Я. Пыхтин.

А. Я. Пыхтин.

После отъезда

Дальнейшее развитие Минского предприятия происходило уже без прямого участия В. В. Работа по созданию и освоению производства „ЕС-1020“ будет доделана друзьями. Через несколько лет приобретенный опыт выльется в создание усовершенствованного варианта этой машины, „ЕС-1022“. Основными разработчиками снова окажутся его старые товарищи, а в роли главного конструктора (что необычно) выступит главный инженер завода — ближайший друг И. К. Ростовцев. Со всеми ими во время работы над „ЕС-1020“ было проведено бесчисленное число обсуждений и споров. „ЕС-1022“ окажется самой массовой в ЕС ЭВМ: заводы Минска, Бреста и Софии изготовят общим числом 3828 таких машин.

НИИЭВМ отстроит новое здание по улице Горького. То же произойдет с заводом. Корпуса на площади Я. Коласа и по ул. Кульман отойдут на второй план.

1975
А. И. Тушинский за наладкой „ЕС-1022“.

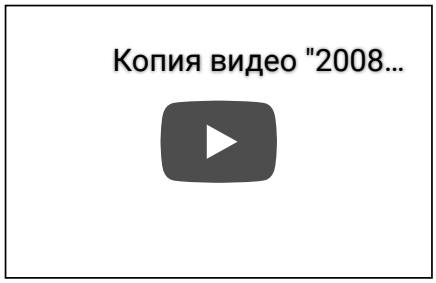
5 декабря 1988
В центре главный конструктор РВ-2 В. Я. Пыхтин.

Приезд П. М. Машерова на БЭМЗ.

Насыщенную жизнь завода проникновенно описал главный инженер Юрий Владимирович Карпилович в своих воспоминаниях (**Карпилович Ю. В. Так было ...**). НИИЭВМ со временем переключится на тематику РВ ЭВМ для военных применений, ПЭВМ; и то, и другое останется незавершенным по независящим от предприятия обстоятельствам. Брестский завод, с которым многое было связано, переключится на выпуск периферийных устройств, ЭВМ спецназначения и ту же серию РВ ЭВМ. НИИЭВМ и БЭМЗ продолжат работу по системам „Бланк“, начатую в 1964 („Бланк-1“) и прекращенную в 1988 г. („Бланк-7“). Системы этой серии позволили, в числе прочего, обработать переписные бланки переписей населения СССР в 1969 – 1970, 1980 и 1989 гг.; обработку партийных билетов и учетных карточек при обмене партбилетов в 1976 г.; спроектированные для этих задач устройства считывания и распознавания работали в связке с машинами „Минск-32“, а затем серии ЕС[122].

В Белоруссии В. В. оставил о себе крепкую хорошую память среди (с течением времени) ветеранов и всегда имел радушный прием.

Трогательно смотрится видеоотчет о праздновании в 2008 г. в Минске 50-летия НИИЭВМ. После взволнованного выступления перед старыми друзьями В. В., не избежавший недугов возраста, машинально, по старой памяти, пытается бодро *сбежать* по ступенькам со сцены.



2008
Празднование 50 лет НИИЭВМ.

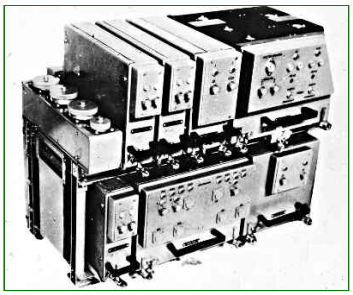
Снова Москва

В 1971 году в карьере В. В. наступает последний, московский период. Для него он станет не менее плодотворным, однако Москва, давая по сравнению с Минском несопоставимо больше возможностей, была одновременно существенно более жестким для работы городом, требуя больше моральных и физических сил. В огромном Министерстве радиопромышленности, в систему которого входил НИЦЭВТ, вычислительная техника была малой частью и непрофильной. По мнению В. В., ни прежний министр, ни новый (назначенный после кончины прежнего), не понимали в необходимой мере особенностей разработки и производства ВТ и не уделяли этой отрасли достаточного внимания, так как дел хватало и без нее, причем более понятных[123]. Так, неудачно принятое чисто организационное решение заметно осложняло развитие предприятия и целой отрасли.

С НИЦЭВТом, возникшим не без его участия (пусть непрямого), будет связана вся его дальнейшая судьба.

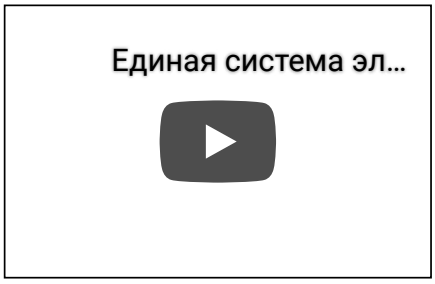
Поступает он на должность заместителя директора по научной работе — главного инженера (так формулировалось), заместителя Генерального конструктора ЕС ЭВМ стран социалистического содружеств, заместителя Главного конструктора БЦВМ комплекса „Аргон“.

Новая работа будет делиться на четыре большие части: разработка технических средств старших моделей ЕС ЭВМ (включая периферию) и программного обеспечения; координация работ по ЕС ЭВМ в качестве головного предприятия; межгосударственное сотрудничество стран социалистического содружества; бортовые цифровые вычислительные машины для авиационной техники, средств ПВО и космических аппаратов (военные БЦВМ) — по БЦВМ НИЦЭВТ был и разработчиком, и головной организацией, назначенной ВПК. При этом, если первая область деятельности была продолжением и развитием предшествующей работы, то остальные пришлось осваивать заново. Выручала выучка МЭИ и доскональное знание тематики ВТ, создававшейся от начала на его глазах и с его участием.



1972
Аргон-15.

БЦВМ.



1974
Фильм МО о ЕС ЭВМ.

Значительную часть деятельности НИЦЭВТ занимали разработки по заказам Министерства обороны СССР, включая создание изделий ЕС ЭВМ. Сохранился фильм МО СССР с ясным и простым рассказом о программе ЕС ЭВМ в ее начале, на момент Ряда 1[124].

В 1977 г. с поста руководителя НИЦЭВТ по болезни уходит А. М. Ларионов, и В. В. перенимает его должностные обязанности. Он становится во главе шеститысячного коллектива (в 1985 г. численность возрастет до 7418 человек, с учетом филиалов НИЦЭВТ во Владивостоке и Кишиневе, работавших по тематике БЦВМ)[125].

1970-е

1970-е в целом были для НИЦЭВТ годами большого трудового подъема и всестороннего окружающего благоприятствования. В. В. с головой уходит в работу.

В ЕС ЭВМ это десятилетие началось с линейки Ряда-1. Поначалу она планировалась из машин ЕС-1020, ЕС-1030, ЕС-1050 и ЕС-1060. Первая разрабатывалась и выпускалась в Минске, вторая создавалась в Ереване для выпуска в Казани, третья в НИЦЭВТе для (в конечном счете) выпуска пензенским заводом ВЭМ. В каждом из этих случаев выпускающие заводы к середине — второй половине 70-х предложили улучшенные проекты своих машин. В. В. поверил в такую инициативу и потратил усилия на лоббирование внесения изменений в государственную программу. Так появились модели ЕС-1022, ЕС-1033 и ЕС-1052, первые две из которых исчислялись тысячами и стали гордостью заводов в Минске и Казани. Разработка ЕС-1060 затянулась, и ее причислили к Ряду-2.

Цех завершающей проверки ЕС-1040 на Robotron.

Отдельная история сложилась в других странах соцсодружества. Заметную роль в запуске программы ЕС сыграла ГДР. За обращением в свое время В. Штофа к А. Н. Косыгину с целью ускорить принятие программы стоял большой объем уже сделанных в республике работ по воспроизведению архитектуры IBM/360. Однако поначалу в Госплане СССР думали ограничить роль ГДР выпуском терминальных устройств, припоминая умение немецких коллег делать качественные изделия с механической составляющей. В. В. был хорошо знаком с профильной промышленностью ГДР и с самого начала отстаивал право республики на выпуск вычислительных машин в рамках ЕС. В конце-концов предприятие Robotron выпустило модель ЕС-1040, оказавшуюся весьма удачной и нашедшую большой спрос из-за высокой надежности. По признанию аналитиков из США машина конструктивно и по качеству изготовления была на мировом уровне[126]. В Robotron сознавали высокую оценку своей работы потребителями и всячески старались ее удержать. Установленый технологический

регламент включал жесткую окончательную проверку изготовленных образцов.

В ГДР были чрезвычайно благодарны В. В. за проявленную позицию.

В Венгрии к моменту подключения республики к программе ЕС близилась к концу разработка ЭВМ, воспроизводящей архитектуру Mitra 15 (Франция). Чтобы труды не пропали даром, „в Москве“ (где принимались основные решения) решили дать возможность венгерским специалистам довести машину до совместимости с некоторыми внешними устройствами ЕС ЭВМ и под названием ЕС-1010 искусственно включить в Ряд-1. То же случилось с Чехословакией, только там машина создавалась в сотрудничестве с Siemens, и после подлаживания под средства ЕС получила название ЕС-1021. Обе машины были несовместимы с другими из серии ЕС.

МПК по ВТ в Болгарии. В. В. крайний слева. В центре Н. В. Горшков.

Сотрудничество соцстран.

Иное произошло в Польше, где „потихоньку“ сделали ЕС-1032 по архитектуре ЕС, и с неожиданно „великолепными“ показателями (включая размеры). В. В. пришлось ездить дознаваться во Вроцлав[127]. Разгадка крылась в использовании поляками импортной технологической и элементной базы в нарушение стандартов ЕС. „Главным нарушением было использование *полной* серии микросхем SN-74 компании Texas Instrument.“ „В высших органах управления СССР (ВПК, ГКНТ, Госплан, МРП)“ возникли „серьезные дебаты“: в документах по ЕС ЭВМ под давлением ВПК и МО „использование иностранных комплектующих изделий, *не имеющих отечественных аналогов*, запрещалось категорически“[128].

Машину со скрипом решили оставить в ЕС (без права поставки в СССР[129]). И все-таки свою роль польская самодеятельность сыграла. Она показала, как могла бы выглядеть техника ЕС, не будь она подвержена ряду искусственных для ее построения требований и имейся у ее разработчиков удовлетворительная элементная база. Снять все искусственные препятствия после этого общее руководство не решилось, но кое-что в документах ЕС ЭВМ было отредактировано[130].

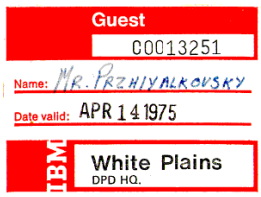
Польский успех подтолкнул минчан и казанцев к их моделям ЕС-1022 и ЕС-1033.

Пропуск на сессию МПК в Дрездене.

Было в области международного сотрудничества по ЕС и много реальных достижений, дававшихся хорошо спланированной интенсивной работой. Ежегодно (в каждой стране по очереди) собиралась Межправительственная комиссия по вычислительной технике МПК по ВТ); собирались советы главных конструкторов, секции специалистов. С конца 60-х В. В. участвовал во всех заседаниях МПК (с конца 70-х на правах Генерального конструктора ЕС ЭВМ) до прекращения всей деятельности в канун 90-х). В странах-участницах эту работу запомнили надолго и с теплом вспоминали десятиления спустя ее неожиданного прекращения по внешним причинам.

При всех перипетиях с Рядом-1 велись работы по этапу Ряд-2, бóльшая часть машин которого начала выпускаться в конце десятилетия (ЕС-1060, ЕС-1025, ЕС-1035, ЕС-1045, ЕС-1055). Ряд-2 проектировался уже с ориентацией на IBM/370.

США, середина 70-х. Бум вокруг Polaroid.



Пропуск в штаб-квартиру IBM.

В эти же годы развивается сотрудничество с западными фирмами, включая саму IBM. IBM не видела в СССР и Восточной Европе большого для себя рынка, но на ЕС ЭВМ смотрела благожелательно[131]. Постепенно складывалось понимание форм совместной работы, и до заключения официального соглашения с НИЦЭВТ было рукой подать, когда все контакты такого рода были фирме в одночасье запрещены правительством США после начала военных действий СССР в Афганистане в 1979 г. В IBM развели руками: мы ничего не можем поделать.

Работы по Ряду-1 были представлены на выставке ЕС ЭВМ на ВДНХ в 1973 г., а по Ряду-2 на выставке ЕС ЭВМ и СМ ЭВМ в 1979 г. там же. Это не были дежурные мероприятия. Они серьезно готовились и использовались для знакомства с достигнутым не только широкой публики, но и руководителей разных уровней. Выставки оказались важными вехами в жизни большого числа предприятий, вовлеченных в

ВДНХ, 1973. Устройство подготовки данных на перфокартах ЕС-9011[132].

масштабную деятельность по созданию целой отрасли всеобъемлющей промышленности средств ВТ: промышленность обеспечивала выпуск не только собственно вычислителей, как было раньше, но и широкой гаммы внешних устройств, без которых применение ВТ в народном хозяйстве бессмысленно.

ВДНХ, 1979. У стенда ГДР (ЕС-1055) А. Н. Косыгин, Я. П. Рябов, П. С. Плешаков, Л. В. Смирнов, В. В. Пржиялковский.

Значок выставки 1979 г.

Выставку 1979 г. в полную силу использовал ставший министром П. С. Плешаков, приглашая на нее именитых гостей. При таких визитах В. В. использовался в качестве технического поясняющего. Гостей попроще В. В. принимал самостоятельно. Во время проведения выставки едва не половину рабочего времени В. В. проводил на ВДНХ.

В 70-е гг. интенсивно развивалается бортовая тематика „Аргон“, доставшаяся от НИЭМ. В 1973 г. была закончена разработка „Аргон-16“:

> БЦВК „Аргон-16“ стал базовым для космических кораблей серии „Союз“ и грузовых „Прогресс“, для орбитальных космических станций „Салют“, „Алмаз“, „Мир“ и „Меч-К“, для спутников серии „Космос“.
>
> — **В. А. Михайлов, В. И. Штейнберг. Гонка без финиша.**

Интересный опыт дало создание линейки из машин „Аргон“ „А-30“ (1977 г.) — „А-40“ (выпускалась с 1980 г.) — „А-50“ (1985 г.), совместимых архитектурно с ЕС ЭВМ. Идея унификации архитектуры возникла из-за бурного расширения номенклатуры изделий по бортовой тематике, когда множащееся разнообразие грозило превратить разработку в нечто неуправляемое и недопустимо затянутое. Было принято решение взять за основу архитектуру ЕС для БЦВМ, предназначенных для решения расчетных и информационно-логических задач и специально разработанную в НИЦЭВТ архитектуру ПОИСК (проблемно-ориентированную с изменяемой системой команд) для БЦВМ, непосредственно управляющими конкретными системами летательных аппаратов (БЦВМ „серии Ц“ для истребителей МиГ-29, Су-27, Су-35); позже для определенного класса машин была установлена архитектура СМ ЭВМ[133]. Разработки велись в НИЦЭВТ, а изготовление передавалось на заводы МРП[134].

Модификация „А-30“ управляла взлетом и посадкой палубной авиации. Тактический авианесущий крейсер „Баку“ (→ „Адмирал Горшков“ → „Викрамадитья“).
Источник

Машины по своим характеристикам приближались к стационарным, но работали на борту самолета, корабля или движущегося грузовика. Программная совместимость с ЕС ЭВМ не только приводила к ускорению разработки за счет переноса стендовой отладки на обычную машину ЕС (не дожидаясь самого образца), но и упрощала взаимодействие с обычными комплексами на основе техники ЕС (так, изделие „А-30А-I“ устанавливалось на мобильный борт, входящий в АСУ ПВО „Щит“, и так далее). Эти машины внесли заметный вклад в укрепление ПВО страны, что, в свою очередь, повлияло на политическую картину мира.

Варшавское шоссе, 125

Помимо научно-технических вопросов, по должности приходилось заниматься административно-хозяйственными. На директорство В. В. пришлось строительство группы зданий института по адресу: Варшавское шоссе, 125 (начиналось строительство еще при А. М. Ларионове), и осуществлялся переезд из разных мест, включая старую площадку в Тимирязевском районе. Автором знаменитой „дуги“ был коллектив из Московского государственного проектного института[135]. Поначалу предполагалось, что дугу уравновесит небоскреб, воздвигнутый посередине, но в таком виде проект оказался дорог даже для

МРП. „Дуга“ смотрится впечатляюще и современно много лет спустя своего возведения[136]. Здание надолго станет „лицом“ института.

С 2000 по 2010
В начале 2000-х гг.

Здание НИЦЭВТ по Варшавскому шоссе, 125.

Строительство отнюдь не было беспроблемным. Сложности постоянно возникали если не с проектом, то с качеством работ. Однажды В. В. отказался подписывать прием очередной секции здания ввиду большого количества недоработок. В результате пришлось оказаться на заседании бюро райкома, где ему объяснили, что неприем в эксплуатацию сорвет плановые показатели Советского района по промышленному развитию, и что „надо подписать“, а строители, дескать, в следующем квартале все доделают. Портить отношения с райкомом было никак нельзя, подписать прием секции пришлось. Строители тут же решили, что раз документ подписан, то они свою работу сделали, и к секции больше не возвращались[137].

Гордостью проекта было бомбоубежище под зданием. Оно строилось из расчета на выдерживание „непрямого попадания ядерного заряда“ и длительного нахождения в нем людей в изоляции от внешнего мира. Но и оно постоянно требовало внимания руководства вследствие некачественной работы военных строителей.

Большим испытанием стала зима 1978/79 годов, когда в течение долгого времени в городе стояли морозы за 40 градусов. Положение, и без того непростое, в какой-то момент стало критическим, поскольку в котельной предприятия запаса мазута осталось только на три дня (газ закончился раньше). Дальше следовала бы заморозка здания и останов непрерывных циклов производства, восстановление которых потребовало бы колоссальных средств и времени. Положение спас Заместитель председателя исполкома Моссовета С. М. Коломин. Когда, в определенной мере случайно, удалось с ним связаться, он, несмотря на сверхмерную занятость (от необычного мороза страдал весь огромный город), сходу оценил положение и помог выделить из доступных ему резервов газ.

„Дуга“ принадлежала МРП, а не НИЦЭВТу. Небольшое количество площадей занимали другие организации министерства. В 1980 г. министр, окрыленный свежим опытом последней выставки на ВДНХ, устроил в 5-й секции здания (по правилам старой управленческой школы, сложившимся еще в 40-х гг.) отраслевую выставку достижений минрадиопрома. Вычислительная техника оказалась пусть заметной, но частью всей выставки. В здание зачастили руководители гос- и партаппарата, и В. В. по чину и праву хозяина приходилось их сопровождать[138].

Напластование проблем

О характере организационных, технических и управленческих проблем, которые приходилось решать, красноречиво свидетельствует следующий эпизод. В качестве внешней памяти тогда использовали дисковые накопители из нескольких пластин диаметром примерно 35 см. Они делались из алюминия, но для такого употребления требовался металл с очень хорошими характеристиками. Добиться от промышленности стабильных поставок качественного алюминия не удавалось, так как печи по его выплавке всякий раз перенастраивали под новые партии. Если для менее взыскательных сфер применения в этом не было беды, то для вычислительной техники какое-то время металл поступал негодным, и дисковые накопители быстро выходили из строя.

Воспользовавшись посещением отраслевой выставки Председателем Совета министров А. Н. Косыгиным, тому сообщили об этой проблеме[139]. А. Н., чуть задумавшись, тут же предложил выход таким образом, чтобы выделить на *конкретно* названом заводе *конкретную* печь для нужд отрасли[140] и использовать ее без перенастроек. Министр прилюдно согласился с пожеланием собственного начальника, однако оно было устное — и дальнейшего развития событий не последовало. Министру „страшно не хотелось“ принимать чуждую металлургическую печь в свое радиотехническое хозяйство, и вопрос был со временем умело, что называется, *замотан*.

То был конфликт интересов и пример исполнительской дисциплины, преподнесенные системой управления высшего уровня.

Похожая технологическая ситуация сложилась с химической промышленностью, оказавшейся не готовой предоставлять лак высокого качества для покрытия дисковых пластин мелкими, по ее понятиям, партиями. Научно-исследовательские лаборатории были в состоянии изготовить лак с самыми притязательными свойствами, но выпускать его промышленности было невыгодно.

Та же химическая промышленность не смогла освоить производство качественной пластмассы для микросхем, из-за чего они быстро выходили из строя. В. В. описывал, как долго искали причину такого поведения: при выпуске микросхем в пластмассовых корпусах их проверяли, отбраковывали негодные и оставляли работающие. Те поступали в изделия, но спустя какое-то время начинали выходить из строя. Не было идей, почему. Все же установили, что от в процессе работы ЭВМ от перемены температуры между пластмассой и металлическими контактами возникают трещины и нарушается герметичность. Для одного ответственного госзаказчика взяли пластмассу, купленную в Японии — отказы микросхем прекратились. Использовать японскую пластмассу для всей выпускаемой техники не разрешала ВПК, а добиться от отечественных заводов нужного качества было невозможно.

Машиностроение не давало точных подшипников, необходимых для дисковых устройств.

И химическая, и металлургическая промышленности, машиностроение отчитывались миллионами тонн, штук, и делать что-нибудь мельче измеримое, да притом лучшего качества, им было просто незачем. Подобные внешние по отношению к отрасли проблемы не могли благоприятно сказываться на качестве выпускаемых средств ВТ. Другие виды промышленности не были в состоянии поддержать их производство.

Главной и огромной проблемой внутри отрасли с самого начала программы ЕС был выпуск интегральных микросхем. Особенно она обострится в 80-х с появлением на сцене БИС. Она вынудит разработчиков искать палиативные решения, снижающие качественные характеристики и надежность. Этого рода неприятности отнимали у руководителей производства много сил и здоровья.

Массу забот доставляли взаимоотношения с другими организациями. НИЦЭВТу приходилось иметь дело с такими сложными заказчиками (в некоторых случаях, соисполнителями), как МО, ЦК КПСС, КГБ. Ругаться с ними никак было нельзя, а работа нередко отнимала уйму энергии. В целом, В. В-чу как руководителю удавалось находить с ними общий язык (что можно поставить ему в заслугу), но ситуации временами возникали весьма рискованные. В одном случае дело едва не дошло до вынесения партийного взыскания Политбюро ЦК КПСС, но обошлось. И все же, в этих системообразующих учреждениях его ценили, иначе на своей должности он попросту не работал бы или не удержался.

1980-е

80-е годы складывались противоречиво, трудно, а закончились вовсе катастрофой.

По линии ЕС в начале декады дорабатываются машины Ряда-2 (большие ЕС-1061 и ЕС-1065), проектируется Ряд-3 и создаются в рамках его несколько машин, в первую очередь большие и средние ЕС-1036, ЕС-1046, ЕС-1066, ЕС-1087.20. Постепенно складывается понимание Ряда-4[141]. Сам НИЦЭВТ, по-прежнему, занимается разработками старших моделей, а выпуск поручается предприятиям-заводам. Техническую сторону этой деятельности пристрастно и предметно описал главный конструктор нескольких из них Ю. С. Ломов в предпоследней для в своей жизни статье[142]. Эта работа сопровождалась созданием и освоением новых технологий проектирования и производства, без которых построить продукты такой сложности было уже невозможно[143]. Были получены десятки авторских свидетельств. Накопленный опыт позволяет создателям ЕС во второй половине 80-х уже

1984
ЕС 1065.

Машины ЕС ЭВМ-2 и 3.

предлагать ряд решений, предвосхитивших принятые позже фирмой IBM.

Как руководитель головного предприятия и Генеральный конструктор В. В. на своем уровне занимается машинами не только НИЦЭВТ, но и других предприятий. Продолжаются деловые встречи с международными партнерами по линии ЕС. Вот как (образно и точно) вспоминает свою работу (над ОС) с В. В. бывший главный конструктор ЕС ЭВМ от ГДР:

> Наше дело по ОС [с В. В.] чаще всего сводилось к роли „медиатора“ [и заключалось в том, чтобы] помогать убирать те камни с дороги, которые „специалисты“ считали себе не по силам, или когда они не хотели браться за горячие камни, [и в том, чтобы] отстаивать интересы своей стороны. Авторитет руководства чаще всего использовался для поиска компромиса: ведь составлялись контракты на много миллионов и под строгим наблюдением ваших [спец]„служб“.
>
> **— Х.-Г. Юнгникель, сообщение.**

Можно не сомневаться, что характер ведения совместных с руководителями других соцстран дел имел тот же характер. Руководители старались обеспечивать благоприятную среду для работы „специалистов“, полагаясь на их творческую энергию и здоровые амбиции.

Из круга западных партнеров выпали США, но сохранились деловые контакты с Западной Европой и с Японией. В основном они касаются поставок технологического оборудования. Контракты с СССР считались выгодными своей надежностью, и сложности заключения возникали, как правило, из-за давления, оказывавшегося США на своих союзников.

13 декабря 1981
С французами на кораблике Bateuax Mouches образца начала 80-х.

В 1983 г. В. В. становится доктором технических наук. Защита проходит в НИИ „Агат“[144]. В 1985 г. ему присваивается звание профессора.

В 1983 г. в Кремле происходит награждение большой группы работников — создателей ЕС ЭВМ — правительственными наградами. В. В. вручают Орден Ленина и Звезду Героя Социалистического Труда. Этой наградой он будет гордиться наравне со званием лауреата госпремии. До того в копилке его высших наград были ордена Трудового Красного Знамени (1971 г.) и Октябрьской Революции (1977 г.).

Появляются возможности представлять возглавляемую организацию, по регалиям находясь вровень со многими другими руководителями.

> Он автор более ста научных работ, в том числе четырех монографий по вычислительным машинам типа „Минск“ и ЕС ЭВМ, соавтор четырех авторских свидетельств СССР на центральные процессоры ЭВМ „Минск“ и ЕС-1020.
>
> **— Пржиялковский Виктор Владимирович. Виртуальный компьютерный музей.**

Жизнь предприятия

Жизнь на предприятии в эти годы была богатой событиями. В большом коллективе находится место каждому, но очень многие, работавшие в здании на Варшавском шоссе, запомнили эти годы как лучшие для себя.

В концертном зале отмечались праздники, куда приглашались всесоюзно известные артисты. Активно работала комсомольская организация. Она развернула поисковую деятельность бойцов Красной Армии, погибших в боях Отечественной войны. Удалось опознать десятки погибших бойцов, связаться с родственниками. Эта работа, особенно когда завершалась успехом, пробуждала и оставляла надолго глубокие чувства у участников поисков и у родственников погибших бойцов.

В 1981 г. открываеся музей Великой Отечественной войны. Тогда в НИЦЭВТ работало около 700 бывших участников войны; с их помощью музей собрал экспонаты, оформил диораму. Первым выставленным предметом стал принесенный сотрудником том „Евгения Онегина“, пробитый немецким осколком. Ветеранская организация устраивала поездки бывших фронтовиков по памятным местам, связанным с войной, причем делалось это планово и на постоянной основе, а не от случая к случаю. Музей с хранит привезенную их таких поездок землю с полей сражений. Всегда торжественно отмечалось 9 мая. В. В. открывал музей и всегда оставался желанным участником ветеранских мероприятий. Со временем

музей расширится частью, рассказывающей об истории предприятия.

Открытие музея Отечественной войны. Фото на стенде музея.

В 80-м начинается строительство садового товарищества „Луч“ в 100 км. от Москвы по Казанской железной дороге. В один из дней из Москвы на это расстояние от предприятия отправили автокран; он выложил военстроевскими бетонными плитами тропинку от станции до участков и с самого начала на десятилетия снял проблему грязного подхода. Появление садового товарищества сделалось большим событием в общественной жизни института. Землю удалось получить всего на 140 участков, и в многотысячном коллективе закипели нешуточные страсти среди не попавших в список. Конфликты приходилось улаживать. А у руководства со временем открылась возможность дополнительных неформальных встреч в выходные дни[145].

Октябрь 2016
Памятные доски у входа в НИЦЭВТ.

В 1986 году дозиметрический контроль прибывающих со всех концов страны грузовиков докладывает руководству о странной вещи: колеса машин, приехавших с западных областей страны имеют многократные превышения нормы излучения. Карт и масштабов радиоактивного заражения после Чернобыльской аварии тогда открыто не публиковалось, и В. В. приходится запрашивать эту информацию специально. Стоял вопрос, что с этим делать[146].

Задолго до этого большим производственным событием стало присвоение в 1981 г. предприятию Ордена Трудового Красного Знамени. В конце 70-х гг. в НИИАА на технике НИЦЭВТ была создана АСУ войсками. Генеральный конструктор системы директор НИИАА В. С. Семенихин, имевший большой вес в МРП, ВПК и МО, активно поспособствовал награждению ключевой в этой работе организации. Торжественное собрание, на котором к знамени института министр П. С. Плешаков прикрепил орден, состоялось в Колонном Зале Дома Союзов.

Благоволение вышестоящих структур оказалось неустойчивым.

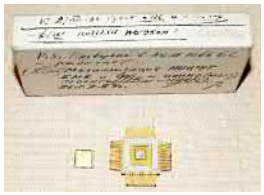
Тучи сгущаются

Если с военной тематикой в 80-х дело обстояло в целом благополучно, то с ЕС обстановка ухудшалась с начала десятилетия и стала откровенно тяжелой в середине. Причины крылись в отрасли, в смежных областях и в международной обстановке. Со всем этим система управления государственной машины, как показало время, справиться не смогла, недопустимо протянув с откликом на возникающие трудности или даже пойдя по ложному пути.

Проблемы со смежными отраслями (химическая, металлургическая, машиностроительная), проявившиеся еще в 70-е, не решались.

В самой отрасли средств ВТ[147] технологически главной (по более позднему заверению В. В., фатальной) стала проблема элементной базы. Относительно благополучные времена Ряда-1 в этом отношении сменились эпохой высокой интеграции и появлением в конечном счете СБИС. Электронная промышленность обнаружила растущее отставание от необходимых потребностей[148]. Отставанию серьезно способствовала изоляция от высоких технологий, возникавших в США.

В начале 80-х гг. США ввели эмбарго на экспорт в СССР продукции таких технологий. Соцстраны были способны производить качественную ВТ[149], но во взаимодействии с остальным миром, а не изолированно. Обходить эмбарго в единичных случаях было возможно, но за счет нарушения законности и с большой переплатой.



Коробка с первой „собственной“ БИС.

Комплекс хронических разнородных проблем обесценивал усилия больших коллективов разработчиков трудившихся над созданием новой техники, что приводило к затягиванию сроков и снижению качества. Вопросы такого порядка требовалось решать на внутри-, меж- и надминистерских уровнях, однако этого не происходило, делалось недопустимо мало, нерешительно или вовсе не то. Предприятиям нередко оставалось справляться в одиночку. Так, в 1983 г. НИЦЭВТ самостоятельно договаривается с зеленоградским заводом „Микрон“ о поставке „базовых кристаллов“, чтобы делать у себя их трассировку, заключать в корпуса и осуществлять выходной контроль (НИЦЭВТ)[150]. Руководство НИЦЭВТ добивается у П. С. Плешакова перепрофилирования строящихся для нужд МРП (во дворе „дуги“)

площадей и оборудует их под специальное производство. Создание микроэлектронного подразделения НИЦЭВТ поставит себе в заслугу. От него многое ожидалось. В 1984 г. (если точнее, 26 июля) В. В. кладет дома на стол подаренную картонную коробочку с изготовленной БИС, прошедшей проверку работы на ЕС-1066. Лицо расплывалось в улыбке радости от первого вещественного результата. Через неделю он с видимым сожалением расстанется с подарком, объяснив: „это нужно отнести на работу“. Коробочка найдет свое место в музее института[151].

Особо тяжелые времена наступают ближе к середине 80-х, когда рядом заинтересованных участников затеваются споры об архитектуре вычислительных средств — затрагивающие старшие модели ЕС. Время подобрано не случайно: с 1983 г. формируются планы развития ВТ на 12-ю пятилетку и до 1995 г.; ставкой становится грядущее долгосрочное финансирование.

> Возглавляет кампанию по пересмотру архитектуры генконструктор АСУ войсками академик В. С. Семенихин. Вычислительную основу своей системы он предлагает теперь строить из машин проекта Эльбрус. Эти же ЭВМ он призывает использовать во всех системах управления в интересах военных вообще[152]. Он организует „письмо группы академиков“ на имя члена ЦК КПСС Министра обороны Д. Ф. Устинова[153], где перечисляет преимущества ЭВМ Эльбрус. Маршал Устинов без колебаний встает на точку зрения, что „надо делать свое, а не брать за рубежом“[154]. На письме появляется резолюция Министра обороны: „Всем Министрам — **ЭТО АРХИВАЖНО**“[155]. Устав от противоречивых утверждений, призывов и даже давления с разных сторон, МРП и ВПК назначают для выяснения ситуации отдельное совещание, где в присутствии высокого начальства устраивают очную ставку глав двух ведущих организаций с привлечением прочих вовлеченных лиц[156]. После совещания В. В. скажет уставшим голосом, сохранившим долю запальчивости: „это была Прохоровка“. Свою позицию он сумел отстоять, однако победа далась дорого и была шаткой. Ни МРП, ни ВПК, ни даже ЦК КПСС не были монолитными организациями, и место интригам оставалось всегда[157]. В них, как и в других государствообразующих образованиях, имелись здоровые силы, делавшие много правильного и своевременного для страны, однако слишком часто их старания обращались в ничто действиями других людей все в тех же организвциях.

В. В. сильно переживает. Он часто повторяет слышанное где-то высказывание: *Feci quod potui faciant meliora potentes*: „сделал, как смог, пусть кто сможет, сделает лучше“.

Противопоставление машинам ЕС велось как по линии архитектур машин Эльбрус-1/2 главного конструктора и директора ИТМиВТ В. С. Бурцева, так и М-10/13 главного конструктора и директора НИИВК М. А. Карцева. Все это были мощные вычислители (по тем временам суперкомпьютеры) и, так сказать, „полностью отечественные“. Интриги и дрязги здесь замыкались аппаратом вышестоящих управляющих ведомств. Главные конструктора стояли от этого в стороне. У Всеволода Сергеевича Бурцева, Михаила Александровича Карцева и В. В. профессионально было много общего. Все трое имели исходно одну *alma mater* МЭИ имени Молотова. Все работали в отрасли с момента ее возникновения и знали о ней все. Шли своими путями, но „боковым зрением“ видели и понимали достижения друг друга. К 80-м гг. между ними установились уважительные и благожелательные отношения. Когда требовалось, они встречались, созванивались и оказывали взаимную поддержку.

С выявлением „архитектурных шатаний“ начала 80-х три руководителя сошлись на том, что лежало на поверхности: их системы имеют разные области применения. Действительно, М-10 и М-13 имели поразительную по тем временам скорость счета, однако эти машины проектировались для решения конкретных задач поддержки средств ПРО. Точно также для предприятия или учреждения беспомощен и неимоверно затратен оказался бы Эльбрус[158]. Главы трех организаций-разработчиков договорились не заниматься перекрестной критикой, оставив интриги высшим уровням руководства и окружающим[159].

Подарок от НИИВК.

Архитектурные споры на высоком уровне было тяжело воспринимать, потому что они велись не по делу, и подменяли собой необходимую работу по разрешению действительных проблем. Разговорами не ограничилось: „в двенадцатой пятилетке (1986 – 1990 гг.) ресурсы, выделяемые министерством на финансирование работ по ЕС ЭВМ, неуклонно сокращались“, так как средства министерства уходили на проект Эльбрус[160]. Но работы по Эльбрусам-2 и 3[161] шли трудно и с большими задержками, и в виду требований ряда заказчиков НИЦЭВТ вынужден начинать собственные работы по суперЭВМ. В рамках этой деятельности проектируются матричный процессор (ЕрНИИММ), система с макроконвейерной архитектурой (ИК АН УССР), динамической архитектурой (ЛИИА АН СССР, Торгашев В. А.) и с программируемой архитектурой (ТРТИ, Каляев А. В.). Работы выполняются за счет НИЦЭВТ[162].

Руководство НИЦЭВТ как могло пыталось оградить коллектив от неблагоприятных внешних факторов и поддерживать на предприятии рабочую атмосферу. Многого преодолеть было невозможно, но в целом институт двигался вперед. Предсказать, что случится впереди, не мог никто.

Закат

Удостоверение партконференции.

На съезде с В. В. Виноградовым.

Распад отрасли начался всполохом надежд. В 1985 г. к руководству страной приходит М. С. Горбачев[163]. Готовится съезд КПСС. НИЦЭВТ ценят в райкоме Советского района Москвы. У В. В. сложились хорошие отношения с секретарем В. В. Виноградовым[164], что на пользу предприятию. Для района НИЦЭВТ — крупная передовая организация, и райком выдвигает ее руководителя на Московскую партконференцию, а та уже от Москвы на XXVII съезд КПСС, состоявшийся в 1986 г. МГК в это время возглавляет Б. Н. Ельцин. Он поражает участников конференции долгой и откровенной (как тогда казалось) речью, настроенной на преобразования. Мало кто не зажегся тогда уверениями секретаря МГК в том, что он как „носит ботинки отечественной фабрики ‚Парижская Коммуна'", так и будет „носить всю жизнь"[165]. Съезд внешне устраивается по старым лекалам, но перемены налицо.

1988
ЕС-1087.20.

Ю. С. Ломов.

Еще до съезда новый генсек собирает Всесоюзное совещание по проблемам научно-технического прогресса[166]. По поводу ВТ было сказано, что отрасль не имеет единого руководства, и это пагубно сказывается на ее развитии[167]. Для НИЦЭВТ результатом совещания стала драматическая потеря микроэлектронного подразделения, выпестованного большими трудами[168]. Взаимоотношения с ним неимоверно усложнились, и снова встала проблема элементной базы для последних разработок. Срок готовности машины ЕС-1087[169] резко отодвинулся — настолько, что в складывающихся обстоятельствах изготавливать ее окажется некому, и машина останется в единичном экземпляре[170].

Поиск выхода из положения для минской машины ЕС-1130 из Ряда-4 приводит к завязыванию тесных связей НИИЭВМ и МПОВТ с литовским объединением „Вента", изготовителем микросхем требуемой степени интеграции, подчиненном МЭП. Сотрудничество минчан с литовцами окажется крайне благоприятным[171] (из неперсональных машин ЕС-1130 станет последней технически удачной среднесерийной машиной ЕС), и на исходе 80-х с „Вентой" завяжет плотное сотрудничество уже головное предприятие[172]. Увы, но появившейся в этом направлении многообещающей перспективе не суждено будет раскрыться.

В 1985 г. из бывшего микроэлектронного подразделения создается НПО „Физика", а непосредственно перед съездом КПСС в самостоятельную организацию НИИ „Аргон" уводится бортовая тематика. Тематика ЕС сохраняется за НИЦЭВТ, и на его основе создается НПО „Персей"[173]. В. В. назначается Генеральным директором НПО и директором НИЦЭВТ.

После съезда создается „Государственный комитет СССР по вычислительной технике и информатике" (ГКВТИ)[174]. Во главу ставится замминистра МРП Н. В. Горшков, но в состав вошли новые малопричастные, зато амбициозные люди, включая представителей АН СССР. Деятельность ГКВТИ беспомощна и неумела. О бюрократическом, оторванном от жизни характере новосозданного органа управления безжалостно говорится в обзоре подготовленном в США.

> По признанию В. В., он всего раз был вынужден согласиться с ведущим заседание ГКВТИ академиком Е. П. Велиховым — когда тот призвал в разработке средств ВТ сотрудничать с фирмами Запада. Так с этим мнением они и остались на пару. *Все* прочие участники упорно стояли на том, чтобы „делать свое".

Дела развиваются по ниспадающей. Молодой Генеральный секретарь устраивает совещание по тематике ВТ. В. В. готовит выступление, в котором выдвигает конкретные предложения. Менять следует многое и радикально. Для преодоления провала с элементной базой перед МЭП следует ставить более сфокусированные задачи; и так далее. Вернулся с совещания он подавленым: „Половина спали, половине было не интересно, а мой доклад сняли[175]."

В 1988 г. В. В. уходит от директорского руководства НИЦЭВТ и НПО, передав дела бывшему директору Казанского завода ЭВМ В. Н. Иванову. За ним остается должность генерального конструктора НПО.

Каток времени давил неумолимо. В. В. получает сообщение, что у НИЦЭВТ *отобрали* площадку. Речь шла о „детском садике“, в котором часть сотрудников организации располагалась еще до строительства „дуги“. По бумагам площадка принадлежала НИИСчетмашу (с давних времен разворачивания работ по ЕС), а НИЦЭВТ ее использовал для приема иностранных специалистов и других нужд. Теперь НИИСчетмаш, находясь в полуживом состоянии, *продал* площадку одной нововозникшей нефтяной компании. Туда неожиданно нагрянули молодые люди и развязно предложили очистить помещение[176]. Событие это тяжело подействовало на В. В. и только укрепило чувство безнадежности что-либо предпринять как руководителю.

Уходу сопутствовало совещание ближайших соратников по предложению кандидатуры для освободившейся директорской должности. Нашлись те, кто полагал, что дело еще можно выправить, сто́ит лишь новому директору занять активную позицию. В. В. слушал отстраненно, погрузившись в свои мысли, а когда обратились к его мнению, он лишь тяжело вздохнул: „Ничего у вас, ребята, не выйдет“.

В 1990 г. еще находятся организации, поздравляющие с юбилеем[177]. Один из старых коллег-соисполнителей дарит В. В. перевод сделанного в США обзора состояния и перспектив советской вычислительной техники. В. В. нетерпеливо пролистывает ряд пассажей со штампами типа *тот, кто подражает, отстает от того, кому подражает* („это можно не читать ...“) и останавливает свое внимание на *de facto* контрсвидетельстве рынка производителей ЭВМ, „совместимых“ с IBM „на уровне подключения“ (plug compatible manufacturer, PCM). Техника ЕС, проходящая по категории PCM, отставала, по мнению авторов статьи, от прототипа в Ряде-3 на 7 лет. Однако для сложившегося рынка PCM Запада это отставание неуклонно сокращалось: с 4 лет на прототипе IBM/370 до 0,05 лет на прототипе 309X; „т. е. практически PCM потеснили рынок IBM“. Во многих случаях, говорилось в статье, PCM Запада побуждали IBM выпускать свои модели раньше, чем той хотелось бы, ранее выходя на новые технические решения. „Эти бы данные да показать кое-кому лет пять назад!“ — сокрушался В. В.

Подарок из полупроводниковой кремниевой пластины от завода „Микрон“.

Время ушло безвозвратно. Отрасль распалась: производственные связи разорваны, а оставшиеся на плаву организации на десятилтия перешли в режим самосохранения. Если в 1973 году проведенная на ВДНХ памятная выставка подвела пятилетний итог *разворачивания* программы ЕС, то за тот же срок с 1985 г. набравшая обороты промышленность была *уничтожена*. Тихо самоликвидируется МПК по ВТ, и Генеральные конструкторы от соцстран, посвятившие много лет обсуждениям, обмену опытом, согласованию и выработке планов совместной работы, разойдутся навсегда.

В 1990 г. В. В. покидает последнюю для себя руководящую должность генконструктора НПО.

Ключевые для ВТ министерства МРП и МЭП будут упразднены в 1991 году.

Уход

С 1990 года В. В. остается в НИЦЭВТ в стороне от первых ролей. Время, когда он был во главе института, считается временем его расцвета. Сам он этот факт оценивал трезво, заключая, что ему *досталось* время, когда вся черновая работа была проделана предшественниками. Отдавая дань не только его стремлению к объективности, но и скромности, нужно заметить, что, по меньшей мере, достижений предыдущих руководителей он не растерял. При всем неизбежном в таком коллективе разнообразии мнений, в целом он пользовался авторитетом и уважением сотрудников. Чрезвычайно напряженная работа отнимала много здоровья, а наступившие перемены требовали психологически непривычных и попросту непонятных действий, на которые уже не хватало ни физических, ни моральных сил[178].

С этого поворотного для себя момента он часто повторяет слова Пимена из любимого всю жизнь Пушкина: „На старости я сызнова живу, // Минувшее проходит предо мною“.

Новые времена В. В. не понял и не принял. Всего себя он израсходовал в старых, которые вовсе не одобрял напропалую, но которые знал. Новые, как он полагал, оказались не лучше, и многие наблюдаемые им со стороны управленческие шаги не дотягивали до прежних по качеству, зрелости, продуманности. Со временем личный дискомфорт начнет усугубляться горечью от потери соратников и современников. Он начнет сетовать на свое долголетие, удручаясь тем, что „поговорить стало не с кем, все поумирали“.

С его слов, он еще „мог бы некоторое время побороться“, если бы не одно обстоятельство. С конца 80-х стало ухудшаться здоровье Анны Викторовны. В 1995 г. высокое давление привело к инсульту, и половина тела оказалась парализована. С этого времени стены квартиры она покидала лишь на карете скорой помощи, чтобы лечь в больницу. А в начале 2000-х после падения осталась до конца своих дней

лежачей. Для В. В-ча это означало, что крепкий „тыл“, который ему десятилетиями обеспечивала жена, исчез. Но вместе с тем, годы болезни жены оказались временем, когда он проявил свои лучшие черты мужа и человека. Он сам ей стал сиделкой, и самоотвержено ухаживал за женой и дома, и в больнице. А. В. все понимала и страшно его жалела, но в своем беспомощном состоянии помочь ничем не могла.

С начала 2000-х гг. и до конца жизни В. В. — председатель Совета Виртуального компьютерного музея (ВКМ). Эта работа вовсе не была похожа на почетное председательство: В. В. служил неиссякаемым источником, нередко уже единственным (то есть: незаменимым), сведений об истории советской вычислительной промышленности, реально помогая выстраивать целостную картину отрасли в рамках музея[179]. Несмотря на свое нездоровье (от испытанного в свое время длительного нервного перенапряжения у него сильно тряслись руки), он написал несколько десятков статей, собрал массу конкретных, без него труднодоступных фактов. Работу, которую совершил В. В. в Виртуальном музее, с учетом его самочувствия, вполне можно назвать еще одним подвигом. Востребованность в ВКМ в определенной мере продлила ему жизнь.

2013
Заседание Совета Компьютерного музея.

Октябрь 2016
Выставленный собственноручно календарь на последнем рабочем месте.

Наконец, до конца В. В. не бросал работу в своем НИЦЭВТе. Он подготовил курс по истории вычислительной техники, и читал его аспирантам. Последние 15 лет своей жизни, уже в немощном состоянии, он, как заведенный, приходил 2—3 раза в неделю в свою комнатку в построенной им когда-то знаменитой „дуге“, и проводил там по полдня. Так было и 22 августа 2016 г., когда он в 12 часов дня ушел с работы домой[180], дома поработал с компьютером, а примерно в 7–8 часов вечера умер от кровоизлияния в мозг. Смерть, как ему и „неимоверно“ хотелось, оказалась быстрой. В дни, когда об этом стало широко известно, прозвучали слова: „кончилась эпоха“.

Виктор Владимирович Пржиялковский был человеком; мог ошибаться, заблуждаться — и ошибался. Но он обдумывал свои поступки и был в состоянии менять мнение. Он был доверчив. Жизнь подарила ему много искренних и верных друзей, но круг общения все время подкидывал и тех, кто пользовался доверчивостью в своих целях. Разобраться в некоторых из них ему не позволил только уход из жизни.

Он был в высшей степени человеком долга: перед страной, родными, перед людьми. Слово „надо“ для него означало все. Жить для себя он не умел. Когда стала пропадать в нем необходимость, он и начал тихо умирать.

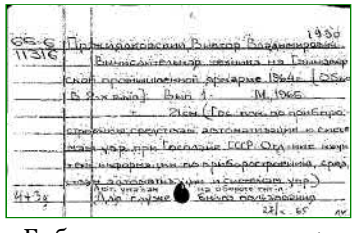
Он был человеком надежным, совестливым и простым. Всего, чего он добился, он добился сам, никого не обязывая, принижая и ни у кого не прося.

Наконец, он был чрезвычайно трудоспособен и трудолюбив. Всю жизнь, до последнего дня, он что-то создавал. А ушел с незатянувшейся раной от того, что в одночасье дело его жизни, как и труды больших коллективов умелых специалистов, было бездарно разрушено.

Статьи и книги

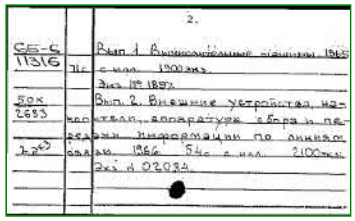
Литература с авторством В. В. Пржиялковского приводится не полностью. В частности, не приведены все имеющиеся издания, выпущенные в 70-х–80-х гг. под его редакцией. Дополнительно ссылки можно найти здесь и в других местах.

1. Пржиялковский В. В. Конструкция и эксплуатационные характеристики вычислительной машины „Минск-2“ — М. : Статистика, 1964.
2. Пржиялковский В. В. Вычислительная техника на Ганноверской промышленной ярмарке 1964 г. / Вып. 1, Вычислительные машины. — Москва : ОНТИприбор, 1965.
3. Пржиялковский В. В. Вычислительная техника на Ганноверской промышленной ярмарке 1964 г. / Вып. 2, Внешние устройства, накопители, аппаратура сбора и передачи информации по линиям связи. — М. : ОНТИприбор, 1966.



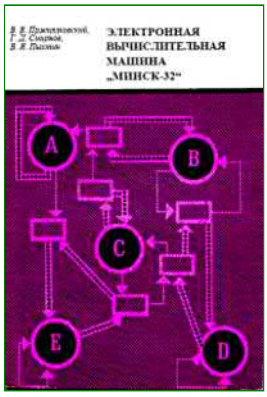
Библиотечная карточка. 1.
РНБ

4. Пржиялковский В. В., Смирнов Г. Д., Пыхтин В. Я. Электронно-вычислительная машина „Минск-32“. — М. : Статистика, 1972. — 104 с.
5. Ларионов А. М., Левин В. К., Пржиялковский В. В., Фатеев А. Е. Технические и эксплуатационные характеристики моделей ЭВМ Единой системы. — Управляющие системы и машины 2 (4) (1973).
6. Пржиялковский В. В., Смирнов Г. Д., Мальцев Н. А., Асцатуров Р. М., Качков В. П., Голован А. К. Электронная вычислительная машина ЕС-1020. / под общей редакцией А. М. Ларионова. — М. : Статистика, 1975.
7. Вычислительные машины : справочник. / А. А. Шелихов, Ю. П. Селиванов ; под общ. ред. В. В. Пржиялковского. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Энергия, 1978. — 223 с.
8. Пржиялковский В. В., Лапин В. С. Архитектура открытых систем сетевой телеобработки данных ЕС ЭВМ. — Автоматика и вычислительная техника. Рига : 1979, № 2.
9. Пржиялковский В. В. Некоторые итоги создания ЕС ЭВМ и перспективы ее дальнейшего развития. // В кн.: Вычислительная техника социалистических стран. Вып. 6. — М. : Финансы и статистика, 1979.
10. Пржиялковский, В. В., Ломов Ю. С., Файзулаев Б. Н. Проблемы и пути технической реализации высокопроизводительных ЭВМ на основе БИС. Управляющие системы и машины. — 1980 — № 6. — С. 15—23.
11. Пржиялковский В. В., Ломов Ю. С. Технические и программные средства Единой системы ЭВМ (ЕС ЭВМ-2). — М. : Статистика, 1980.
12. Пржиялковский, В. В. Сравнительная оценки ЭВМ общего назначения по критерию стоимость-производительность. // Вопросы радиоэлектроники. Сер. ЭВТ. — 1981 — Вып. 1. — С. 3—14.
13. Вычислительные машины, системы, комплексы : справочник. / А. П. Заморин, А. А. Мячев, Ю. П. Селиванов; под редакцией Б. М. Наумова, В. В. Пржиялковского. — М. : Энергоатомиздат, 1985. 264 с.
14. Электронная вычислительная техника : сборник статей. / под редакцией В. В. Пржиялковского. — М. : Радио и связь. Выпуски 1—4: 1987, 1988, 1989, 1991.
    i. Пржиялковский, В. В. Состояние и проблемы развития ЭВМ общего назначения. Вып. 1. С. 5—11.
15. Пржиялковский, В. В. Программа развития технических и программных средств ЕС ЭВМ. // В кн.: Вычислительная техника социалистических стран. — Вып. 29. 1989. 207 с.
16. Ломов Ю. С., Пржиялковский В. В. Программа ЕС ЭВМ „Ряд-4“. Высокопроизводительные ЭВМ и комплексы Единой системы. / под ред. В. А. Мельникова. — Кибернетика и вычислительная техника. Вып. 5. — 1991. С. 67—81. М. : Наука.



Библиотечная карточка. 2. РНБ

Настольные книги периода первой в стране волны информатизации предприятий запомнились специалистам надолго.



1972
Книга „Электронная Вычислительная Машина ‚Минск-32‘“. Полностью

1980
Книга „Технические и программные средства Единой системы ЭВМ (ЕС ЭВМ-2)“. Полностью

Во время работы в „Компьютерном музее“:

17. Пржиялковский В. В. ЭВМ для решения отдельных задач — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
18. Карпилович Ю. В., Пржиялковский В. В. Минское производственное объединение вычислительной техники (МПО ВТ) : Историческая справка — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.

19. Пржиялковский В. В., Смирнов Г.Д. Научно-исследовательский институт электронных вычислительных машин : Историческая справка — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
20. Пржиялковский В. В. Научно-исследовательский центр электронной вычислительной техники : Историческая справка — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
21. Пржиялковский В. В. Серия ЭВМ „Минск“. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
22. Пржиялковский В. В. Исторический обзор семейства ЕС ЭВМ. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
23. Пржиялковский В. В. Операционные системы ЕС ЭВМ. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
24. Пржиялковский В. В., Юнгникель Г. Единая система ЭВМ стран социалистического содружества. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
25. Пржиялковский В. В. ЭВМ ЕС-1030. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
26. Пржиялковский В. В. ЭВМ ЕС-1033. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
27. Пржиялковский В. В. Электронно-вычислительная машина ЕС-1045. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
28. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС1060 (ЭВМ 1060). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
29. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1046. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
30. Ломов Ю. С., Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1066 (ЭВМ 1066). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
31. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1068 (ЭВМ ЕС-1068). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
32. Пржиялковский В. В. ЭВМ ЕС-1195. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
33. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1010 (ЭВМ ЕС-1010). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
34. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1012 (ЭВМ ЕС-1012). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
35. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1021 (ЭВМ ЕС-1021). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
36. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1032 (ЭВМ ЕС-1032). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
37. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1040 (Р-40). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
38. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1015. (ЭВМ ЕС-1015). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
39. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1025 (ЭВМ ЕС-1025). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
40. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1034 (ЭВМ ЕС-1034). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
41. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1055. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
42. Пржиялковский В. В. Электронная вычислительная машина ЕС-1027 (ЭВМ ЕС-1027). — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
43. Пржиялковский В. В. ЭВМ ЕС-1057. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
44. Кондрашев А. Ф., Пржиялковский В. В. НИИ „Аргон“ : Историческая справка — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
45. Пржиялковский В. В., Штейнберг В. И. БЦВМ комплекса „Аргон“ на БЭМЗе. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
46. Пржиялковский В. В. Антонов Вениамин Степанович : биографический очерк. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
47. Пржиялковский В. В., Филинов Е. Н. Базилевский Юрий Яковлевич : биографический очерк. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
48. Пржиялковский В. В., Томилин А. Н., Смирнов А. Д., Брусенцов Н. П., Филинов Е. Н., Липаев В. В., Хетагуров Я. А., Пройдаков Э. М., Дмитриева П. И. Зачем же подтасовывать факты? — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.
49. Пржиялковский В. В., Прохоров Н. Л., Филинов Е. Н. Кого и зачем вводят в заблуждение. — Виртуальный компьютерный музей. www.computer-museum.ru.

Байки

Некоторые житейские истории, записанные со слов В. В. Пржиялковского. К ним он постоянно возвращался в устных рассказах. Они выявляют его внутренний мир; доносят то, что его волновало, удивляло и забавляло.

Несостоявшийся агент

В Кесьме в военное время, как и по всей стране, радиоприемники у населения отобрали, а вместо этого в определенные часы работал официальный передатчик, через „радиоточки“. Передачи велись из специальной радиокомнаты, а там, как раз, радиоприемник был. Имея, как школьник, какое-то свободное время, юный Виктор временами забирался в радиокомнату в часы, когда не велись передачи, и слушал радио. Много передач вели немцы на русском языке[181], и слушать их было интересно, так как в них рассказывали совсем не то, что в наших новостях. Пораженный радиооткрытиями Виктор затем пересказывал немецкие новости приятелям, удивляя их тем, что „все на самом деле не так, как нам рассказывают“. Про это прознала мать, и чтобы отвадить, решила припугнуть через „НКВД-шного начальника Кесьмы“, с которым была знакома по работе.

Тот припугнул. Привел в свой кабинет и заставил написать на бумаге („почему-то“) красными чернилами обязательство не ходить в заветную комнату и не слушать радио. После чего неожиданно сделал предложение: ты, дескать, ладно, ходи и слушай, и рассказывай, но только потом передавай мне, как кто на это реагирует.

И тут Виктор вдруг совершил поступок, за который ему не никогда потом не было стыдно всю жизнь. Он со страхом замахал руками и решительно сказал, что делать ничего подобного не будет, и вообще, провались это радио пропадом. В любом случае, походы за немецкими новостями закончились.

История имела продолжение. Перед возвращением в Серпухов, у матери с НКВД-шником состоялся разговор. „А хороший, Марья, у тебя парень растет“—сказал ей тот.

Пельмени с уксусом

Собственно, это не законченый рассказ, а компоновка нескольких частных воспоминаний.

Обычная стипендия, которую получил Виктор на первом курсе МЭИ[182], была на нижнем уровне зарплат рабочих и служащих[183], но ее хватало, чтобы жить, не отрываясь от учебы. Однако, так как часть стипендии он отсылал родне в Серпухов, особо жировать не приходилось. Так поступал не он один, и поиски мест, где можно было дешево поесть, приобретали коллективный характер. Удобным таким местом для студентов оказалась ближняя пельменная, где пельмени подавались с уксусом.

Любовь к пельменям с уксусом В. В. пронесет через всю жизнь. Он постоянно будет возвращаться к этому блюду, особенно в старости, когда после ухода Анны Викторовны останется фактически один. Он будет искать себе союзников в этой любви, и с разочарованием не находить их в своей семье. Не сказать, чтобы жена и дети не любили этой еды; они просто не испытывали к ней такой страсти, как В. В., и одно только это уже его огорчало.

С 1947 по 1953
Студенчество.

Злоупотребление таким питанием, особенно по части уксуса, не пройдет даром. В Минске он получит диагноз „язва желудка“, будет ездить оттуда лечиться в Ессентуки. Но к возвращению в Москву симптомы болезни уйдут.

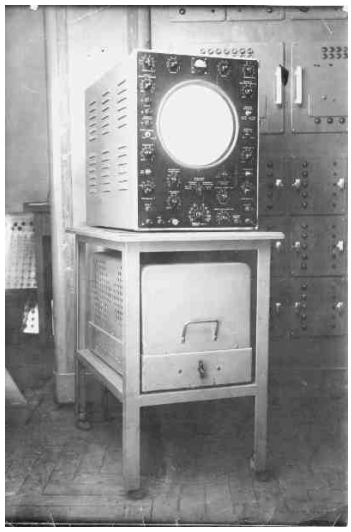
Когда появлялись деньги, меню охотно разнообразили. Но не все. По рассказам В. В., однажды он с приятелем зашел в комнату к „двум евреям“, которые как раз занимались тем, что с карандашом в руках высчитывали, какие продукты есть подешевле, и набирать нужные диетические составляющие. Широким натурам гостей подобная расчетливость была категорически противна. „Мы их чуть не побили тогда.“

> Любовь к пельменям с уксусом позже объяснит рассудительная Анна Викторовна. Им все время хотелось есть, а это была еда. И приводила пример с жареной картошкой. „Ваш папа,“ рассказывала она детям, „все время мне говорил: ‚Ты не умеешь готовить жареную картошку. Вот мама моя — та умеет, а ты нет.‘ Мне было обидно, я старалась, пробовала готовить по-всякому, а ему все не так. И вот, однажды, к нам в Минск приезжает его мама. Я с нетерпением жду, когда она приготовит картошку, чтобы понять, что в ней такого. Оказалось — картошка как картошка, вполне обыкновенная. Он и сам после этого все понял, и больше замечаний не делал.“

Другим блюдом юности, принесенным В. В. то ли из Кесьмы, то ли из Серпухова, была тюря. Тюре он учил своих детей в Минске, где они, учась в школе, целый день оставались дома без родителей. Надо было в небольшое количество воды покрошить хлеба (в Минске детям уже приходилось уточнять: черного), порезать туда репчатого луку, подлить растительного масла, посолить и размешать. По уверениям В. В. он не раз готовил себе тюрю в детские и юношеские годы, когда „очень хотелось есть“, а эта еда была и вкусная, и сытная. В последнем дети соглашались с отцом, особенно в (редкие) дни, когда работавшая мать не успевала приготовить им обед.

Милиция в 1953 году

Дипломную практику В. В. проходил в институте ИТМиВТ АН СССР. Защита диплома — событие эпохальное для большинства выпускников, и В. В. не стал исключением. Банкет в честь защиты длился допоздна, и гуляли на славу. По завершении сотрудники, которые жили неподалеку, быстро разошлись, а В. В., несмотря на ночь, непреклонный от выпитого, решил добираться в общежитие в Лефортово.



1953
Плод дипломной работы: „Лабораторный осциллограф“.

В себя пришел „в чистом поле“, и только вдалеке виднелись дома и двигался транспорт. Добрел до трамвая. Кондукторша попыталась взять деньги за проезд, но, видя его состояние, отстала. Трамвай куда-то привез, но до Лефортово было еще далеко.

В. В. разглядели милиционеры, отвели в отделение. Настойчиво стали предлагать остаться до утра. Новоиспеченный инженер, разгоряченный выпитым, повел себя довольно заносчиво: мол, не им ему советы давать. Сам знаю, куда и когда идти. Память вернулась на следующий день, в общежитии.

И выяснилось, что все документы, что были в пальто, пропали: паспорт, запечатанный пакет с формой допуска к работам, комсомольский билет. В паспортном столе к потере отнеслись меланхолически, посоветовав подождать, пока найдется. С формой допуска катастрофа — но отложенная до времени прибытия по распределению. А с комсомольским билетом скандал назревал уже сейчас: за потерю грозило исключение. В горестных мыслях лежал В. В. на кровати, и настроение было сквернейшее.

16 марта 1953
Диплом.

Неожиданно на второй или третий день в комнату явился недовольный милиционер. Слова его были как гром среди ясного неба: „Такой-то?“ —„Такой-то.“ Сердце в пятки. — „Документы забирать думаешь ? Или мне делать нечего, как тебе носить?“ — и протянул документы.

С милицейской помощью понемногу вернулась память. Оказалось, в отделении его действительно отговаривали идти домой, и предлагали остаться до утра, ссылаясь на то, что здесь безопасно, а на улице, ночью, да в таком виде, его в этих местах обязательно ограбят. Видя упрямство молодого инженера, милиционеры сказали так: ладно, мол, иди, если хочешь, но оставь, хотя бы, документы, а заберешь потом. Взяли под расписку документы и отпустили.

Худшие ожидания разом развеялись. На память остался выговор по комсомольской линии вместо катастрофы с исключением.

Подытоживая эту историю, В. В. иногда замечал: „С тех пор я по-другому стал относится к милиции.“

Отношение студента Виктора с милицией строилось не только на основе завышеной гордости за овладение (как он считал) умной профессией. Во время учебы возникали, было дело, эпизоды определенного личного противостояния этому государственному образованию. Его досуг в Москве не исчерпывался одной только культурной повесткой: с друзьями он посещал футбольные матчи.

По окончании игры, вспоминал он, огромная толпа болельщиков вываливалась из ворот стадиона Динамо. Толпа, главным образом мужчин, разгоряченная зрительством спортивного сюжета, представляла собой мощную силу. Могучую реку болельщиков, от греха подальше, требовалось рассечь на небольшие ручейки. Для этого поперек толпы ставилась конная милиция. Люди упирались в нее, и, отчаянно ругаясь, частью уходили налево, а частью направлялись направо. Вспоминая об этом много позже, В. В. словно снова впадал в азарт: „Разве можно становиться стеной перед такой толпой? О чем они думают? Они же только раззадоривают людей. Им та́к могли вломить!“ Выбранный способ борьбы с толпой казался ему, уцелевшей частице былой ругательной

реки, неумным и несправедливым, так что еще немного, и он по молодости обрадовался бы, когда б тогда действительно „вломили“. Однако кто знает — не были ли у тех милиционеров свои проверенные способы обуздания энергии толпы?

Ермак на брегах Суры

Переезд молодой семьи В. В. и Анны Викторовны („Виктора и Ани“) в Пензу, по месту распределения из института, растянулся на полгода. Одной из причин стала полная неготовность пензенского предприятия обеспечивать молодых сотрудников жильем. Виктор уехал из Москвы первым и несколько месяцев делил время между работой и поисками жилья.

Искать приходилось комнату „в частном секторе“ за отсутствием других вариантов. В таких занятиях Виктор однажды пришел по указанному ему адресу. Дверь была открыта, вошел в дом. В комнате сидят люди, мужчины и женщины, молчат. Он открывает рот задать вопрос, ему жестом ладони приказывают помолчать и указывают на лавку. Подсаживается. Молчание. Он ничего не понимает.

И вдруг зычный голос бородатого мужчины начинает (скорее всего — продолжает):

... На диком бреге Иртыша-а ...

Далее подхватывают все:

Сиде-ел Ермак, объятый думо-ой ..., *и так далее.*

Допели. Обратились: „Зачем пришел?“ Он объяснил. „Нет, дорогой, извини. Не до тебя сейчас. Видишь, человек умер!“

Оказалось, в соседней комнате гроб, а люди справляют поминки.

Да он и сам уже расхотел здесь снимать. Пошел дальше. А картинку из патриархальной жизни Пензы 1950-х гг., осваивающей производство ЭВМ, запомнил на всю жизнь.

Производительные силы знакомятся с производственными отношениями

Когда В. В. прибыл в Пензу, ему долго не давали допуска — то ли из-за несостоявшейся потери допуска „с восемью печатями“, то ли проверок по другой причине, то ли еще чего. Молодой инженер на некоторое время стал мастером на производстве. Мастером он был сделан понарошку, и рабочие работали самостоятельно, так что предоставилось время приглядеться, как тут что устроено. А производственная жизнь оказалась совсем не такой, какой виделась со студенческой скамьи. Было много „непоняток“.

Например, молодой специалист заметил, что удивительно много времени у начальников уходит на повторяющиеся, казалось, по кругу, совещания по поводу изготовления какой-то детали. Ему казалось, что дело непростое — иначе руководители давно бы нашли единственно правильное решение. Затронув как-то в разговоре со старым рабочим эту тему, он вдруг услышал реплику: „Ерунда! Я этих деталей сто штук за смену легко наделаю.“ „Как?“ — воскликнул ошарашенный В. В., „Что же Вы об этом не скажете?“ Ответ был не менее поразительный: „А для чего? Мне что, за это заплатят?“ „Так ведь у Вас будет больше нарядов, и Вы больше заработаете!“

„Знаешь, как наряды оцениваются?“ — спросил старый рабочий. „В конце месяца мастер сгребает их в кучу, делит на их количество положенную работнику зарплату, и на каждом, не глядя, ставит получившуюся стоимость. Сделай я в три раза больше, все равно получу то же.“

Не может быть. Ведь система нарядов специально была придумана для повышения заинтересованности рабочих! Везде писали, что она себя оправдывает! Но дело молодое, и недавние студенты решили проверить. Взяли бланки, написали наряды на две работы: *выточить лыску на голове у мастера* и *надавить сало их мух*. В нужное время подложили наряды в общую пачку для подписи и стали ждать.

Грозы не состоялось. Вышло, как говорил мудрый рабочий: во всех нарядах, включая два с новыми типами работ, *была* проставлена стоимость, и так, что общая сумма составила зарплату в требуемые 200 рублей[184].

Для молодых специалистов этот случай стал первым поводом задуматься о том, что не все ладно в советском королевстве, и дела эти добром не кончатся. В. В. любил припоминать высказывание В. И. Ленина о том, что производительность труда — это главное, что определит победу советской власти над капитализмом. А вот как достичь столь нужной для такой победы производительности труда, В. И. Ленин рассказать не успел.[185]

Комсомольская сила

Во время работы в Ногинске, Виктор не имел высокой должности, но стал секретарем относительно большой комсомольской организации, очень по молодости этим гордился и, бывало, бравировал. Один случай укоротил браваду и заставил задуматься.

Начальником цеха (а может помощником начальника) работал один „рыжий еврей“. До поры до времени он терпел гордые высказывания Виктора о себе, как о главе целой комсомольской организации, и том, что это не фунт изюму! Раз он не выдержал и сказал как-то наедине: „Ну чего ты хвалишься? Кто ты такой, секретарь! Вот скажи: ты можешь в воскресенье вывести на работу 500 сотрудников? Ну и молчи. А я могу.“

Секретарь комсомольской организации прикусил язык[186].

Блесна с завода

Первым директором минского завода Орджоникидзе был Вадим Карлович Гольдберг. Он был последовательно непьющий человек, но любил рыбалку и охоту. Одна из бытовых историй, с ним связанных, гласит следующее.

Однажды В. К. в компании отправился на зимнюю рыбалку. Стал ходить по соседям. В. К. заинтересовался необычной, словно золотой, блесной одного удачливого рыболова. Спросил, где тот такую достал. Вопрос был не праздный, так как советская промышленность не баловала любителей зимнего отдыха большим разнообразием и качеством рыболовных снастей, и с хорошими снастями в магазинах было туго. А тут — хорошая.

Рыбак хитро усмехнулся: „Где взял—там взял.“ —„А все же ?“ —„Тебе все равно такую не достать.“ Последовал ряд пререканий, после чего рыбак сдался и довольно заявил: „Ну где. Это мне на заводе Орджоникидзе сделали !“

Немая сцена.

ЭВМ и заключенные

В Минск В. В. попал молодым, но уже не „зеленым“, как в Пензе, сотрудником. Там работа была достаточно рутинной, и общение на службе было, образно выражаясь, „застегнуто на все пуговицы“. В Минске наступили другие времена, а, кроме того, он стал равноправным участником коллектива управленцев среднего звена, двигавшегося к общей цели в тесном взаимодействии. Стало возможным доверительно общаться со многими людьми разных возрастов и с разными биографиями, а люди иногда рассказывали необычные истории, о которых рядовой молодой человек не мог слышать по радио и на собраниях, ни читать в книгах и газетах.

Первым начальником СКБ в 1961–64 гг. был Серафим Николаевич Купленский. Он относился к старшему поколению, и за глаза его уважительно называли „дедом“. Известен был тем, что работал в одном КБ с С. П. Королевым. Был арестован в 1937 г., и, по его рассказу, полный негодования на явную несправедливость, и надежд, что скоро разберутся, брошен в какой-то сарай. Было темно и пусто, лишь на полу лежал ворох соломы или тряпья. Вдруг ворох зашевелился, и оттуда выполз человек. Заговорили.

С. Н. Купленский.

— Я эсер, — дружелюбно сообщил он, — периодически сижу, начиная с революции. А тебя за что ?
— Так ни за что !
— Да ладно ! Такого не бывает. По какой статье ?
— При чем здесь статья, я ничего не делал ! Это ошибка. Скоро разберутся и выпустят.

Эсер, усмехнулся, покачал головой и дал совет: „Будут бить — главное, не ожесточайся.“ У С. Н. в ужасе округлились глаза: „Как бить ? За что ?! Меня отпустить должны !“ „Думай о чем угодно, о любых посторонних вещах,“ — продолжал тот, — „только не о том, что тебя бьют. Начнешь ожесточаться — конец !“

Последовавшие события не раз заставляли С. Н. с благодарно вспоминать помудревшего от постоянных „посадок“ эсера.

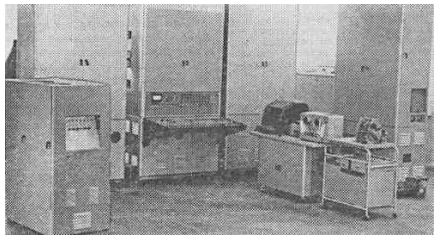
Судьба занесла С. Н. на Колыму, а оттуда он попал в закрытое ОКБ Туполева. С 1941 г. работал в ОКБ-16 при казанском авиазаводе радиоинженером под руководством Королева. Вероятно будет признать это везением: работа в ОКБ была обустроена наилучшим образом и оказалась весьма

продуктивной и профессионально незаменимой[187]. О работе в ОКБ С. Н. рассказывал с удовлетворением.

Известно, что С. П. Королев хорошо относился к товарищам по работе в ОКБ, и, став большим начальником, не забывал их, им помогал и был не чужд широких жестов. Когда С. Н. приезжал по делам из Минска в Москву, Королев всегда высылал к поезду черную „Волгу“, резервировал номера в гостинице „Советская“, порывался выделить самолет для возвращения назад (что, впрочем, категорически отвергалось, так как не укладывалось в схемы минской бухгалтерии)[188]. Визитами в Москву С. Н. бывал весьма доволен, а когда вместе с ним ехали другие сотрудники, считалось, что им повезло.

С. Н. Купленский много сделал для становления СКБ. Он возглавил организацию, будучи инженер-майором в отставке, имея большой жизненный опыт, опыт руководства и серьезные знания по специальности. Он уравновесил в целом молодой коллектив этими своими качествами и с самого начала задал правильное направление развития.

Георгий Палыч


ЭВМ „М-3“.

В создававшемся на исходе 50-х коллективе СКБ Георгий Павлович Лопато был единственным сотрудником, имевшим дело с универсальными ЭВМ. Ранее он работал во ВНИИЭМ в Москве и входил в группу по наладке опытного образца машины М-3 (и даже предложил при этом ряд усовершенствований). В отличие от прочих, эта машина тогда получилась „бесхозной“, созданной, как выражался В. В., „в никуда“: для нее не было назначенного производства. А для нового завода „М-3 оказалась ‚палочкой-выручалочкой‘, так как СКБ еще только формировался, а простаивать новому предприятию было слишком дорого, вот Госплан и передал эту машину Минску“. (Со стороны предприятия инициатива выбора первой для производства машины принадлежала главному инженеру Н. И. Кирилюку.)

Научное руководство в СКБ было возложено на Георгия Павловича (и продолжалось потом до самого его ухода на пенсию). И возрастом, и опытом он был выше остальных разработчиков: например, служил в армии во время войны. Его назначение в Минск было удачным[189]. В отличие от большинства призванных в это время иногородних, он получил квартиру не на улице Долгобродской, а в доме 11 по Омскому переулку, что в пешей доступности от завода.

28 декабря 1968
Начальник МПБ и главный инженер. Во дворе завода.

Все время своей работы в Минске В. В. был под началом Г. П. Лопато. Подпись Г. П. стоит на техническом задании на машину „Минск-2“, ставшую точкой отсчета „пути славы“ минского проектирования и производства. Начальник и подчиненный работали в теснейшей связке. Сперва Г. П. был для В. В., видимо, безоговорочным авторитетом. Хорошие отношения сложились между его женой Лилей и Анной Викторовной. Со временем отдельные частные решения Г. П. у В. В. все чаще стали вызывать критические оценки. Однако общее уважение не исчезало, хотя бы из почтения к первому периоду совместной работы. Ничего не поменялось, когда В. В. стал по факту начальником Г. П., перейдя на работу в Москву. В отличие от большинства остальных соратников (особенно по Минску), В. В. называл Г. П. полным именем[190] „Георгий Палыч“.

Когда в частных беседах речь заходила о Г. П., и разговор не касался текущих производственных дел, В. В. не уставал напоминать об одном и том же. „Лопато рассказывал,“ говорил он, „как они ездили по тогдашним каналам в Китай налаживать свою машину. Успели еще, пока наши с китайцами не перессорились. С машиной, конечно, ничего у них там не получилось.“ (Чье это было суждение — рассказчика или слушателя — не уточнялось, но оно точно было в духе В. В., который полагал все уникальные разработки, не рождавшие широкую серию, не заслуживающими внимания. Наладить производство машины М-3 в Китае не удалось, да не могло удасться.) „Зато он говорил, что их угощали личинками жуков.“

История, когда-то поведанная[191] опытным специалистом специалистам молодым и неопытным, попала, со всей очевидностью, на благодатную умственную подоснову последних, тем более, что с 60-х гг. Китай надолго стал гражданам еще несбыточнее Европы, притом, как казалось, бесповоротно. Ровно с таким

же заданием Г. П. ездил и в Венгрию, но с научной точки зрения эта поездка оказалась менее интересной и использовалась как материал для передачи опыта гораздо реже.

В серии „Лопато рассказывал“ было много и других сюжетов. Так, собирая грибы в Налибокской пуще, Г. П. раз наткнулся на дикого кабана и еле избежал столкновения. (Налибокская пуща манила своими несметными грибными запасами и относительной близостью к Минску, но добирался до этих сказочных мест В. В. не более раза — двух.) В Москве первую свою квартиру В. В. получит неподалеку от бывшего общежития Тимирязевской академии, построенного в 1926 г. на Тимирязевской улице близ Соломененой сторожки. Проходя мимо, В. В. не раз будет напоминать спутникам: „Лопато рассказывал, что он здесь жил.“ — Все это было очевидным отражением бесед, происходивших когда-то между сотрудниками на житейские темы.

Формирование Г. П. как специалиста сложилось в полуакадемических кругах[192], и перековке реальным производством в полном объеме не подверглось. А у В. В. со временем стало появляться собственное мнение. Так, он довольно скептически отзывался о машине „Минск-222“, построенной в СКБ завода им. Орджоникидзе и ОВТ ИМ СО АН СССР на основе „Минск-2“ и „Минск-22“. „Лопато ей очень хвалился,“ недоумевал он, „а кому она нужна? Только чтобы кому-то что-то доказать? Что можно соединять машины в комплекс?“ Тем не менее, работа эта поспособствовала академическому росту Г. П. от кандидата наук до звания члена-корреспондента. О последнем В. В. отзывался достаточно ревниво. По его сведениям, все было решено заранее, и твердых претендентов было два, но один из них перед самыми выборами снял по посторонним причинам кандидатуру, и чтобы закрыть вакансию „им ничего не оставалось делать“, как остановиться на первоначально непроходной кандидатуре, включенной в список для проформы. В АН СССР безусловно имелись здоровые силы, но в практике ее существования в 70-х — 80-х гг. явственно, выражаясь словами историка Л. Гумилева (по другому поводу) „водились черти“.

В целом это были разные люди: дипломатичный, осторожный Г. П. в противовес прямому и решительному В. В.; мыслили и действовали они часто по-разному, но доверительные отношения, сложившиеся между ними когда-то, не прерывались. С переходом В. В. в НИЦЭВТ, их встречи станут реже и более по официальным поводам. Когда министерство пошлет в Минск на празднование 60-летия Г. П. делегацию во главе с замминистра Николаем Васильевичем Горшковым, вручить домашнюю заготовку минчан — портрет юбиляра — будет поручено В. В-чу.

23 августа 1984
60-летие Г. П. Лопато: Н. В. Горшков, [...], юбиляр, В. В. Пржиялковский.

23 августа 1999
В 75 лет Г. П. Лопато пенсионер. Правее А. Г. Лопато, Г. К. Столяров.

В конце 80-х производственные вопросы начнут исчезать из тем совместных разговоров. При редких встречах в 90-е гг. Г. П. уже делился опытом о том, как он не пользуется лифтом и ходит по лестнице, чтобы тренировать сердце.

Г. П. переживет жену и отчаянно нелепую смерть сына.

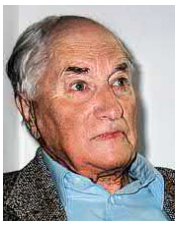
Как-то февральским днем 2003 г. В. В. скажет Анне Викторовне: „Из Минска сообщили, что Лопато умер“. Не будь А. В. полупарализована, она всплеснула бы руками. „Георгий Павлович? Да что ты говоришь!...“ Разорвалась ниточка, соединявшая супругов с прошлым.

Общее руководство работами по М-3 со стороны ВНИИЭМ осуществлял Борис Моисеевич Каган (а вместе с Г. П. Лопато и ездил в Венгрию). К тому времени он был уже заслуженным человеком. Добровольцем успел повоевать в Отечественную войну, был отозван и далее занимался созданием для фронта, а позже просто для вооруженных сил, военной техники. В 1949 г. за достижения по созданию системы управления вооружением самолета Ту-4 был удостоен Сталинской премии[193]. Был отмечен наградами и званиями за дальнейшие заслуги в 50-х гг.; в числе прочего, как технический специалист получил квартиру в именитой высотке на Котельнической набережной[194]. Отдельный и поучительный пласт его работы связан с освоением технической документации, привезенной из поверженной Германии.

После М-3 ВНИИЭМ (с подачи Б. М.) переключился на так называемые УВМ, управляющие машины для производства, но за продолжением судьбы М-3 в Минске, как и вообще за универсальными ЭВМ, продолжал следить — вероятно, не без помощи сохранившего с ним связь Г. П.

Мне довелось встречаться с Б. М. в 90-х гг. Это был человек, которого без колебаний можно причислить к элите советской технической интеллигенции зреловосталинской формации. Он был четок в суждениях, придирчив к мелочам и самостоятелен в мыслях. Мог на еврейский манер

ворчать, когда слова или действия человека чем-то его не удовлетворяли, и речь его не была чужда хвастливым ноткам — однако же, не на пустом месте.


Б. М. Каган.

От Б. М. впервые я услышал отзыв о В. В. как о *талантливом* человеке[195].

Позже этот отзыв будет неоднократно подтверждаться высказываниями других людей. Со стороны товарищей по работе в Белоруссии и в Москве прозвучат отзывы как о *великом* человеке. Соратник по НИЦЭВТ Юрий Сергеевич Ломов, конструктор с десятка машин, добавит, что в полной мере это величие можно понять, только „сбросив с пъедестала“ целый ряд фигур, „незаслуженно там оказавшихся“.

Планеты сошлись над Белоруссией

Постановлениями Совмина СССР разных годов местами разработки и выпуска ЭВМ для нужд народного хозяйства были установлены Ереван, Казань, Киев, Минск и Пенза. Общепризнано, что наибольших успехов в этой деятельности достиг именно Минск. У того, почему так получилось, имеется несколько причин.

Во-первых, на постановление 1956 г. грамотно среагировал Белорусский Совнархоз. Он доверил непонятному предприятию строящееся на площади, предназначенной вскоре стать одной из центральнных в Минске, под нужды вполне понятного трикотажного комбината здание. Он не ограничился только местными кадрами, а пригласил более двух десятков молодых специалистов из разных концов страны, заманив их (сверх обыкновенных для таких случаев рассказов о „новой, интересной“ работе) квартирами[196]. Он утвердил плодотворную схему взаимоотношений структур разработчика (СКБ завода) и производства (завод им. Орджоникидзе). Но был еще и субъективный фактор, до некоторой степени также сыгравший, благодаря распорядительности белорусских властей. Привлеченные в новую область деятельности специалисты уже успели поработать (в Минске, Москве, Пензе, Ереване, Загорске, Ногинске), но производственная рутина еще не успела придавить их энтузиазма и погасить студенческую идеалистическую энергию[197].

Видным заводилой в молодой команде был будущий главный инженер, а затем директор завода Игорь Кириллович Ростовцев („Ростовец“). Это было время, когда новые сотрудники (а не новых не было) еще компаниями ездили в окрестности Минска по грибы. И. К. предложил идею выезжать не рано утром, а за день вечером, с ночевкой: дескать, завтра остальные приедут, а мы уже тут, и все собрали. Ночевки сопровождались костром, пикником и разговорами. В один из таких вечеров стали рассуждать, как можно вывести предприятие на большие дела. И тут будущий заместитель директора завода по производству Сергей Александрович Мурыгин, уже имевший опыт работы руководителем на белорусских предприятиях, высказался примерно так. „Ничего у вас, ребята, не выйдет, если не сумеете набрать объемы. Пока будете заниматься мелкими сериями, никому вы не будете нужны, и спасать вас, если что, никто не будет. Советская власть начнет нас замечать, и начнет помогать, только когда мы выйдем на большие объемы.“

С 1962 по 1966
С И. К. Ростовцевым за грибами в бору под Минском.

С. А. Мурыгин.

Идея запала в головы, и вылилась впоследствии в серию осознаных шагов стратегического характера. В отличие от родственных предприятий, в Минске потихоньку свернули работы с несколькими заказчиками и множеством изделий, сосредоточившись исключительно на ЭВМ общего назначения[198]. Но их, зато, всеми силами старались производить как можно больше. С этой целью делалось много чего по организации производства; в частности, впервые в таком деле был введен конвейер, штамповка[199] и так далее.

Это сработало. Со временем завод стал крупным предприятием, опекаемым ЦК КПБ, городскими и республиканскими властями. В 70-х годах на минском заводе работало около 24000 человек, плюс 10000 человек на заводе в Бресте (что для Бреста означало больше, чем 24000 человек для Минска). В Союзном хозяйстве минские машины оказались, с большим отрывом, самыми распространенными, и оставили заметный положительный след, равно как и самые благожелательные воспоминания среди специалистов.

Начала автоматизации всей страны

Завод и СКБ создавались перимущественно молодыми людьми, но у многих уже имелся кое-какой опыт работы. Кто-то уже поприсутствовал в первых рядах автоматизаторов и электронизаторов производства.

Сотрудники делились друг с другом таким опытом, с одной стороны, учась друг у друга уму-разуму, а с другой — развлекаясь, и снимая напряжение текущей работы.

Игорь Кириллович Ростовцев до Минска работал на Ереванском пивзаводе. На призыв дирекции к молодежи поучаствовать в усовершенствовании производственных процессов, он с горячим энтузиазмом спроектировал и изготовил счетчик конечной продукции, то есть, бутылок с пивом. Идея была проста, и основывалась на луче света с одной стороны ленты с движущимися бутылками, и фотоэлементе с другой. Не надо забывать, что на дворе был конец 1950-х гг., и все это, включая сумматор, приходилось до мелочей создавать вручную в виде электрических схем.

Счетчик исправно считал бутылки, и начальству понравился. Однажды он сломался. И. К-ча (тогда просто Игоря) позвали отремонтировать. Отремонтировал. Заработало. Прошло какое-то время — опять сломался. Опять отремонтировал. Стало повторяться с незавидным постоянством.

И. К. стало жалко своего труда, и тут он совершил поступок, по которому прозорливый человек смог бы еще тогда разглядеть в юном инженере будущего толкового руководителя. Он не стал разводить политику и добиваться расследования, а просто сказал персоналу, обслуживающему конвейер: „Ребята ! Не надо ломать счетчик. Просто, когда вам нужно, закройте фотоэлемент картонкой !“ Больше счетчик не ломался[200].

В Минске И. К. в полной мере раскрыл свой талант умелого и волевого организатора; но он был еще и азартен. Когда заводу Орджоникидзе поручили производить машины (второго поколения) „Снег“ и „Весна“, пусть и хорошие, но посторонние для предприятия, и в силу этого не самые желанные, И. К. как главный инженер вынужден был подчиниться. В обсуждении этого поручения с московским военпредом Давидом Людвиговичем Файнбергом И. К. стал утверждать, что сумеет подготовить изготовление и наладку ЭВМ „Весна“ в течение *одного квартала*. Поспорили. Ставка — ящик коньяка. Проиграл: затянул (*!*) на месяц, но случай этот стал широко известен на предприятии и, несмотря на всю несерьезность орнаментовки и формальный проигрыш, только прибавил главному инженеру авторитета. Выпуск машины „Минск-32“ он организовал у себя на заводе *на год* раньше назначенного срока ...

Рабочее воспитание плюс высокое искусство

Среди бесчисленных людских историй, пересказываемых сотрудниками, была такая. Она относится к Михаилу Емельяновичу Екельчику, успевшаму в молодости (— трудной: в войну М. Е. оказался в детском доме) поработать токарем, а затем мастером, на заводе в Саратове. История была широко известна, и даже любима сослуживцами (благодаря чему педагогические приемы рабочего мастера из Саратова благодарно получили много более широкую аудиторию, нежели для них исходно полагалась). Здесь она приводится в изложении Юрия Владимировича Карпиловича.

> Рассказывая о себе, Михаил Емельянович нередко поминал своего саратовского начальника цеха, человека строгого и своеобразного. Сердясь на что-либо, он выговаривал молодому мастеру: „Вот я тебя на людях по имени-отчеству называю, а на самом деле ты кто есть? Мишка!“. Это действовало. Зато вместе со скупой похвалой наливал Михаилу стакан спирта и напутствовал: „Пей и быстро уходи, чтоб своими ногами перешёл проходную“.
>
> **— Карпилович Ю. В. Так было ...**

М. Е. Екельчик.

В устном пересказе В. В., напутственная фраза мастера произносилась с ударением.

В 1964 г. М. Е. перевелся с минского завода счетных машин (по его рекомендации) на Брестский электромеханический завод БЭМЗ (тогда Брестский завод электроизмерительных приборов, БЗЭИП) главным инженером — завод в Бресте был тогда точкой активного роста и имел возможность дать М. Е. не только должность, но и квартиру. Переход оказался плодотворным карьерным решением, он позволил развернуться таланту руководителя М. Е., и, в конце-концов, послужил на пользу и заводу как производственной единице, и его коллективу. Об отношении М. Е. к работе и, одновременно, о напряженности самой работы, говорит то обстоятельство, что у себя дома он выделил отдельную комнату для переговоров с приезжающими на завод в командировки сотрудниками; дом превращался в продолжение работы.

М. Е-ча по минской работе хорошо знала Анна Викторовна, всегда отзывалась о нем добрым словом, передавала через мужа привет, и принимала тем же путем приветы в обратном направлении. В. В. же общения с главным инженером БЭМЗ никогда не прерывал ни работая в Минске, ни позже в Москве. Завод был очень важным звеном общего фронта работ, проводимых в области ВТ в стране: ему

поручали и периферийные устройства, и выпуск первых в ЕС машин 1020 и 1022, и специальные вычислительные комплексы, включая бортовые. Это был большой, грамотный, надежный и умелый коллектив, способный делать подчас неповторимые вещи.

А. В., как и (естественно) В. В., также хорошо знала директора БЭМЗ Владимира Александровича Сальникова. Для В. В. он был просто „Володей“, хотя был старше возрастом и успел послужить военным радистом в партизанах и в действующей армии, побывать в плену[201]; А. В. чаще называла его по имени и отчеству (по крайней мере в разговорах с детьми). После войны институт, затем работа на предприятиях, пока не был приглашен в 1963 г. на директорскую должность (тогда еще) БЗЭИП. В. А. вместе с М. Е. сделали неизмеримо много для завода и работающих там людей.

В. А. Сальников.

> В том, чем БЭМЗ стал для города и страны, исключительна заслуга директора Сальникова и главного инженера Михаила Екельчика, которые не просто являли голову и душу предприятия, но вместе со своим детищем росли, раскрывались как личности и профессионалы. [...]
>
> Разные по натуре, они притягивались друг к другу, как два полюса [...] Главной, общей для обоих страстью и делом жизни оставался завод.
>
> — **Возвышенное и земное Владимира Сальникова. Вечерний Брест от 24 июля 2009.**

Именно под руководством обоих завод вырос с нуля до более чем 10-тысячного предприятия и стал градообразующим для не самого малого города Бреста.

Но были у В. А. и другие интересы. Он с детства любил искусство, в разных проявлениях: живопись, скульптуру, музыку, поэзию, журналистику, и далее. Он *сам* рисовал, лепил, играл на фортепиано, писал стихи, был членом Союза журналистов СССР. Как и В. В-чу когда-то, В. А. в молодости предлагали отказаться от технической карьеры в пользу гуманитарной. Тяга к искусству передалась его сыну, ставшему со временем солистом Большого театра и преподавателем Гнесинского училища.

Распоряжением В. А. на заводе была сформирована группа „Умелые руки“, создававшая своеобразные изделия. В 1980 г. по его эскизам группа изготовила в подарок на 50-летие В. В. кинжал. Сам В. А. был уже болен, и поздравление с „именным оружием“ попросил передать от своего имени. Такой жест внимания В. В. оценил очень высоко. Это явственно прослушивалось из его лаконичной реплики жене. „Сальников сам не сумел приехать, болеет, прислал Малащицкого[202] передать. А ведь мог бы и не делать в его состоянии ...“ Замолчал.

Когда в 1982 г. В. А. Сальников безвременно скончался, это стало потрясением для обоих супругов. А. В. сохранила заводскую газету с некрологом, которую принес В. В., и она лежала вместе с прочими семейными бумагами.

Еще раньше, в 1976 г., не меньшим ударом для супругов стала безвременная смерть М. Е. Екельчика — одна из первых среди совсем пока не старых соратников по созданию отечественной вычислительной отрасли промышленности в Белоруссии. Отдельная фотография „Миши Екельчика“ находилась среди семейных фотографий.

2011
Улица Сальникова.

2011
Улица Екельчика.

После смерти друга, В. А. почти год занимался лепкой бюста для могилы М. Е. на историческом Гарнизонном кладбище Бреста. Там же найдет упокоение сам.

В начале 2000-х гг. имена В. А. Сальникова и М. Е. Екельчика получат две улицы в Бресте.

Встреча с капитализмом

В 1965 г. (или в конце 1964) произошел невиданный и неповторимый случай: к советской вычислительной машине проявил интерес западный покупатель[203]. Это был хозяин порта города Роттердама, решивший приобрести „Минск-2“ для управления своим портовым хозяйством. Он приехал в Минск, и с ним у В. В. состоялся разговор.

В. В. поинтересовался, чем вызван необычный интерес именно к советской вычислительной технике при наличии в Европе и в США большого числа прекрасных производителей, работать с которыми голландцу привычнее. Ответ был интересен, но понятен: у вас свои ленточные накопители, которые у нас никто не может прочитать, а, значит, украсть мои секреты.

1965
Хозяин порта Роттердам.

Поразительно было не это. На вопрос, а зачем ему вообще вычислительная машина в порту, когда и так все работает, голландец огорошил В. В. ответом: „Когда я поручу учет вычислительной машине, я смогу сократить кучу народу, и уменьшить свои расходы.“

Это не вписывалось ни в какие ранее известные В. В. представления о ведении хозяйства. Использовать повышение эффективности производства для сокращения работников — звучало абсолютно как из другого мира. Так, собственно, оно и было. Состоялось первое, и рафинированное знакомство с хозяйственной практикой капитализма[204].

Голландия

Группа сотрудников отправилась вслед за „Минском-2“ в Голландию[205], где машина сначала должна была поучаствовать в торговой выставке, а потом затевалась продажа. С советской стороны продажу осуществляло объединение „Машприборинторг“, а с голландской посредником выступил некто В. Л. Караганичев, сын русских эмигрантов первой волны и весьма энергичный деятель.

Март 1965
„Поющая“ „Минск-2“ на торговой выставке в Утрехте.

Советский стенд на выставке пользовался успехом[206]. Приходило много русских эмигрантов, прочувственно обращавшихся к минчанам: „Ребята, неужели вы это сами сделали? Какие же вы молодцы!“ Успеху способствовала мелодия, которую наигрывала машина. Мелодию голландской песни подготовили за ночь: В. В. положил на ноты и запрограммировал их воспроизведение, а остальные участники собрали мелодию. Для голландцев это оказалось большим сюрпризом[207].

Советским и голландским специалистам есть о чем поговорить.

> Надо полагать, задействована была следующая особенность „Минска-2“: „Полезным нововведением является [...] звуковая индикация, т. к. характер производимого машиной шума дает опытному оператору ‚прислушиваться‘ к ходу выполнения программы.“ Идею „звуковой индикации“ В. В., возможно, подхватил у знакомого ему „Урала-1“. По крайней мере, в 1961 г. серпуховская тетка пишет в письме, что слышала по радио мелодию, исполнявшуюся машиной „Урал-1“. Очевидно, он еще в Пензе внимательно присматривался к этой машине, коль скоро (тогда еще) делился своими (первыми) впечатлениями с теткой.

Потом начались переговоры о продаже заказчику — долгие, ввиду необычности дела: советское министерство раньше за границу ничего не продавало, и многое было процедурно непонятно. Переговоры затянулись, и для экономии средств группу командировочных продолжали держать в недорогой гостинице в Утрехте[208].

„Негру де Пуркарь“ наше, пиво голландское. Деталь: телефонные аппараты на стене.

Утрехт — небольшой городишко. Несколько дней ушло на его изучение, а потом жить без дела стало скучно. Наступала хандра[209]. И вдруг кто-то принес чудесную новость: оказывается, в голландской аптеке „просто так“ продается спирт !

Следующий фрагмент воспоминаний В. В-чем произносился с вариантами, приводящими, тем не менее, к одному общему продолжению. По одной версии, народ скинулся командировочными медяками и сходили в аптеку; по другой — поделился новостью со своим опекуном г-ном Караганичевым, и уже тот, ухмыляясь, принес из аптеки кучку небольших пузырьков. Может, имело место и то, и другое. Так, или иначе, но последующие дня три группа постояльцев из

России к изрядному удивлению хозяина гостиницы спускалась на обед неожиданно повеселевшая, чего он никак не мог понять. Но проходит и это, и через какое-то время командированные снова заскучали.

Министерство не торопилось, а отсутствие у заводчан работы становилось невыносимым. Пришлось звонить в Москву и пригрозить чем-то вроде забастовки. Это мгновенно подействовало, и командированных сразу направили в Амстердам, где тоже не было работы, но зато город был большой, и оказалось гораздо веселее[210].

Прощаясь, хозяин сказал: „Жалко, что вы меня покидаете, но я вас понимаю. У меня гостиница дешевая. Вот, недавно, один ученый из Великобритании останавливался. А вы другое дело: вы же бизнесмены, вам нужно что получше !“

Вино „Негру де Пуркарь“, которое советские специалисты привезли в угощение голландцев, *просто так* в магазинах не продавалось. Им командировочных снабдили перед поездкой опытные сотрудники торгпредства. То ли из-за поездки, а скорее само по себе, оно оказало глубокое впечатление на молодых создателей первых ЭВМ. Уже по возвращении домой, в застольных дружеских разговорах оно временами оказывалось проходной темой. „А я знаю, какое вино в Советском Союзе самое лучшее,“ — говорил кто-нибудь один. „*Негру де Пуркарь*! Нам его перед поездкой в Голландию вручили.“ „А я знаю, где оно почти всегда есть!“ — подхватывал другой. „Где??“ — и так беседа, искрясь и переливаясь, текла далее.

Годы спустя, однако, часто бывая в Кишиневе по рабочим делам, В. В. об этом вине уже не вспоминал.

Деникинец из Нидерландов

У стенда с советской машиной В. Л. Караганичев в центре турбуленции.

Однажды на выставке в Голландии к советским сотрудникам подошел прилично одетый вежливый человек, представился по-русски, похвалил за экспонат. О себе сообщил: дескать, „так получилось“, что после революции воевал на стороне генерала Деникина, потом эмигрировал, живет здесь, но Россию любит. Поговорили. Советская сторона решила, что гражданская война есть гражданская война, все бывает, а человек, вроде, хороший. В знак признательности хороший деникинец предложил В. В-чу с коллегой посидеть вечером в пивнушке и продолжить приятный разговор.

Вечером сели за столик, оказался действительно любезный интеллигентный собеседник. Выпили по бутылочке, решили заказать еще. Вышла официантка, и, извиняясь сообщила, что по правилам заведения (кажется, наступил урочный час) принести дополнительно пива не имеет права. Деникинец стал настаивать Она начала объяснять, что если принесет, ей достанется от хозяина.

И тут деникинец взорвался. „Ты кто такая ?“ — закричал он. „Ты простая служанка, делай, что тебе приказываю я, твое дело исполнять !“ Та в слезы, и убежала.

Для людей с советским воспитанием это оказалось диким, и чем-то, давно забытым. Коллега В. В. поднялся и заявил, что не может потерпеть такого отношения к людям, и что они сейчас же покидают заведение. Тем знакомство с прошлым и завершилось.

Анна Викторовна делает ход и выигрывает

1965
В центре полуанфас В. Л. Караганичев.

Анна Викторовна не занимала по работе начальствующих должностей, но в жизни могла, когда требовалось, совершать решительные поступки. Это импонировало В. В-чу. Когда-то, при назначении В. В. Пензу, она столкнула с места *местных* бюрократов. Так как дело шло о выделении жилплощади, а не все были по характеру бойцами за свои права, и кто-то оценивал вещи по-своему, вспоминал В. В. об этом подвиге супруги только среди самых близких друзей. О другом ее решительном поступке вспоминал чаще.

Голландское сидение затянулось. В. В. сам начинал грустить, но ничего определенного домой сообщить не мог. А. В., в свою очередь, волновалась, но что она могла сделать, к кому обратиться?

Наступило 2 марта. Узнав, что это день рождения советского коллеги, В. Караганичев пригласил В. В. в ресторан. „И тут ...“ — а далее так. Если рассказ велся детям, В. В. говорил: „*ваша мама* отчудила“, если же приятелям по работе — „*моя мадам* отчудила“. В любом разе произносилось это с широченной

улыбкой: „Сидим за столиком, пьем винцо. Вдруг подходит официант — вам телеграмма. Какая телеграмма? Ничего не понимаю. Приносит телеграмму из Минска, где {*ваша мама* | *моя мадам*} поздравляет меня с днем рождения. Караганичев узнал в чем дело, довольно кивает головой.“

Телеграмма из Минска в Утрехт.

Пожелание от второго поколения эмигрантов первой волны.

Оказывается, потеряв терпение в ожидании мужа, А. В. решила воспользоваться днем рождения, чтобы навести хоть какую-то ясность. Спустилась в почтовое отделение, что в доме, „где кинотеатр ‚Смена‘, только с улицы [Долгобродской], и спросила: ‚Могу я отправить телеграмму в Голландию?‘ Начальник отделения от неожиданной (первой в его практике) просьбы замешкался, потом что-то уточнил по телефону, и сказал: ‚Да, пожалуйста.‘“ А. В. набрала латинскими буквами текст (не зная ни одного иностранного языка) и отправила телеграмму. Подпись *AJW* расшифровывалась как *Аня, Женя, Вова*.

Почтовая служба Голландии повела себя безукоризненно.

Сработало. Телеграмму, где положено, отметили, и из голландского торгпредства СССР незамедлительно сообщили о планах на возвращение командированных. Караганичев лишний раз убедился, что люди за железным занавесом не валенком щи хлебают, а А. В. в том удачно подыграла мужу. Среди всех участников этой истории недовольных не было.

Сношения обычных граждан СССР с заграницей в середине 60-х гг. запрещены, конечно, не были. Однако они были подконтрольны, крайне редки, и потому необычны. Анна Викторовна не испугалась ей незнакомого и, чувствуя за собой правду, воспользовалась своими правами.

Голландское банкротство

Машина минского завода, установленная в роттердамском порту, долго не проработала. Приобретший ее хозяин обанкротился. Разорил партнер, бывший эсэсовец. Он подобрал момент, когда у фирмы не было текущих денег, хотя через короткое время ожидались поступления (об этом он, как партнер, был в курсе), и точно тогда предъявил запрос на выплату своей доли. Хозяин пытался договориться, обещал заплатить сполна, только чуть позже, но бывший эсэсовец жестко стоял на своем. По закону он был объявлен банкротом.

1965
„Поющую“ „Минск-2“ приобрел для своих нужд порт города Роттердама.

Всех участников этой истории В. В. знал лично, но свидетелем ее был не он, а командированные из Минска сотрудники. Они-то и рассказали, как происходило банкротство по-голландски. По помещениям ходили люди в форме и сгребали в мешки все, что находилось на столах. На советских специалистов это произвело глубокое впечатление. Когда дошла очередь описывать машину, долго выясняли, что за марка, так как ее не было ни в одном справочнике. В конце-концов, машина попала в фирму IBM.

Голландский посредник в поставке „Минска-2“ В. Караганичев на вид казался довольно жуликоватым. Было известно, что он раньше работал в отделении IBM на Окинаве. В то же время, изъятая в результате банкротства машина была отправлена именно на Окинаву. Был ли вклад Караганичева в банкротство фирмы, и если был, то каков — об этом остается гадать. Перебралась ли машина впоследствии на континент, или осталась на острове навсегда — тоже[211].

Santa Lucia

Неизвестно, где В. В. услышал эту международную песенку: то ли в институте, то ли в загранкомандировке, но в 60-х гг. в пору веселого настроения он нередко вспоминал ее, и даже использовал в деловых целях. Начиналась она с речитатива:

Драй кабальерос
Им кабаретто
Тринкен мадера
О-оне монета ...

В этом месте исполнитель не выдерживал и переходил на пение:

Гросе сканда-але
Унд полици-ия!
Са-анта Лючи-ия,
Санта-а Лючи-ия!

Продолжением этого поучительного текста были приятные воспоминания: „Это я однажды спел Игенбергсу“ (называлось в каком городе, кажется в Мюнхене), „так он, как услышал, от смеха уполз под стол и пять минут оттуда не вылезал!“

Чувство юмора помогало ему находить общий язык с партнерами по переговорам и, в конце-концов, достигать нужного решения. Видимо, это тоже принималось во внимание руководством, когда его посылали за границу. Но чувство юмора не было деланным; от этой песенки он и сам искренне смеялся, пусть и не уползая ради этого под стол. Думается, в ней ему импонировала еще какая-то правда жизни, которую он всегда старался понимать и принимать в расчет.

А в Москве стало не до песен.

Украинцы в Белоруссии

И на заводе, и в СКБ работали люди многих народов СССР: литовцы, армяне, азербайджанцы, евреи и так далее, и никаких намеков на национальный вопрос в общей работе никогда не возникало. Но временами советского по воспитанию В. В. в этом деле поджидали сюрпризы.

Заместителем главного инженера завода и главным инженером НИИЭВМ одно время работал Михаил Фомич Чалайдюк. Он был родом с Западной Украины (Волыни) и попал на завод по распределению из львовского института. Это был хороший работник, грамотный специалист и уважаемый человек. Когда встал вопрос о присуждении Госпремии за разработку и производство ЭВМ серии Минск, он был в списке предполагаемых лауреатов.

Неожиданно, именно с ним случилась проблема. Список проходил согласование в ЦК КПБ, и по какой-то причине А. Ф. оказался вычеркнут. Его снова подали в списке, и снова без объяснений он кем-то был из списка удален. Все это было совершенно непонятно, и В. В. решил искать правду, как мог.

М. Ф. Чалайдюк.

Через жену, Анну Викторовну, удалось устроить встречу в ЦК (А. В. была в хороших отношениях с женой сотрудника ЦК, знавшего того, кто курировал этот вопрос). Прийдя в ЦК, В. В. попытался узнать, в чем дело. Ответ был столь же эмоциональный, но и ошарашивающий: „А что этот хохол у нас делает? Пусть убирается к себе!“

Увы, но приехавшему в Белоруссию в 1959 г. В. В., как и большинству жителей СССР, не было известно многих подробностей минувшей войны. Роль украинских националистов в обращении оккупационных властей с местным населением, военнопленными и заключенными, в послевоенные годы скрывалась во имя дружбы народов, воизбежание самоуправства и неправомерной реакции. Как правило, культурные немцы брезговали заниматься грязными делами и поручали их националистам, среди которых украинские занимали видное место. Хатынь была далеко не единственным примером[212]. А белорусы, как пострадавшая сторона, об этом знали и в 1960-х гг. помнили[213].

Убедить ЦК в отношении М. Ф. было делом почти невозможным, но время было упущено, и премия 1970 г. его миновала. Лауреатом Госпремии СССР он станет только в 1983 г., и кавалером орденов — в 1980-х, когда пошла возрастная смена кадров и память стала стираться.

Со слов Ю. В. Карпиловича (**Карпилович Ю. В. Так было ...**), когда в 1993 г. М. Ф. скончался, на похороны с Западной Украины приехали две его сестры. Это были учительницы, скромные женщины, и, как показалось, вовсе не богатые. По решению руководителей завода им изыскали возможность выписать материальное пособие.

Украинцы на Украине

Первым главным инженером завода имени Орджоникидзе был Николай Иванович Кирилюк. Он сделал очень много для становления завода и органически вписался в начальную команду управленческих кадров. В самом начале 60-х по каким-то обстоятельствам он вынужден был уехать из Минска и, прихватив с собой группу сотрудников, со многими из которых заводу не менее жалко было расставаться, перебрался в Киев для работы на строившемся тогда заводе вычислительных и управляющих машин (ВУМ; позже — НПО „Электронмаш“)[214].

Спустя какое-то время он по делам переезда приехал в Минск. С В. В-чем Н. И. до своего отъезда работал плотно и дружно, так что в Минске они договорились встретиться, чтобы поговорить. Пропуска в СКБ у Н. И. не было, и встреча состоялась на скамейке в скверике на площади Якуба Коласа.

На распросы, как работается на новом месте, Н. И. ответил незамысловатой байкой об экскурсии по адским котлам с грешниками, варианты которой всяк на свой лад рассказывают европейские народы. Вариант Н. И. концентрировался вокруг „украинского“ котла. Прежде, однако, экскурсовод по аду (неважно, кто) сводил экскурсанта (не важно, кого) к котлу с евреями. Вокруг стояло много чертей из охраны. На вопрос, для чего, экскурсовод сообщил, что здесь, когда какой-нибудь начинает выбираться из котла, неминуемо тащит за собой сразу много прочих, а это недопустимо. Другой котел — с русскими — стоял вовсе без охраны. Объяснение было такое: „Вон, видишь, рядом ларек с пивом ? Тут если кто-нибудь выберется, то сразу к ларьку; напьется, и снова в котел свалится. Охранять незачем.“ Незачем оказалось охранять и котел с украинцами. Но тут причина своя: когда кто-нибудь из них начинает выбираться, остальные за ноги тянут его обратно.

„Вот и я последнее время, будто в этом котле оказался,“ — подытожил Н. И.

Во второй половине 60-х В. В-чу доведется попасть в трудную ситуацию, на первый взгляд, опровергающую апокрифическую историю из мира потустороннего бытия. Как-то он получит письмо от серпуховского свойственника, с которым имелись уважительные доверительные отношения. Тот писал, что его сын в поисках работы оказался в Киеве и устроился в одну организацию, связанную с ВТ. Но делать там нормальную карьеру оказалось невозможно, жаловался свойственник, потому что *„хохлы выдвигают только своих“*. В письме старый приятель просил Виктора устроить сына к себе на предприятие.

В. В. испереживался, получив такое письмо. Он, конечно, был в состоянии трудоустроить молодого человека. Откликаться на просьбы тех, с кем дружен, было непререкаемой нормой его поведения. Однако он взял за твердое правило не использовать свое руководящее положение в личных интересах. И в этом был нешуточный внутренний конфликт. Он советовался с женой и, без преувеличения, мучался целую неделю в поисках выхода. Решение нашлось: В. В. связался с одним из родственных ленинградских предприятий, и сын приятеля отправился из Киева в Ленинград, где подобных проблем не возникало.

Минское гетто и белорусские партизаны

В 60-х гг. встретиться в Минске с бывшими партизанами было обычным делом. Попадались они и на производстве ЭВМ, и сообщали удивительные для непосвященных истории.

Один из них делился впечатлениями, как был послан командиром отряда в Минск с заданием привести „какого-то“ чем-то важного „еврея“, так как по полученным сведениям тому грозила гибель. Он пробрался в город. Встреча состоялась в какой-то забегаловке. Партизан объяснил ситуацию и предложил перебраться в лес. Собеседник, к его изумлению, дал отказ. „Смотри,“ — пояснил он, — „вот мы тут стоим с тобой, меня никто не трогает, я пью пиво. Потом пойду домой. Так зачем мне тащиться в болото комаров кормить ?“ „Мы ж тебя спасти хотим !“ „Нет.“

Пришлось возвращаться одному и доложить обо всем командиру. Спустя некоторое время правила существования гетто были ужесточены, и еврея немцы расстреляли.

Юношей был в партизанском отряде ставший впоследствие главным конструктором завода Владимир Петрович Шершень. Жить в лесу было тяжело[215]. Пропитание приходилось добывать у местного населения (запомнилось, как у кого-то отряд забрал единственную корову[216]); в этом отношении сельские жители равно страдали как от немцев, так и от своих. Однажды немцы окружили отряд, и пришлось прятаться. „Я понимал,“ — рассказывал В. П., — „что полагается застрелиться, но ничего не мог с собой поделать, и вместо этого нырнул в болото. Проходящий немец меня заметил, и вытащил за загривок.“ В. П. пробыл в плену, был освобожден нашими наступавшими войсками, присоединился к ним и закончил войну в Красной армии.

Уже в 2016 г., когда в Европе все кругом поменялось, довелось от В. П. слышать следующую фразу: „Как же мы тогда радовались самолетам с красными звездами ! Как их ждали, когда они прилетят !“

Транспортные проблемы в СССР и в ФРГ

Во второй половине 60-х гг. В. В. был командирован в гор. Мюнхен на фирму Siemens, а опекал советских командировочных г-н Петер Игенбергс. Позже выяснится, что он был из рода прибалтийских немцев, поэтому к России неравнодушен, и даже свяжет свою судьбу с Россией[217]. Игенбергс был по-немецки деловым, доброжелательным сотрудником, и работать с ним было приятно.

Наступали выходные, и г-н Игенбергс заговорил о пожеланиях советских специалистов насчет культурной программы. Предложил несколько вариантов хорошо отдохнуть, и был искренне удивлен,

когда услышал просьбу посетить лагерь Дахау. „Как ? Зачем вспоминать ? Это же так печально !“ — но советские люди стояли на своем. Ходили по лагерю, читали пояснения. Попались описания бывшего сотрудника Дахау о том, каким образом что работало, и советские люди сразу заволновались: как это так, что он пишет воспоминания, а не сидит в тюрьме ? „А за что в тюрьму ?“ — недоумевал Игенбергс, „Ведь он же ничего не сделал !“ Слышать такие рассуждения было непривычно.[218]

Примерно 1966
Г-н Игенбергс представляет В. В. Пржиялковского руководству Siemens.

Отношения были достаточно дружеские, и не раз возникали споры по поводу того, где что лучше в ФРГ и СССР. Советские специалисты и сами замечали, что во многом западногерманское общество было организовано более разумно, чем советское, и возражать часто было трудно.

„Я все понимаю,“ заводился г-н Игенбергс, „вам тяжело, страна была колоссально разрушена войной, у вас огромные расстояния. Но туалеты ! Почему вы не можете сделать у себя нормальные туалеты ? Я недавно ехал из Москвы на юг, в дороге не смог зайти в туалет, такой там был ужас !“ Советские специалисты молчали. Крыть было нечем.

Примерно 1966
С руководством Siemens у „System 4004“. В руке у г-на Игенбергса проспект „Минск-22“.

„Или, взять транспорт,“ не унимался г-н Игенбергс. „Я ехал недавно в России на юг, так поезд опоздал на целых 40 миут ! У нас такого быть не может.“ Советские специалисты вздыхали. Крыть было нечем. Никто и не думал — не гадал, что повод расквитаться не заставит себя ждать.

Дела сделаны, билеты заказаны, надо вылетать, а авиакомпания не работает: служащие забастовали ! Советские специалисты повеселели: „Может быть у нас транспорт иногда и опаздывает,“ ехидничали они, „но вот такого у нас точно быть не может !“ На этот раз, как в воду опущеный ходил уже г-н Игенбергс. Крыть было нечем.

Радость радостью, а возвращаться из загранкомандировки положено вовремя. „И тут уже,“ не забывал поставить точку в рассказе В. В., „у них все сработало как часы.“ Немецкая сторона договорилась с советской насчет Швейцарии со швейцарской насчет виз (которые были выданы мгновенно), командировочных отвезли на быстром поезде в соседнюю страну, и оттуда они улетели в свою Москву. Все прибыло и убыло точно по расписанию: и поезд к самолету, и самолет.

ЭВМ, коммунизм и холодильник

Завод имени Орджоникидзе быстро рос, и, с какого-то момента, попал в поле зрения ЦК КПБ, а еще через какое-то время в поле зрения Первого секретаря ЦК Петра Мироновича Машерова. ЦК был вынужден заниматься заводом, но дело было новое, непривычное и непонятное, не то, что трактора, швейные машинки и так далее. Сотрудникам ЦК неясно было даже зачем эти вычислительные машины вообще нужны. П. М. (что делает ему честь) пожелал во всем разобраться сам, для чего решил устроить что-то вроде лекций. От предприятия в докладчики был приглашен (то есть: вызван) В. В. Пржиялковский. В качестве слушателей П. М. распорядился собрать ответственных сотрудников из аппарата ЦК.

П. М. Машеров на БЭМЗ. Сразу за ним В. А. Сальников. Источник

„Я решил, что рассказывать ему о том, как устроена ЭВМ, все равно бесполезно,“ вспоминал В. В. „Я решил объяснить, зачем вычислительные машины нужны, и начал с вопроса. Что такое коммунизм ? Это от каждого по способностям, каждому по потребностям.“ (В этом месте он иногда прибавлял: „Молодой был, ничего не боялся ...“) „А как учесть потребности ? У нас пятилетняя плановая система. Допустим, сейчас большой спрос на швейные машинки. Их мало, и на следующую пятилетку планируют значительное увеличение объемов, исходя из сегодняшних потребностей. Через пять лет наращивают выпуск, продолжают выпускать, и машинок становится столько, что девать некуда.“ Пример был выбран с

расчетом, так как белорусскому руководству совсем недавно приходилось иметь дело именно с такой ситуацей, сложившейся на заводе швейных машин в Орше.

БЭМЗ. Слева направо: начальник цеха И. Л. Трутень, П. М. Машеров, В. А. Сальников, В. И. Гришаев.

„Я привел пример холодильника. Представим, сказал я, что датчик, выдающий температуру в холодильнике, срабатывает с запаздыванием. То есть, уже тепло, а мотор-компрессор еще не включается. Все течет. Потом мотор включается, нагнетается холод, но по достижению нужной температуры мотор продолжает работать, и все замораживается. И так далее.“

„Еще я сказал, что компьютеры — настолько специфические устройства, что обслуживать их самостоятельно, как трактора, не получится. Нужна специальная организация.“

„Что он понял — не знаю, но слушал очень внимательно.“ Некоторые же из присутствовавших, завершал историю В. В., восприняли все по-своему. „Кто-то из участников замешкался, и я, когда уходил, невольно услышал их разговоры у лифта.“ „Это что,“ возмущались они между собой, „мы теперь должны за каждым трактором следить ?!“ Другие подходили и говорили: „Лихо это вы. Если бы не было Первого, вам бы за такие примерчики не поздоровилось.“

Но в целом, говорил В. В., организация таких лекций пошла делу на пользу.

Несостоявшаяся госпремия

Юго-восточнее Минска, в Киеве, с 1962 г. располагался Институт кибернетики (ИК) АН УССР, работавший тоже в области ВТ. Руководивший институтом с его основания Виктор Михайлович Глушков пришел в эту область совсем из другой сферы деятельности, академической, и это существенно отразилось на характере института. Хотя ИК АН УССР не стал сколь-нибудь заметным производителем средств ВТ, определенное собственное место в истории развития советской ВТ он завоевал, и, в первую очередь, благодаря неординарной личности академика Глушкова[219]. При его таланте, В. М. был расчетливым человеком, а В. В. не всегда, и это несходство отразилось на их первой встрече.

Киевляне пристально присматривались к минчанам, пока в 1968 или 69 г. не пригласили их к себе на предмет совместного выдвижения на получение Государственной премии СССР (как напомнит много позже Геннадий Дмитриевич Смирнов, МПБ — на то время — представлял он и В. В. Пржиялковский, а завод им. Орджоникидзе — И. К. Ростовцев и М. Ф. Чалайдюк[220]). Прежде отправили их во Львов, познакомиться с созданной ИК для тамошнего телевизионного завода автоматизированной системы управления (АСУ) „Львов“. Минчане познакомились. Впечатляло. На каждом рабочем месте стояли счетчики для отображения количества собранных элементов. От этих счетчиков провода шли к другим, где на других рабочих местах собирались устройства более высокого уровня. Провода доходили до счетчиков на уровне цеха, а от них шли к окончательному счетчику на воротах завода для отображения общего количества собранных телевизоров в последнюю секунду. Беда была только в том, что счетчики не работали, и электронное табло на воротах выставляли вручную по бумажке. Где-то зачем-то стояла машина „Минск-22“.

Г. Д. Смирнов.

Для подключения устройств к машине (которая их полностью устраивала — более того, была безальтернативной для их задумки) в ИК разработали коммутатор, на производство которого минским заводом, и на сопровождение которого МПБ, В. М. Глушков, не спросив минчан, уже добился решения ВПК (Комиссии по военно-промышленным вопросам при СМ СССР). Далее состоялся примерно следующий диалог (в популярном изложении).

Академик В. М. Глушков.

„Ну как?“ — спросили в Киеве, „ознакомились?“ „Ознакомились,“ сдержано говорят минчане. „Да ведь там ничего не работает, вы же все знаете. Причем тут госпремия?“ „Ну, да, сейчас не работает ... Это временно. Мы все сделаем. Мы разработали систему, вы даете машину и выпускаете специально для системы коммутатор, получается совместная программная и аппаратная разработка — как?“ Спрашивают, а сами задумались. „Система нам интересна, там наша машина стоит, но разработка все-таки ваша, мы тут не причем. Есть у нас есть новая машина ‚Минск-32‘, она уже умеет работать с периферийными устройствами, ее можем дать.“ „Нет, так не интересно. Вы ска́жите, что освоили выпуск коммутатора специально подо львовскую систему, — как?“ „Да зачем же, когда ничего делать нет необходимости? Достаточно взять новую серийную машину, а в ней все, что нужно, уже есть!“ Дальнейшее запомнилось В. В-чу на всю

оставшуюся жизнь. Глядя куда-то вдаль перед собой, директор ИК АН УССР задумчиво и отчетливо сказал: „Я ясно вижу в комитете [по госпремиям] конкретного человека, который встанет и заявит следующее: ‚Что мы тут имеем? Вот их программа, вот она работает на серийной машине — а премию за что?‘“ Повисла тишина. Дело приняло какой-то странный оборот. Минчане поняли, что разговор пустой, встали и попрощались.

В коридоре их догнал участник беседы, работавший ранее на заводе им. Орджоникидзе, и от имени В. М. стал уговаривать вернуться. Те вернулись, но договориться все равно так и не смогли. АСУ была интересна минчанам как средство продвижения своей машины (стратегия В. М. не могла ограничиваться, и не ограничивалась Львовом; задумка была в распространении АСУ на многочисленные промпредприятия страны), но она не работала, а заменять новую серийную машину старой с искуственно разработанным коммутатором они считали противоестественным.

Госпремии СССР не случилась. Вскоре, в 1970 г., ИК получит-таки госпремию за АСУ для львовского завода, но только свою, УССР. Однако сама идея организации продвижения сырого продукта на госпремию поразила В. В. Минчане по простоте считали, что гос- и прочие премии даются в награду за проделанную работу, а не являются результатом осуществления специально для этой цели планируемой деятельности. Оказалось, не всегда.

Несклонность В. В. к расчетливости определенного рода со временем, как кажется, была им, пусть не пересмотрена, но слегка смягчена. В любом случае, он прагматично пытался первым делом смотреть на вещи здраво. С другой стороны, В. М. сразу оценил принципиальность, стратегичность замыслов и энергию минчан, и даже предложил включить представителей МПБ в комиссию по приемке АСУ „Львов“. Это привело к тому, что Минску и Киеву все-таки удалось сработаться. У В. В. и В. М. было много ярко несхожего между собой, но, одновременно, было в их характерах и складе ума что-то объединяющее. Это со временем привело к доверительным рабочим отношениям, ценимых обоими, и способствовало сближению возглавляемых ими коллективов[221]. ИК АН УССР служил для МПО ВТ и НИЦЭВТ дополнительным мостиком к академическим кругам. Его Ученый совет был удачным местом для докторских защит минчан и москвичей. В издаваемом институтом журнале УСиМ охотно принимали статьи сотрудников НИЦЭВТ (в частности, там любил печататься секретарь парткома НИЦЭВТ). Заложенное В. М. Глушковым в ИК АН УССР отношение к сотрудничеству с НИЦЭВТ сохранится и после его скоропостижной кончины. Во второй половине 80-х две организации совместно разработают для серии ЕС две „макроконвейерные“ машины особо высокой производительности, устроенные по принципу, разработанному в ИК. Они годились для специальных вычислений, и по этой, а также по другим причинам, распространения не получили. Но это была никем не навязанная добровольная работа; она велась за счет собственных средств обоих институтов, так как МРП отказалось финансировать проект, посвящая в то время все свои расходы на ВТ „Эльбрусу“, показавшему себя впоследствии невероятным долгостроем.

Бывали у В. В. с В. М. Глушковым и непредвиденные встречи. Оба случайно столкнулись нос к носу на открытии Олимпиады-80 в Москве, куда пришли (по билетам, распространяемым на предприятиях) со своими подросшими детьми. Мужчины радостно поприветствовали друг друга, тут же отошли в сторону, и стали обсуждать рабочие дела.

Последнее воспоминание В. В. о В. М. связано со смертью последнего. Умирал тот в „кремлевской“ больнице (ЦКБ 4-го Главного Управления при МЗ СССР). Рассказывали, что когда в больнице он получил письмо поддержки от министра обороны СССР Д. Ф. Устинова (с которым у В. М. были прямые сношения) с вопросом (понятным), чем Д. Ф. может ему помочь, В. М. ответил: пусть пришлет танков.

Штрихи к портрету В. М. Глушкова добавляет воспоминание д-ра Ханнса-Георга Юнгникеля из ГДР. Дело относилось к середине 70-х гг., когда комбинат Robotron, где работал Х.-Г. Юнгникель, находился на взлете своей широкой и основательной деятельности по тематике ЕС ЭВМ. Предприятие неоднократно посещали советские ответственные лица, такие, как министр радиопромышленности В. Д. Калмыков, Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов и другие.

На этот раз штаб-квартиру Robotron в Дрездене посетил В. М. Глушков, которого познакомили с проводившимися в ГДР работами по созданию чрезвычайно перспективной голографической памяти. По завершению визита принимающая сторона, по обычиям времени, устроила банкет „человек на 30“. Х.-Г. Юнгникель переводил застольное выступление Глушкова. Это оказалось испытанием: В. М. принялся цитировать на память куски из Фауста Гете, и делать обратный перевод на литературный немецкий было весьма не просто. В. М. заметил затруднение, и (по-видимому) решил на этом сыграть. Неожиданно для Х.-Г., он обратился к нему вполголоса: „Ты (а может *вы*?), наверное, ничего не успел поесть, покушай немного!“ — и стал читать отрывки из Фауста сразу на немецком. Х.-Г. был поражен, но, будучи начинающим специалистом, ощутил, одновременно, прилив чувства неловкости и стал корить себя за будто бы плохой перевод. В. М. заметил и это. Он нашел случай успокоить своего помощника, сообщив, что перевод с русского на немецкий показался ему вполне приличным, и что по его предшествующему опыту такое бывает нечасто.

Учитывая тесные рабочие, и доверительные по характеру, отношения с Х.-Г., этот эпизод был В. В-чу определенно известен. Однажды он как-то обмолвился в частном разговоре, что в юности так и не смог осилить Фауста Гете. Действительно, при всей мощи этого произведения, оно способно оставить впечатление определенной заумности и налета эстетизма. Это всегда было чуждо В. В., и труд великого немца был отправлен, вслед за Достоевским, „в тот конец книжной полки“, до которого никогда не дотягивается рука.

Виражи на старте

В самом начале работ по ЕС ЭВМ сложилась нештатная ситуация. В 1969 г. происходила приемка отечественной части технического проекта ЕС ЭВМ Госкомиссией. Со слов В. В., „Рамеев“ (Б. И. Рамеев, в то время работал в НИЦЭВТ, был руководителем работ по созданию матобеспечения и заместителем Генерального конструктора ЕС ЭВМ) и „Сулим“ (М. К. Сулим, в то время замминистра радиопромышленности) „перед этим съездили на ICL и в Siemens, там их очень хорошо приняли и много чего пообещали.“[222] И вот, на приемке „Шура-Бура“ (М. Р. Шура-бура, ИПМ АН СССР, руководитель разработки ПО по ЕС ЭВМ) и „Сева Штаркман“ (В. С. Штаркман, ИПМ АН СССР, отвечал за разработку ПО по ЕС ЭВМ) обнаружили, что в доложенном ими проекте фактически произошла подмена, и вместо IBM/360 предлагалось взять за основу архитектуру машин ICL и Siemens, производившихся по лицензии фирмы RCA из США. Они подняли шум по поводу такой самодеятельности, через свои академические каналы обратились к М. С. Келдышу и добились проведения совещания по этому поводу.

Совещание было весьма представительным. На нем присутствовали М. С. Келдыш, А. А. Дородницын, министр радиопромышленности В. Д. Калмыков, зампред Госплана М. Е. Раковский, начальник Сектора в Отделе оборонной промышленности ЦК КПСС Ф. К. Кочетов, С. А. Лебедев[223] и так далее. В числе участников от МРП были С. А. Крутовских и В. К. Левин от НИЦЭВТ и В. В. Пржиялковский от Минска. В Минске в это время уже велась напряженная и трудная работа по машине „ЕС-1020“. В. В. вспоминал, как перед совещанием бывший тогда замминистра П. С. Плешаков прошелся перед своими подчиненными и каждому показал кулак перед носом, дабы никто не осрамил честь министерства.

Состоялось выяснение вопроса, начальство долго спорило и дело затягивалось, пока точку не поставил В. Д. Калмыков. Он обратился к В. В-чу: „Скажите, вы сможете сделать машину в срок ?“ Пришлось незамедлительно обрести присутствие духа, — а до завершения работ было ох как далеко, — и пообещать: „Сможем.“ Министр старался разобраться в вопросе, но мало понимал в новой для себя вычислительной технике. Однако он понял всем своим министерским нутром, что изменение по ходу дела ранее принятых архитектурных решений повлечет задержку. Это приведет к срыву исполнения постановления СМ СССР и к необходимости готовить новое постановление с новыми сроками. А невыполнение постановления СМ еще никому с рук не сходило.

В. Д. Калмыков

Разумеется, решение совещания такого уровня не могло не быть бюрократизировано. Последовало указание дать свои письменные заключения об „изменении объемов работ и сроков [...] при переориентации на систему 4“ ереванскому НИИ ММ, как проектировщику модели Р-30 (главный конструктор М. А. Семерджян; будущая ЕС-1030), и минскому МФ НИЦЭВТ, как проектирощику Р-20 (главный конструктор В. В. Пржиялковский; будущая ЕС 1020), а также независимые отзывы на проблему со стороны учреждений АН СССР (ИНЭУМ; директор Б. Н. Наумов) и Минприбора СССР (лисичанский ИУ ЭВМ, заместитель директора В. В. Резанов). Но это уже была игра „на домашнем стадионе“

В итоге работы по ЕС ЭВМ продолжились по ранее запланированному пути. М. К. Сулим со временем был переведен в директоры НИИСчетмаша, а Б. И. Рамеев — в ГКНТ[224] Место начальника отделения по разработке матобеспечения ЕС ЭВМ в НИЦЭВТ после него и до конца советского периода занял Л. Д. Райков.

В. В. часто вспоминал об этом совещании не только потому, что оно происходило с участием высоких людей, что было для него вновинку, и не потому, что оно имело решающий характер. Он не мог примириться с тем, как эта тема была затронута в книге: **Малиновский Б. Н. История вычислительной техники в лицах. — Киев: фирма „КИТ“, ПТОО „А.С.К.“, 1995**. Там эпизод о совещании приводился „по выдержкам из стенограммы, предоставленным Б. И. Рамеевым“, в связи с чем В. В. восклицал: „Это же секретное совещание, какие там могли быть стенограммы?! Это были его личные записи.“ Второе. Приведенные „стенографические“ выдержки открываются оглашением реплик М. К. Сулима и В. В. Пржиялковского, излагающих свои позиции. „Кто я там был?“ — волновался В. В., „Пешкой! Спорили большие начальники, а меня только в самом конце спросили, уложусь ли я в утвержденный постановлением срок. Я сказал: уложусь.“[225]

Валерий Дмитриевич Калмыков был руководителем еще сталинской формации и стоял у истоков радиопромышленности СССР. В войну он вошел в Совет по радиолокации при ГКО (возглавляемый для придания авторитета Г. М. Маленковым), а с 1947 г. в Комитет по радиолокации при СМ СССР, т. н. „Спецкомитет № 3“. Достаточно сказать, что Спецкомитет № 1 был „атомный“, № 2 по ракетной технике, а четвертого не было. Наследником Комитета № 3 стало в 1950-м г. созданное по инициативе Л. П. Берии Третье главное управление, отвечавшее (в ответ на поставленную И. В. Сталиным задачу) за защиту Москвы от ракетного удара. Именно в результате этой работы близ родной для В. В. деревни Верхнее Шахлово возникли установки С-25. С 1954 г. В. Д. Калмыков был министром радиотехнической промышленности, потом в результате управленческих перестроек того времени занимал несколько родственных должностей, пока не стал в 1965 г. министром радиопромышленности, возглавив созданное в конечном счете министерство. Он общался по долгу службы не просто с первыми лицами в государстве, но с главными — Сталиным, Хрущовым, Брежневым.

Дав на совещании 1969 г. слово министру, В. В. отнесся к нему очень ответственно. Возглавляемый им коллектив разработчиков испытывал не только дефицит времени, но и ограниченность номенклатуры предлагаемых интегральных схем, к тому же с низкими параметрами надежности. Ненадежная элементная база грозила дискредитировать работу по „ЕС-1020“. Как главный конструктор, В. В. взял на себя ответственность и запретил применение интегральных схем тех заводов-изготовителей, чья продукция не отвечала требуемым параметрам качества[226].

Как советская власть решала спорные вопросы с милицией

После перевода В. В. в Москву в 1971 г., он с семьей жил в гостинице НИЦЭВТ на Профсоюзной улице, в районе Беляева — Конькова-Деревлева. Это имело свои удобства, но требовалось постоянное жилье, о чем спустя примерно год пришлось активно напомнить. Начались поиски варианта.

Первым было предложение квартиры на ул. Полянка. Обсудили с женой, и показалось чересчур близко к центру города. Вторым стал дом на Кронштадском бульваре. Здесь наоборот, место показалось недостаточно обжитым. Наконец, поступило предложение дома по ул. Дубки, и на нем остановились. Дом не был в центре, и стоял в относительной близости от здания, в котором в Тимирязевском районе размещался тогда НИЦЭВТ („площадки“).

Дом по ул. Дубки строился для сотрудников МВД (а другой, на небольшом отдалении, — для КГБ при СМ СССР). Оставалось райисполкому Тимирязевского района, через который действовало МРП, уладить выделение квартиры в „милицейском“ доме под свои нужды. Но тут нашла коса на камень. В МВД считали дом своим, и ни в какую не хотели подселять никого из посторонних. Дело застопорилось, а МРП, институт которого был значим для Тимирязевского района, продолжало давить. И тогда между райисполкомом и соответствующими структурами в МВД произошел телефонный разговор, примерно такой по форме, и в точности такой по содержанию (а стенограммы никто не вел):

28 августа 2016
Дом по ул. Дубки.
Магазина нет.

— В вашем доме нужно выделить для нас квартиру.
— Мы строим дом своим сотрудникам, и никому ничего не обязаны выделять.
— Но это очень важно для района, всего одна квартира.
— Мы никому ничего не обязаны.
— ... Ну хорошо. А что у вас планируется на первом этаже?
— Пошивочная мастерская для формы работникам министерства.
— Мы хотим устроить там магазин.
— [...] Берите вашу квартиру!

Вопрос решен. Использование первых этажей домов под магазины было прерогативой советских органов, сомнению не подвергавшейся. В райисполкоме, как видно, оказались умные люди, нашедшие подход к МВД, а силовое (как стали говорить позже) ведомство, едва не всесильное, настолько перепугалось перспективой иметь под жильем своих сотрудников магазин, что даже предложило райисполкому (то есть: В. В.) выбрать себе этаж. В доме надолго (если не навсегда) обустроилась пошивочная мастерская, со временем уже полиции, а магазин потом появится, но в соседнем доме наискосок. (В то же время, вопроса о размещении магазина в „доме КГБ“ так и не возникнет.)

Дом строился по чехословацкому проекту, но военными строителями, а значит с характерными приметами военного строительства тех лет. В начале 2000-х гг. гость из США обратит внимание на метлахскую плитку, найдя в ней сходство с той, что используется на его родине в тюрьмах. Стены из кирпичей (не несущие) уложены солдатами криво, и в те же новые времена кем-то из жильцов начнут перестраиваться. В одной из ванных комнат работник, производящий ремонт, вскроет кафельную загородку и обнаружит под ванной картину, что образно названную им „Бресткой крепостью“: солдаты накидали туда груду битого кирпича.

Отсутствие магазина поможет дому в 1985 г., когда В. В. с Анной Викторовной съедут отсюда, попасть в кино. В парке Дубки будут сниматься сцены к фильму „Личное дело судьи Ивановой“.

Режиссер И. Фрэз будет задумчиво сидеть среди камер, направленных на подъезд, а съемочная группа терпеливо ждать проявления мыслей своего мэтра.

Позже частные дома по улице Ивановской, что под окнами, один за другим уйдут, оставив в напоминание единственного своего товарища, осененного, как говорили, дарственной бумагой от И. В. Сталина (дома эти строились для преподавателей Тимирязевской академии), — из-за которой в 1971 г. соседнюю пятнадцатиэтажку построили в стороне от задуманного поначалу места. Еще позже, на замену одному из ушедших домов возведут деревянную церковь, а площадь парка, с некоторыми утратами, огородят. В 2010-х, с возобновлением практиковавшегося до этого предыдущим градоначальником точечного строительства в Москве (и при смещении которого такое строительство поставили ему в вину), начнется наступление на парк, победоносно завершившееся возведением многоэтажного жилого дома на самой кромке. Окрестные жители начнут было протестовать, но новые местные власти изящно выйдут из положения, сообщив, что часть квартир в строящемся доме купили такие же местные жители. Таким образом, заключили в местной Управе, единого мнения у горожан по поводу строительства не складывается, а значит основания для *прекращения* стройки нет. Новость эту В. В. успел еще застать в год своего ухода и прокомметнировать в своем духе лаконично и ясно: „У кого есть деньги, те за строительство, у кого нет — против.“

Мировой приоритет поневоле

В Москве много времени занимала тематика бортовых ЭВМ. Случались весьма драматические эпизоды. В начале 70-х на одной из обитаемых станций произошел отказ бортового компьютера „Аргон-12а“. Крайне редкий случай: в нем было два дублирующих контура, и отказали оба. Притом, ожидался прием новой экспедиции, без „Аргона“ неосуществимый.

Назревал скандал. Запахло оргвыводами для института со стороны ВПК, ЦК КПСС за то, что „институт не справился с заданием“, и даже „сорвал программу полета“. Можно было серьезно поплатиться.

БЦВМ „Аргон 12а“

На тот момент В. В. был главным инженером, а директором — Александр Максимович Ларионов. „Два дня“ — рассказывал потом В. В., „мы с Ларионовым ползали вдвоем по схеме, расстеленной на полу, и искали причину.“[227]

Ползание дало плоды. В обоих контурах отказы произошли в разных местах; родилась идея провести перемычки между работающими участками обоих схем, и так собрать из двух неработающих одну работающую — пусть и без дублирования. Перекинуть жгут космонавтам оказалось несложно.

Отвалило. Но как объяснить задержку высокому руководству? Ведь это отказ оборудования. Тут положение спас исключительно многоопытный в таких делах Владимир Николаевич Челомей (это была его станция). Он умудрился обратить поражение в победу, доложив „наверх“ о первом в мировой практике ремонте на орбите. Конец оказался счастливым, но испытание было не для слабонервных.

„Аргон-12а“ разрабатывался еще в НИЭМ. Много лет спустя Виталий Иосифович Штейнберг, бывший главным конструктором ряда бортовых машин, напомнит, что именно после этого случая была применена т. н. троированная мажоритарная схема работы бортовой ЭВМ, исключающая подобные отказы. Машина „Аргон-16“ будет спроектирована по такой схеме уже в НИЦЭВТ при В. В.[228]. Серийный выпуск продолжался с 1974 по 2010 гг., то есть 37 лет, и машина дотянула до применения на МКС. При недостатках для последних лет применения (габариты и вес), у нее окажется одно неоспоримое достоинство: среднее время безотказной работы более 10000 часов. Для сравнения: тот же показатель у „Минск-32“ — примерно 120 часов, у „ЕС-1035“ — 200 часов. За длительную работу на ряде долговременных космических объектов „Аргон-16“ не даст ни одного отказа.

Кому вершки, а кому корешки

В СССР со временем сложилась довольно разносторонняя система управлением стратегическими разработками и производством. В военной области огромную организующую роль играла Государственная комиссия СМ СССР по военно-промышленным вопросам (Военно-промышленная комиссия, ВПК). ВПК не выпускала правительственных постановлений, но готовила их для СМ и согласовывала с ЦК КПСС. Фактические постановления принимал СМ.

История советской ВПК тянется еще со времен царской России в период Первой мировой войны. Перед Второй мировой войной и на время комиссия она была возрождена, а затем еще раз в 50-х гг. — очевидно, как следствие раскручивавшейся гонки вооружений. В последнем советском виде ВПК существовала с 1957 г., и в дальнейшем только расширяла область своего контроля. Важность комиссии подчеркивалась и обеспечивалась тем, что руководить ею должен был человек в ранге

зампредсовмина. С 1963 по 1985 гг. таким человеком был Леонид Василевич Смирнов, сменивший Д. Ф. Устинова.

Л. В. Смирнов был среди сотрудников, привлеченных в Москву на руководящую работу Л. И. Брежневым, как знакомых по работе в Днепропетровске. До 1957 г. Л. В. Смирнов пять лет проработал директором (первым по счету) днепропетровского машиностроительного завода „Южмаш“ (завод № 586). Именно в период его руководства было налажено серийное производство ракет Р-1, Р-2, Р-5, Р-12, Р-14, Р-16 (разработки ОКБ-1 С. П. Королева и КБ М. К. Янгеля) и жрд. До назначения в ВПК, уже по работе в Москве, был председателем Госкомиссии по организации и проведению запусков пилотируемых космических кораблей, провожал в этом качестве в полет второго, третьего и четвертого космонавтов. Ракетная и военно-космическая тематика была знакома ему не по наслышке, и на посту председателя ВПК он руководил работой многих широко, и не очень, известных талантливых конструкторов со знанием дела — оставаясь одним из самых закрытых руководителей своего времени. При этом в область управления ВПК вошли еще авиация, вооружение и техника сухопутных войск, вооружение военно-морского флота, атомная промышленность.

1979
ВДНХ. В центре Л. В. Смирнов, левее Л. И. Горшков, В. В. Пржиялковский. Правее П. С. Плешаков (спиной), Н. В. Горшков (за ним), Я. П. Рябов.

1983
В центре большой группы награжденных в Кремле.

За время руководства ВПК Л. В. Смирновым в стране было выполено огромное количество разработок, составивших основу военного щита РФ до 2010-х гг., или возрожденных из небытия в 2000 нулевых[229].

МРП входило в известную „девятку“ министерств, подотчетных ВПК. В. В. неоднократно встречался по работе с Л. В. Смирновым: собственно по военной тематике (системы управления) и по ЕС. Его мнение о руководителе в целом было положительным (еще и потому, что он и одобрял и приветствовал техническое образование и инженерный опыт у руководящих кадров). Судя по всему, такое же сложилось и у председателя ВПК в отношении своего подчиненного. Л. В. Смирнов ценил такие качества, как надежность, дееспособность, приверженость общему делу и готовность брать ответственность на себя, присутствовавшие у В. В. Он лично вручил в 1983 г. в Кремле В. В-чу Звезду Героя Социалистического Труда[230]; он же посадил директора НИЦЭВТ по правую руку от себя в центре большой группы из нескольких сотен награжденных при фотографировании[231]. В то же время, в подчинении у Л. В. (в том числе на уровне заместителей) имелись люди, представляющие „военную партию“, с которыми у В. В. сложились к середине 80-х гг. крайне сложные отношения, и которые, по его мнению, существенно замедляли развитие отечественной ВТ, с чем он никак не хотел мириться.

1983
Вручение Звезды Героя в Кремле.

Объем работ обеих сторон был таков, что бóльшую часть текущих вопросов приходилось решать с подчиненными Л. В. Смирнова: его заметителем Леонидом Ивановичем Горшковым и с завотделом ВПК Анатолием Леонидовичем Нефедкиным. С последним связан эпизод, относящийся к 1973 году, то есть случившийся ровно за 10 лет до прикреплении в Кремле Л. В. Смирновым Звезды Героя к пиджаку В. В. Это было время освоения пензенским заводом ВЭМ производства машины ЕС-1050.

> У эпизода имелась своя предыстория. Машина была старшей в серии Ряд-1. В НИЦЭВТе ее проектировали не новички, но эта была первая такого рода в ЕС ЭВМ, и проблем было невпроворот[232].
>
> Выпуск планировали поначалу передать заводу САМ, но там не получилось, и решили предложить пензенскому заводу ВЭМ. Пензяков долго пришлось уговаривать. Сохранилась фотография совещания у В. В. с участием представителей Пензы и главного инженера завода Владимира Евдокимовича Прохорова. Сюжету жанровой сцены позавидовали бы русские передвижники, не исключая самого И. Е. Репина. Лица и позы чрезвычайно красноречивы. Кого-то идея выпуска новой

машины уже захватила, кто-то осторожно интересуется, а кто-то в тяжких раздумьях ... Прочитываются даже чувства молодого специалиста, расположенного на первом плане спиной к фотографу[233].

С тех времен у В. В. завязались с В. Е. Прохоровым исключительно дружеские рабочие взаимоотношения, послужившие залогом плодотворного сотрудничества двух предприятий.

С 1970 по 1973
Совещание по организации производства ЕС-1050. Крайний справа главный инженер завода ВЭМ В. Е. Прохоров.

Освоение производства ЕС-1050 шло с большим трудом и большими задержками. В ВПК вспылили и обязали отправиться на завод-изготовитель главному инженеру НИЦЭВТ с целью закрыть вопрос. В сопровождение дали А. Л. Нефедкина — чтобы доложил все, как на самом деле. В НИЦЭВТе и без того понимали, что пензякам надо помочь, но наличие представителя ВПК грозило завести дело в окончательно непроходимый тупик, способный закончиться только разгромом и срывом работ двух больших коллективов. Отменить решение Комиссии было немыслимо. Что делать?

А. М. Ларионов разводит руками. В его силах только исполнить свою обязанность директора НИЦЭВТ и сообщить своему коллеге по заводу ВЭМ директору В. А. Стукалову о грядущем визите сотрудника из ВПК. Мяч на стороне главного инженера, которому, так сказать, свыше поручено сорвать поручение свыше. В. В. принимает решение взять с собой военпреда Д. Л. Файнберга (как выясниться — поступок весьма дальновидный, ибо именно представителю *военного* ведомства придется восстанавливать зашатавшийся было *мир*) и звонит уже В. Е. Прохорову. Со своей стороны объясняет ситуацию. Тот: „Все понял.“

Утром поезд прибывает в Пензу. Подъезжают две машины: одна с директором, другая с главным инженером. К гостю из ВПК подходит директор, радушно приветствует, и приглашает для начала ознакомиться с жизнью предприятия. Оказывается, есть своя оранжерея, где выращивают цветы для сотрудников и овощи для столовой. Едут за город в оранжерею, потом еще познакомиться с чем-то, потом обед, и так далее. Тем временем, В. В. Пржиялковского и Д. Л. Файнберга „в рабочем порядке“ встречает В. Е. Прохоров. „Как простые специалисты“, представители НИЦЭВТ идут на завод, проходят по цехам. Знакомятся с ситуацией на месте. Беседуют, решают вопросы с руководством.

Когда посещение А. Л. Нефедкиным оранжереи, чего-то еще, а также дружеский обед подходят к концу, выясняется, что времни только-только добраться до вокзала. В поезде тройка встречается снова. Уловив краем уха разговоры В. В. и Д. Л. между собой, и сопоставляя их с событиями дня, размягченный от лестного приема А. Л. начинает понимать, как глупо его провели. Кровь закипает, он наступает на В. В., хватает за отвороты пиджака, и грозно, но и отчаянно, рычит: „Ну ты, **слон**, ты что устроил?!“ Тому ничего не остается, как схватить за грудки А. Л. Назревает серьезное дело, и только вмешательство военпреда, решительно, но с трудом вклинившегося между главным инженером НИЦЭВТ и завотделом ВПК, пресекает обозначившийся способ выяснения отношений.

Поездка В. В. и Д. Л. оказалась успешной, и машина в производство пошла, но заведующий отделом ВПК долго наотрез отказывался разговаривать с В. В. Что он сообщил своему шефу неизвестно, но никаких оргвыводов со стороны последнего не последовало. То ли Смирнов просто не обратил внимание на этот эпизод на фоне прочих дел, то ли ему донесли о происшедшем в должном изложении, то ли он сам благоразумно рассудил, что раз все закончилось успехом, то и Бог с ним, — теперь неведомо.

„А через какое-то время,“ завершал рассказ В. В., „мы с Нефедкиным все же помирились, и отношения наладились.“

Труды по освоению производства ЕС-1050 не остались напрасными для пензенского завода. Уже во время выпуска этой машины завод попросил разрешения у НИЦЭВТ на ее модернизацию и получил согласие. Новая модель была разработана в 1977 г., получила название ЕС-1052 и выпускалась на смену своей предшественнице[234].

Порядок в небесах

Несмотря на „разрядку напряженности“, 70-е были годами усиленной гонки вооружений между США и СССР. МРП наращивало размах разработок и производства. Однако власти Москвы в то время жестко ограничивали рост производственных площадей и людских штатов[235]. МРП нашло выход в создании предприятий в разных местах страны. Одним из таких мест оказался Дагестан. После своего избрания в 1974 г. депутатом в Совет Национальностей ВС СССР от Дагестанской АССР, министр П. С. Плешаков

развернул в Дагестане строительство пяти заводов и одного НИИ[236] — причем, не замкнутых исключительно только на военную тематику[237].

П. С. Плешаков.

На открытие одного из заводов взял с собой однажды В. В. „Это был его завод, не наш.“ — вспоминал В. В. „Зачем меня взял — не знаю.“ Но министерство было полувоенное, и П. С. был человеком полувоенным, Приказы министра не обсуждались, пришлось ехать. Однако, были заводы и по тематике НИЦЭВТ, на открытие которых В. В. приезжал уже с полным основанием.

Заводы открывались не только в городах, но и в аулах, причем в последних случаях их важность для местного населения была чрезвычайно велика. Жители не знали меры в проявлении благодарности за то, что сотни женщин, которым раньше просто „нечего было делать, и они сидели по домам“ в своих селениях, обрели работу. Из одной такой поездки в связи с открытием завода (это был завод запоминающих устройств в ауле Агвали, построенный для производства матриц памяти на ферритовых сердечниках; матрицы оттуда направляли на машиностроительный завод „Прогресс“ в Астрахани, где делали устройства памяти для ЭВМ ЕС и БЦВМ) В. В. привез кавказскую бурку, чеканку и веселый стишок:

В высоких горах Дагестана
Нам *русский великий народ*
Построил *своими* руками
Большой электронный завод!

Выделенные слова В. В. произносил с интонационным ударением и с явным удовольствием. Автрство стиха неизвестно, но не было бы ничего удивительного в том, если бы его сочинил сам Р. Гамзатов.

Поездка была настолько мирной, а прием радушным, что в самом страшном сне не могло присниться, во что́ превратятся эти знакомые ему местах[238] через 30 лет. К началу 2010-х жизнь вернется в мирное русло, кое-что из построенного сохранится (например, радиозавод в Избербаше, созданый в 1978 г. как филиал челябинского „Полета“, даже получит в 2000 г. имя П. С. Плешакова), но что-то (например, завод запоминающих устройств в Агвали) канет в небытие, а женщины, получившие было работу, на много десятилетий снова разбредутся по домам.

Были и другие места Союза, куда приходилось летать на заводы, преимущественно по бортовой тематике: Кишинев, Фрунзе, Астрахань, Винница, Каменец-Подольский, Владивосток, другие. Нередко летали на полигоны, где испытывалась бортовая вычислительная техника и системы управления, такие, как например в Капустином Яре („Капъяре“, повторял В. В. с удовольствием принятое среди посвященных сокращение). В министерских полетах и полетах на полигоны использовались спецрейсы из Чкаловского.

Однажды одним из таких спецрейсов В. В. возвращался в Москву в группе начальников, своих и из смежных организаций. Дело было сделано, времени в самолете достаточно, надо было чем-то заняться, и мужчины, как полагается, потянулись в кабину пилотов. Завязался разговор о том, как тут что устроено, как управлять самолетом. Пилот предложил попробовать. Нашелся, кто посмелее, взять штурвал. Пилот сел рядом. Стал объяснять: на себя — вверх, от себя — вниз. Смельчаку страшновато, однако храбрится: „Сейчас можно от себя?“ — „Давай, понемногу.“ Тот отжимает. Понравилось. Осторожно еще, еще. И тут по связи раздается голос диспетчера: „Борт такой-то, в чем дело? Почему покидаете эшелон? Вернитесь в свой эшелон!“ Пилот встрепенулся, смельчак стушевался, буркнул: „Ну его!“ — и покинул штурвал.

20 февраля 1980
Советская делегация в Болгарии.

Все ясно увидели, что в воздухе не забалуешь.

Полеты министра нередко сопровождались охотой. Особенно это было принято во время визитов в страны соцсодружества. Фотография запечатлела один из эпизодов посещения делегации во главе с П. С. Плешаковым завода в Старой Загоре по производству устройств памяти. Слева направо стоят: В. В. Пржиялковский, [...], П. С. Плешаков, Н. В. Горшков, Г. П. Лопато. По краям шеренги — научно-техническая интеллигенция, в середине министерские. Видно, что эпицентр охотничей радости расположен в середине.

Запоминающие устройства и аксакалы

Эта история характерна тем, что равным образом хорошо подходила и для оживления делового разговора с коллегами, и для бесед со внуками во время походов за грибами в окрестностях Авсюнина. Выражаясь много позже возникшим языком, она была „категории 6+“. Подросшие внуки вспоминали, что слышали ее „раз 15“ — как многие другие многократно повторяемые из раза в раз рассуждения дедушки, — но им это никогда не надоедало.

Относилась она ко времени поездок в Дагестан, где министр П. С. Плешаков увлеченно развел силами своего ведомства строительство объектов. На сей раз речь шла о заводе по производству запоминающих устройств (возводимом „русским великим народом“). „Это был наш завод, по нашему профилю“ — и участие В. В. в свите тут было обосновано не задачей скрепления министерского единства, а нуждами дела; было даже необходимым. Министр не мог позволить себе перемещаться гражданским транспортом, так что летели, как всегда в таких случаях, спецрейсом: из Москвы самолетом, а до конечного пункта вертолетом[239]. Транспорт военный, дорога длинная, и когда вертолет сел, возникло желание умыться. Под ногами вертелся местный мальчуган. — Эй, мальчик, где здесь воды набрать? — А вон, дяденьки, речка.

Пошли с ведром к речке, принесли воды, умылись.

Аул Агвали в горном Дагестане.

Мальчуган куда-то исчез, потом снова вернулся. „Просят пройти в дом.“ Просят, так просят. Подвел к какой-то хибаре на краю аула.

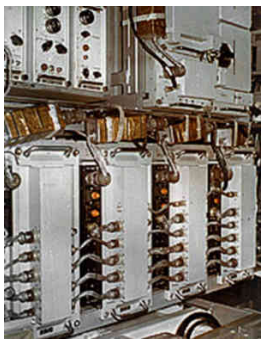
Вопрос о том, участвовал ли в этой этноэпической делегации сам министр, остался в памяти внуков без ответа. Взрослые же слушатели смутно, пусть не очень уверенно, но утверждают, что не только участвовал, но и возглавлял ее, как тому обязывали сан и военный чин генерал-полковника — старший по группе. Так, или иначе, но высадившийся десант начальников заинтриговано перетек в темную убого обставленную комнату внутри сакли. На полу сидит группа аксакалов, „совсем как в Белом солнце пустыни“. Однако, в отличие от Белого солнца, тут старейшины заговорили. Поблагодарили за строительство, посещение, справились, как добрались. После ритуальных кавказских политесов перешли к делу.

„Зачем вы нас подводите?“ — „Мы?? Как подводим?“ — „Наши гости, а обычаи нарушаете. Вы, вот, приедете и уедете, а нам тут оставаться.“ — „Да какие же обычаи?“

„За водой ходили?“ — „Ходили! Умыться было надо.“ — „А у нас за водой ходят *только женщины и дети*!“

Без лишних вопросов

Тематика НИЦЭВТ была весьма разнообразной. Коллективу приходилось заниматься как практически открытым международным сотрудничеством в рамках СЭВ, так и сугубо секретными работами. Но если на предприятии разными делами занимались разные люди, то директору приходилось иметь дело со всем одновременно. Иногда возникали щекотливые ситуации.


Размещение ЭВМ „Аргон-40“ в комплексе „Бета-3М“.

Это были времена, когда блок НАТО наращивал давление на страны, в ответ подписавшие Варшавский договор. Для совместных действий армиям Варшавского договора требовались общая система управления войсками, взаимосвязь штабов и командных структур. Основные средства такого рода для разных систем вооружения разрабатывались в СССР, а устанавливались, как правило, в войсках всех стран-участниц Варшавского договора. Такая работа требовала привлечения разработчиков системных средств всех стран. Сверх того, большие потребности привели к необходимости организовать совместное производство подобных средств.

В одной из систем оперативного управления использовались машины серии „Аргон“. Их работоспособность проектировалась в расчете на тяжелые внешние условия. На одной из встреч в рамках совместных работ по этой системе (состоявшейся в Минске в середине 80-х) была представлена БЦВМ „А-40“. Ответственным по этой работе от одной из стран-участниц Варшавского договора был Главный конструктор от этой страны по ЕС ЭВМ. При показе ему сразу бросилась в глаза близость БЦВМ к архитектуре ЕС ЭВМ и сходство технического исполнения со стандартной техникой, создаваемой в НИЦЭВТ. Он стал спрашивать, как связать эту машину со стационарными средствами ЕС ЭВМ, разработанными и установленными в своей стране. Советские участники, работавшие по закрытой военной тематике, нисколько не торопились отвечать, и вопросы подвисали в воздухе. Это задело представителя дружественной страны, и он *намекнул* на то, что будет вынужден попросить

помощи у своего шефа по ЕС ЭВМ, В. В. Пржиялковского (тот был в Москве, и непосредственно в этой встрече не участвовал).

В домашнем изложении В. В. события развивались так. „Когда наши подтвердили, что эта машина действительно совместима с ЕС ЭВМ, этот участник стал усиленно интересоваться, а какие программные средства на ней работают? Спросил раз — ему не ответили. Спросил два — опять не ответили.“ „Мгновенно,“ удивлялся он, „соответствующие службы проинформировали меня из Белоруссии по этому делу. Хорошо, говорю, я скажу ему, чтобы не задавал лишних вопросов.“

Эпизод запечатлелся в памяти не только у В. В. Много лет спустя, вскоре после его кончины, сюжет завершил „виновник“ этой истории. Ему слово: „Я тогда задал вопрос, какие программные средства ЕС ЭВМ там работают? Я имел ввиду их использование для нашей армии. Ведь ЭВМ Аргон по архитектуре ЕС ... и по многим деталям технического исполнения очевидно была сделана в НИЦЭВТ. Дело кончилось тем, что при очередной встрече с В. В. в Москве он мне сурово указал, что я задаю слишком много вопросов.“

Март 2015
В. И. Штейнберг на чествовании В. В. Пржиялковского в связи с его 85-летием.

Надо сказать, что такие диалоги, если возникали, не ухудшали взаимно благожелательных деловых отношений между главными конструкторами соцстран и генеральным конструктором В. В. Все понимали, что В. В. был по некоторым вопросам более других информирован, а делиться информацией имел право не всегда — по разным причинам.

Главным конструктором „Аргона-30“ был Владимир Моисеевич Карасик, успевший закончить разработку, изготовление и испытания изделия. После его ухода из жизни главным конструктором был назначен Виталий Иосифович Штейнберг, сопровождавший изделие у заказчика. В. И. стал также главным конструктором „Аргона-40“ и „Аргона-50“, комплексов комплексов „Бета-2“ и „Бета-3М“. Другие выпускавшиеся спецмашины и комплексы имели своих главных конструкторов. В течение многих лет В. И. возглавлял направление БЦВМ в НИЦЭВТ, а после НИИ Аргон.

Советский человек

В ЦК КПСС работой предприятий военно-промышленного комплекса СССР и деятельностью ВПК управлял Отдел оборонной промышленности, заведующим которого долго являлся кандидат в члены ЦК КПСС генерал-майор Иван Дмитриевич Сербин[240]. Это был очень грубый, до хамства, жесткий человек, прямого общения с которым старались избегать[241]. Предприятиями МРП в Отделе занимался Сектор радиопромышленности, состоявший из нескольких сотрудников-инструкторов. Возглавлял Сектор Федор Кузьмич Кочетов, человек много более вменяемый. Именно с ним непосредственно В. В. приходилось иметь дело[242]. Отношения более-менее ладились, и даже настолько, что В. В. у Кочетова заслужил звание „советского человека“. Вот как это произошло.

В бытность директорства заводом имени Орджоникидзе Анатолия Антоновича Реута, сменившего ушедшего на пенсию В. К. Гольдберга, возникла идея включить МПБ завода, изначально имевшее известную самостоятельность, в состав завода. Дело пошло: директор МПБ Георгий Павлович Лопато противиться не стал, а вот В. В-чу, бывшему главным инженером, все это не понравилось настолько, что он отправился в Москву добиваться отмены.

Прибыв в министерство, стал записываться на прием к министру В. Д. Калмыкову. Референты выслушали мотивы, посочувствовали (с легким недоумением, мол, куда полез и чего ради ?) и дали дельный совет: дескать, надо записаться не как „главный инженер“, а как „главный конструктор“. Совет помог. На совещании министр внимательно выслушал доводы В. В. и с ними согласился: „А ведь он прав. Если проектное бюро войдет в состав завода, завод его сомнет. Его быстро подчинят текущим нуждам производства, и оно перестанет вести новые разработки.“

„Как у них там информационные потоки поставлены, уж не знаю,“—рассказывал потом В. В.,—„Но только я вышел из кабинета, как едва ли через 5 минут последовал звонок из ЦК: Вас просят зайти в Оборонный отдел.“ „А пропуск ?“—„Пропуск выписан.“[243]

В Оборонном отделе ждал Кочетов. На столе какой-то конверт. „Ты куда лезешь ?“—начал с порога Кочетов,—„Ты против кого пошел ?“ В конверте оказалось письмо о слиянии предприятий, подписанное П. М. Машеровым. Но министр уже принял решение, и отступать было просто некуда. Тут дельный совет, похожий на приказ, дал уже Кочетов. „Приедешь домой — никому не говори, что был здесь, и что видел это письмо.“

Объединения не состоялось, дело обошлось, но Кочетов оценил принципиальность главного инженера и стал причислять его к своим. Он был человеком старой закалки, и делил людей на „Советских“ и „неСоветских“. Первым он старался помогать, а вторым нет. После случившегося, В. В. был включен в список „Советских“ со всеми благоприятными для себя последствиями.

Надо сказать, что список Кочетова был таковым в буквальном смысле. Когда Кочетов покинул свой пост по состоянию здоровья (по сути, готовясь умирать), он передал преемнику бумажку с перечислением людей, которым надо помогать в работе. Выяснилось, что в этом перечне имелась фамилия В. В-ча.

Куратор из КГБ

Известно, что первоначальный коллектив НИЦЭВТ был сформирован из сотрудников НИЭМ[244] и КБПА[245]. Последнее работало в интересах КГБ[246]. Бывшие работники КБПА продолжали числиться в КГБ, и, со временем, уходили из этой организации на пенсию. Среди задержавшихся был Б. И. Ермолаев, в пору директорства В. В. занимавший должность заместителя директора по научной работе. Это был опытный специалист и руководитель, делавший свое дело, и никаких трений у В. В. с ним не возникало.

В силу своих размеров и важности, НИЦЭВТ входил в число организаций, курировавшихся КГБ. Время от времени в НИЦЭВТ приезжал оттуда куратор, и, для выяснения обстановки, обходил руководящий состав. Порядок обхода очень веселил В. В., и он любил об этом вспоминать.

Б. И. Ермолаев.

„Сначала,“ говорил он, „КГБ-шник шел к *заместителю директора* по научной работе, и долго сидел у него“. „Затем,“ продолжал В. В., „он шел к *секретарю парторганизации* [А. Е. Фатееву], и долго сидел у него“. „И только после этого,“ восторженно заключал он, „куратор заходил для порядка к *директору*, и имел с ним короткий разговор по обновлению знакомства“.

Иногда старые привычки бывших сотрудников КГБ давали о себе знать. Как-то, в конце 80-х гг., было собрание по формированию группы сотрудников для посещения Болгарии. Это было заурядное собрание, неинтересное для В. В., на нем присутствовавшего и откровенно спавшего. Дело дошло до утверждения руководителя группы. Предложили бывшего военпреда Д. Л. Файнберга. Неожиданно встал Б. И. Ермолаев: „Файнберга посылать в Болгарию нельзя.“ „Почему?“ „Он знает слишком много секретов.“ В. В. мгновенно проснулся: „Б. И., ты что?“ Тот повторил возражение. В. В. взорвался: „Как это много знает? Так ты что, за него не ручаешься? Как же ты до сих пор с ним работал?“

В. В. нашел, что противопоставить таким настроениям. „С чего это он понес? Ума не приложу,“ — удивленно возмущался он. К счастью, то был лишь эпизод.

Несмотря на то, что в технических подразделениях КГБ у В. В. имелись хорошие знакомые, общее отношение к людям из этой организации у него было отрицательным. „Им нельзя верить,“ — говорил он. „Они будут с тобой нормально разговаривать, а потом за спиной тебя продадут.“ При том он не отрицал необходимости такого учреждения вообще. НИЦЭВТ с КГБ работал.

Неприязнь и фрондерство все-таки проскакивали. На одном из обсуждений системы, разрабатываемой для КГБ, В. В., выступая в стенах заказчика, заявил между прочим следующее: „Делайте со мной, что хотите, можете заключить в подвалы Лубянки, пытать, но [то-то и то-то] я вам сделать не смогу.“ „Потом в перерыве ко мне подходят и говорят: ‚Ну зачем вы так? Вы же понимаете, что мы — это не те, что были в прошедшие времена!‘“ „Я сказал, что, конечно, понимаю,“ — в рассказе В. В., как показалось, прослышались извинительные нотки. „Но все равно я им не верю. Когда им надо будет, продадут.“

Люди эти действительно были особой породы, даже, казалось бы, техспецы. В. В. запомнил, как однажды летел на совещание зимой куда-то на Урал. Хороший коллега, бывший единомышленником В. В., много сделавшим для программы ЕС, руководитель крупной организации, „работавшей в интересах КГБ“, пришел с чем-то упакованным продолговатым. На вопрос, что это такое, спокойно ответил: лыжи, на которых собирался в свободное время кататься, *пользуясь случаем*. „Я никогда не мог такого понять,“ удивлялся В. В. „Как можно заниматься чем-нибудь иным на совещании, где решаются важные вопросы?! Я так ни о чем другом в таких случаях думать не могу, а он: ‚на лыжах кататься‘!“

Беспартийный академик

Первым и бессменным по 1989 г. директором Вычислительного центра АН СССР был академик А. А. Дородницын. Его отношение к развитию ВТ было своеобразным. Одно время он по-своему активно в нем участвовал. Известен его доклад (как председателя Комиссии по вычислительной технике АН

СССР) на коллегии ГКНТ в 1969 г., где он жестко заявил о вопиющем и нарастающем отставании от США в разработке „математического обеспечения“, и доклад заметно подтолкнул работы по созданию ЕС ЭВМ. В 60-х — начале 80-х гг. он возглавлял Госкомиссии по приемкам ЭВМ, Межведомственную научно-техническую комиссию по матобеспечению ЭВМ, советскую часть Комиссии многостороннего сотрудничества АН соцстран по „Научным вопросам вычислительной техники“ (*КНВВТ*)[247]. Так, в 1973 г. он был председателем Межведомственной комиссии на Государственной приемке старшей модели („ЕС-1050“) в первой очереди ЕС ЭВМ („Ряд-1“), и, по более позднему признанию разработчиков, сдача именно этой машины далась им много труднее всех случавшихся потом[248]. Используя собственный авторитет, он активно привлекал, когда требовалось, к работе других представителей АН СССР. Наконец, был одним из двух наиболее именитых (наряду с министром МЭП А. И. Шокиным) в списке получателей Ленинской премии 1983 г. „за ЕС ЭВМ“[249].

При всем этом свой институт в эту собственную деятельность он никак не встраивал[250].

image
Академик А. А. Дородницын.

В. В-чу не раз приходилось очно или заочно сталкиваться по работе с А. А. Дородницыным, и их отношения были взаимно уважительными. В начале 80-х на совещании по одному проекту В. В. стал свидетелем следующей сцены. Обсуждение затянулось, и было принято решение перенести его на потом. Проект был существенно связан с ЦК КПСС, и местом следующей встречи было предложено назначить здание на Старой площади. „Никто не против? Все за. Договорились. Встречаемся тогда-то, подъезд такой-то.“ Голос подает академик Дородницын: „А что с пропусками? Как я пройду?“ „Анатолий Алексеевич, как всегда, по партбилету.“ „Я не член партии.“ — Пауза.

А дело было в том, что в хрущевско-брежневские времена все успели забыть, что *когда-то* можно было стать академиком, директором института, командующим армией, и занимать прочие *первые* должности и звания, не будучи при этом членом ВКП(б) — КПСС[251]. А. А. Дородницын стал академиком в 1953 г., а директором института в 1955 — тогда подобное еще не удивляло[252].

В заместители себе А. А. назначал уже членов КПСС.

На формирование отношения к А. А. повлиял и такой эпизод. На переломе 60-х — 70-х гг., на одном из совещаний В. В. присутствовал в группе представителей разработчиков. Другими участниками были несколько отраслевых руководителей. Обсуждалось создание очередной системы, в которой имелся компонент, дававшийся с большим трудом. Сроки поджимали, и кто-то из руководства предложил: поскольку этот компонент задействован редко, так может и отказаться от него, и не тратить попусту ни средств, ни времени? Разработчики похолодели: отказываться было с инженерной точки зрения неграмотно и недопустимо. А возразить высокому начальству страшно, да и кто услышит технические возражения? Положение неожиданно спас именно А. А., то ли ухватив суть, то ли просто решив вступиться. Спокойным голосом он произнес: „Когда мы посмотрим сверху на дорогу, то увидим, что бóльшая часть ее участков не занята движущимися машинами. Это не повод не строить дорогу.“ Начальники не решились спорить с академиком, а остальные глубоко выдохнули и после в разговорах высоко оценили между собой реплику, сказанную своевременно и по делу.

В своей среде А. А. был известен как специалист по аэро- и гидродинамике. В период с 1946 по 1951 гг. получил за научные работы три Сталинских премии, открывшие путь в академики АН СССР (минуя звание члена-корреспондента)[253].

1984
С академиком БАН Б. Сендовым на заседании комитета IFIP.
Источник

А. А. полагал себя потомком дворянского рода[254]. Получив звание академика, он, как казалось со стороны, со вкусом пользовался немалыми академическими привилегиями, дававшимися Советской властью. Живи М. И. Пыляев лет на сто с небольшим позже, он вполне мог бы включить А. А. в число своих „Замечательных чудаков и оригиналов“. Еще перед войной А. А. успел поработать начальником сейсмической партии в Туркмении, „проведя год в седле“. А теперь он с удовольствием ездил в Среднюю Азию, или дальше на Восток, во Вьетнам. В Средней Азии, освоив тюркские языки, мог беседовать с муфтием о толкованиях Корана, приводя на память некоторые суры. Дома академик держал змею, кормя ее мышами, и гладя по голове на глазах у замеревших гостей[255], после чего не забывал побудоражить их воображение предложенной *втемную* вьетнамской настойкой на змеях. Коллекционировал птичьи яйца, ловко забираясь ради них на деревья, а в другой раз делал замечания сотрудникам музея природы в Беловежской Пуще относительно экспозиции[256]. Садясь за руль, разгонял автомобиль до скоростей, пугавших пассажиров. Будучи наездником, не признавал физкультуры, а Московскую Олимпиаду именовал „кретиниадой“. Эпатировал собеседников мнениями о Пушкине, как о „кормильце для бездарей“ (величайшим поэтом по его мнению был Шевченко) или о Льве Толстом, в котором было больше усидчивости, нежели таланта

(истинно талантливым был его брат Николай Николаевич), и далее по писателям. Осуждал шахматы, предлагая подчиненным вместо этого играть в карты, и т. д., и т. п.

В. В. не мог судить о достижениях А. А. в аэрогидродинамике, и с подробностями биографии и личной жизни его он не был знаком. Он знал его по оргработе в области ВТ и относился к этой работе взвешенно. Ценил участие А. А. в информатизации[257], но не преувеличивал. До него иногда доходили слухи о поступках и высказываниях А. А., подтверждавшие мнение об академике, как неглупом человеке с самостоятельным складом ума, и по-человечески это радовало[258]. Но когда А. А. отказался от нового здания для института, вместительнее прежнего, и построенного в районе станции метро Калужская, В. В. снисходительно посмеивался — по его понятиям то был каприз академика. Сам В. В. был далек от академической жизни. Он был инженером и руководителем; академический способ существования был придуман не для него[259]. Отвергнутое новое здание института было в его глазах упущеным шансом для расширения деятельности руководимой организации.

Саботаж на улице Горького

В своей работе НИЦЭВТ обязан был тесно взаимодействовать с ГКНТ. С виду это было большое спокойное чиновничье синекурное царство[260], полное, как полагается для подобных организаций, интриг. Когда интриги затрагивали личные интерсы, в стенах фундаментального здания, где рядом с очагом культуры, в виде Дома композиторов, располагался ГКНТ, могли возникать довольно жесткие сцены.

Как головная организация, НИЦЭВТ отвечал за выработку отраслевых стандартов в области ВТ. Это была большая и нужная часть работ предприятия, которой оно гордилось. Утверждением стандартов и технических условий занималось Главное управление ВТ и систем управления (ГУВТиСУ) ГКНТ. Заместителем начальника Управления с 1971 г. являлся Башир Искандерович Рамеев.

Б. И. Рамеев.

НИЦЭВТ регулярно отправлял в ГУВТиСУ разработанные стандарты и техусловия, те оперативно там рассматривались, утверждались и приобретали характер регламентирующих документов. Однажды процесс в одночасье застопорился. Документы по-прежнему поступали в ГКНТ, но там словно пропадали. Никакой реакции — ни положительной, ни отрицательной — на них не приходило кроме сообщения: „на рассмотрении“. В НИЦЭВТ пошел нарастающий поток недоуменных обращений потребителей, но что им отвечать никто не понимал. Под серьезную угрозу попали планы работ и НИЦЭВТ, и соисполнителей, и потребителей. Дело приобретало такой оборот, что разбираться понадобилось директору.

Стали выяснять. В Управлении было несколько „своих“ сотрудников, пришедших в ГКНТ из НИЦЭВТ. Они сообщили, что приходящие в Управление стандарты и техусловия исправно рассматриваются и поступают на подпись Б. И. Рамееву, после чего оседают „у него в сейфе“. Чем это было вызвано, они сами сказать затруднялись (а по прошествии времени выяснить это и вовсе оказалось невозможным). Тут уже В. В. необходимо было идти в здание по улице Горького самому. С замначальника Управления состоялся разговор, но настолько непонятно сложный, что дознаться из него до причин проявленного поведения руководителя было никак невозможно.

В. В. не на шутку разозлился: „За такие дела, Башир Искандерович, в 1937 году вас сочли бы врагом народа !“ Тот изменился в лице и затих. Было известно, что когда-то отец Рамеева был арестован и в 1938 г. расстрелян[261]. Но годом раньше был расстрелян и дед В. В., то есть, в определенном отношении разговор велся на равных.

Как бы то ни было, назавтра сейф распахнулся, документы получили подпись и отправились к потребителям.

Сложные отношения не мешали В. В-чу признавать заслуги Б. И-ча, проявленные в свое время на ниве отечественной ВТ. Так, его имя упоминается в плане занятий В. В. с аспирантами НИЦЭВТ по теме „История отечественной вычислительной техники“, проводившихся в 2000-х гг. Он признавал хороший старт серии „Урал“, хотя позже, как говорил про пензенских разработчиков этих машин, „они отстали от времени“, которое догнать так и не смогли.

Относительно приведенного выше эпизода, В. В. больше всего переживал, что свое неблагоприятное отношение к нему Б. И. переносил на организацию, им возглавляемую, т. е. на НИЦЭВТ. Учитывая значимый пост, который Б. И. занимал в ГКНТ, и наличие влиятельных союзников, предвзятое отношение к работе большого коллектива НИЦЭВТ становилось заметным и вредным, а В. В. усматривал в этом долю и своей вины.

Именем закона Федеративной Республики Германии

Выбор в ЕС ЭВМ архитектуры фирмы IBM в качестве образца не только сулил выгоды, но и был связан со сложностями. Продукция этой фирмы, как высокотехнологичная, попадала под ограничения CoCom[262], и была запрещена для продажи в СССР[263]. В отношении других стран социалистического содружества правительство США вело более мягкую политику (через много лет это дало свои плоды), и некоторые высокотехнологические изделия, или даже заводы могли приобретаться ими на законных основаниях. Например, такие заводы по производству „периферийного оборудования“ (в том числе дисковых накопителей) строила на своей территории НРБ.

Несколько машин фирмы IBM были официально куплены в ГДР. Пользоваться ими в своих интересах НИЦЭВТ, конечно, мог, „наши“ немцы потихоньку пускали туда советских сотрудникрв, но это было крайне неудобно. Для полноценной работы хотелось бы иметь такую машину у себя. Возможность предоставилась в 1971 г.

Действуя через CoCom, США не просто ограничили прямые продажи своей техники в СССР, но и запретили своим союзникам в Европе и мире перепродавать в Союз купленную ими ранее американскую машину без своего согласия, а согласия не давали. И все-таки, отследить судьбу ЭВМ, проданной в другую страну, было американцам труднее. Решили воспользоваться этим. Связались с каким-то немцем из ФРГ, который в нарушение закона, и за известную сумму, взялся организовать серию перепродаж машины фирмы IBM на вторичном рынке так, чтобы цепочка уткнулась куда следует. Едва не обогнув Земной шар, машина оказалась в СССР. Для НИЦЭВТа зто была большая радость. Машину установили в институте и стали использовать для проверки на совместимость разработанного ПО; поездки в ГДР еще продолжались, но им уже появилась замена[264]. Вскоре после сделки ФРГ-шник исчез из поля зрения.

Объявился он через два года. „Ну что?“ — спрашивали его, „где пропадал?“ „Да я в тюрьме сидел,“ скромно отвечал тот. Продавая технику, он нарушил закон, и это открылось. Пришлось сесть в немецкую тюрьму. Наши ему сочуствовали, но он не выглядел подавленым. „Ну и что, два года отсидел,“ говорил он улыбаясь, „зато хорошо заработал.“

Отношение к закрытому шлагбауму

Эта история показывает характер В. В. в отношениях с партнерами по работе.

В свое время машины ЕС ЭВМ стояли на объекте ПВО, расположеном не то, что в Серпуховском районе, но (по карте) в полуторах километров от родной деревни Верхнее Шахлово. По делам на объект должны были приехать В. В. как директор, и второй сотрудник, кажется В. С. Антонов. Договорились о визите, в нужное время сели в машину, приехали.

Приехали — а шлагбаум закрыт. Охранники ссылаются, что документы не подготовлены. Просят подождать 20 минут, и все будет в порядке.

„Раз документы не готовы,“ говорит В. В. коллеге, „значит мы здесь не нужны.“ „Разворачивай машину,“ — это уже шоферу. „Поедем в Серпухов к моим тетушкам, здесь рядом.“

Время провели у тети Моти и тети Насти, которые были рады редкому племяннику и гостю, и сами понравились коллеге по работе. Потом вернулись в Москву.

С объекта звонили, всячески извинялись, просили не обижаться. К следующему приезду документы были на месте, а шлагбаум открыт.

Перерасход боекомплекта

В. В. принадлежал к поколению, всего два года не дотянувшему до права поучаствовать в боевых действиях Великой Отечественной войны, хотя бы на самом ее завершающем этапе. Его отношение к фронтовикам было чрезвычайно уважительным, он любил слушать их рассказы, и, скорее всего, пытался примерить на себя поведение в том или ином случае.

В. С. Антонов в молодости.

Фронтовое прошлое наверняка стало дополнительным поводом для приязни, которую В. В. испытывал к Вениамину Степановичу Антонову, главному конструктору целого ряда машин, умному и умелому руководителю. Они дружили. Уже в начале 2000-х В. В., после ухода В. С. из жизни, написал его биографию для Компьютерного музея. В. В-чу чрезвычайно нравилась одна история В. С. („Веньки Антонова“) из военной жизни. По крайней мере, В. В. о ней не раз вспоминал. Некоторые подробности этой истории напомнил в 2016 г. Д. Л. Файнберг, также друживший с В. С.

Дело было в Новый год (судя по всему, с 1943 на 1944). К этому времени В. С. окончил в военное училище, имел Правительственные награды, и в звании старшего лейтенанта был командиром взвода. На их участке фронта до поры до времени велись позиционные бои, и линии противоборствующих сторон располагались рядом. Командный состав ушел отмечать праздник, и старшим был назначен В. С. Наш Новый год на два часа раньше немецкого. Слово В. С.: „Мы встретили Новый год и все, что имелось, выпили. Через два часа свой Новый год начали встречать немцы, включили музыку, начали петь. Кто-то сказал ‚Давай жахнем!'".

Последнее фото. Среди сотрудников своего бывшего отделения на праздновании 60-летия НИЦЭВТ.

Жахнули. Те не остались в долгу. Завязалась нешуточная новогодняя перестрелка. Наутро пришли командиры, и обнаружили, что боекомплект израсходован. А предстояло наступление.

Военный суд прост и скор: лишить звания, всех наград, направить в штрафной батальон.

В первой же „штрафной" атаке В. С. был тяжело ранен — осколком снаряда ему разорвало почти все плечо. Далее госпиталь, восстановление в обычных войсках, второе ранение и демобилизация.

Учась самостоятельно, сдал экзамены за 10 класс, после демобилизации поступил в институт, окончил, стал работать в СКБ-245 (создание „Урал-1"), НИИММ, НИЦЭВТ. Был главным конструктором ряда изделий и ЭВМ „М-220" и „М-222", „ЕС-1050", „ЕС-1060". В 1983 г. попал в список получателей Ленинской премии за разработку и внедрение ЕС ЭВМ. Но при том ни в каких анкетах не указывал, что был офицером и служил в штрафном батальоне, понимая отношение спецорганов к этому жизненному эпизоду. Только в начале 1990 г. В. С. решит восстановить свои заслуги и ордена, полученные во время Отечественной войны. Восстановили.

„За необоснованый перерасход боекомплекта перед наступлением" — с удовольствием повторял В. В. формулировку, пересказывая эту военную историю[265].

Минские боровички

Это очередная история о В. С. Антонове из НИЦЭВТовского фольклора, и она относится ко времени подготовки к выпуску на заводе имени Г. К. Орджоникидзе машины „ЕС-1060". Здесь она приводится в изложении друга В. С. Антонова и В. В-ча, Давида Людвиговича Файнберга.

ЭВМ „ЕС-1060".

> Начало осени. В. С.Антонов постоянно живет в Минске. Решил устроить себе выходные и на субботу и воскресенье побывать в дома Москве. Купил билет на самолет. Вылет в 15 часов. Минские друзья предлагают до вылета посетить лес рядом с аэропортом и набрать боровичков. В.С. согласен. Вещей у В.С. нет, даже зубной щетки. Пошли в лес. Набрали корзину отменных грибов. Прилетел в Москву, добрался до метро. Сел в поезд. Все соседи по вагону стали перешептоваться. Наконец, самый смелый подошел и спросил: „Где ВЫ ТАКИХ КРАСАВЦЕВ набрали?". „По минскому шоссе," ответил В. С. „На каком километре?" „На пятом," отвечает В. С. Вагон гудит. Не может быть. Пристают. Скажите правду. В. С. отвечает: „Чесное слово, на пятом километре. От города Минска".
>
> Он сказал правду, хотя родился В. С. **ПЕРВОГО АПРЕЛЯ**.
>
> **— Д. Л. Файнберг, сообщение.**

Забавы секретаря парткома

Эта история развивает тему о боровиках, собранных при налаживании производства машины „ЕС-1060", однако вскрывает некоторые дополнительные обстоятельства. Снова вспоминает Давид Людвигович Файнберг.

> Внедрение в производство самых производительных старших моделей ЕС ЭВМ на заводах в Пензе и Минске было сложнейшей задачей и для разработчиков, у которых планы по разработке следующих, новых моделей никто не корректировал. Сложность работ с МПО ВТ заключалась по целому ряду технических причин, а также организационных. Технические

сложности отражены в книге Ю. В. Карпиловича „Так было“ и в публикации Ю. С. Ломова „Создание старших моделей ЕС ЭВМ“[266]. Организационные заключались еще и в том, что сотрудники завода привыкли работать с сотрудниками института. Здание института находилось через дорогу от здания завода. От одной проходной до другой 5 минут ходьбы и главный инженер института М. Ф. Чалайдюк видел открыта ли форточка у главного инженера завода Ю. В.Карпиловича. Поэтому все проблемы обсуждались ежедневно. Москва находилась немного подальше, а проблем технических было намного больше.

В какой-то мере нам повезло. Для изготовления ЭВМ „ЕС-1060“ необходимо было построить новое предприятие по изготовлению высокочастотных многослойных печатных плат. Оборудование было закуплено во Франции, был выстроен новый завод, а для иностранных специалистов был построен многоквартирный дом. ...

Завод по производству многослойных печатных плат был построен в Минске по контракту с французской фирмой CII Honeywell Bull для нужд всех машин, выпускаемых МРП, когда мощностей цеха МПО ВТ по производству печатных плат (поначалу для „ЕС-1035“ и „ЕС-1060“) перестало хватать. В. В. участвовал в переговорах по подготовке контракта. „Договориться удалось только с французами,“ говорил он[267].

> ... Ряд квартир иностранцами не был занят, и в свободных квартирах надолго поселили сотрудников НИЦЭВТа во главе с главным конструктором В. С. Антоновым.
>
> В этой ситуации, когда основная часть разработчиков поселилась в Минске, секретарь парторганизации НИЦЭВТа А. Е. Фатеев предложил создать с парторганизацией завода совместный партком для контроля хода выполнения работ по освоению в серийном производстве старших моделей ЕС ЭВМ. Такая форма совместного партийного контроля была организована впервые. Заседания совместного парткома планировалось проводить в Минске не реже, чем раз в квартал, а В. В. и я, занимаясь техническими вопросами, выезжали в Минск не реже, чем раз в месяц. Как правило мы останавливались не в гостиницах, а во „Французском домике“ в однокомнатной квартире. И вот однажды после работы совместного парткома на заводе поздно вечером наша большая команда вернулась на автобусе во „Французский домик“. У всех было желание обсудить ситуацию, принять ряд решений для завтрашнего дня. А где собраться? Весь дом, все квартиры были на спецохране, с фиксацией разговоров. ...

2018
„Французский дом“
по ул. Пушкина.

Д. Л. здесь выразился изящно, но, по-своему, точно. В. В. мог сказать понятнее для непосвященных слушателей: „В этом доме *все до одной* квартиры прослушивались“.

> ... Веня Антонов предлагает собраться в квартире № 2. В. В. говорит „Ты ... **чо!**“, указывая пальцем вверх. „Все в порядке,“ отвечает В. С. Собрались за большим столом. В. В. спрашивает: „В. С., а ты уверен?“ В. С: „**Да**. У них испортилась система, и я ее чинил, и отключил в системе квартиру № 2.“ **Гробовое молчание**. В. В. не похвалил, и не упрекнул. Совещание провели.
>
> **— Д. Л. Файнберг, сообщение.**

Обращает на себя выдержка В. В. „Я тогда промолчал,“ — говорил он, „просто провел совещание. А позже, один на один, сказал Файнбергу: ‚Ну, Веня дает!‘“.

Завод по производству печатных плат в Минске на ул. Притыцкого будет построен в 1979 г. На время сдачи в эксплуатацию он окажется крупнейшим в Европе и будет оснащен самым современным оборудованием от разных европейских фирм[268]. Строился он для ЕС ЭВМ, но принадлежа МРП, будет впоследствии использоваться для поставки печатных плат для нужд других проектов министерства, а также остальных министерств из оборонной девятки: для систем „Эльбрус“, „Пароль“, „Аргон“ и других. Большими потребителями продукции завода станут Болгария и Армения. Будет заказ из Франции

14 августа 1979
Завод сдан.

Цех сверления.

для материнских плат IBM. Завод надолго станет гордостью вычислительной промышленности СССР и Белоруссии.

Цех гальваники.

А. И. Тушинский.

Главным инженером, а затем директором завода печатных плат будет назначен Александр Иосифович Тушинский, работавший до этого на заводе им. Орджоникидзе под началом И. К. Ростовцева. В. В. будет следить за заводом и по должностным обязанностям, и как за плодом собственных усилий, приложенных к его возведению. Он обратит внимание на молодого и многообещающего руководителя. Когда в начале 80-х у А. И. возникнут затруднения с организацией защиты кандидатской диссертации, В. В. предложит ему ученый совет НИЦЭВТ. Впоследствии А. И. станет директором НИИЭВМ, и одновременно Генеральным директором БелНПО ВТ, составленного из заводов Минска и Бреста[269].

С 1992 по 1994 гг. А. И. Тушинский будет Первым заместителем Министра обороны Республики Беларусь.

Сказки Старой площади

Время этой истории — 1978 или 79-й год. У нее много участников, а здесь в роли сказочника выступает Давид Людвигович Файнберг, припомнивший о делах минувших после ухода В. В. в 2016 г.

В. В. Пржиялковский и Д. Л. Файнберг в Выборге у подшефных пограничников. Спиной сотрудник главка Н. Овсянников.

Д. Л. Файнберг долгое время был военным представителем в НИЦЭВТ от МО СССР по изделиям ЕС ЭВМ. С В. В. они познакомились еще когда тот работал в Минске. В. В-чу московский военпред понравился, и они быстро сошлись. Между ними оказалось много общего, способствовавшего сближению и взаимному уважению: прямота, открытость, ответственность, инициативность[270]. Путь Д. Л. к их совместной работе был совсем непохож на путь В. В. Москвич, он, волею судьбы, окончил Военно-морское инженерное училище имени Дзержинского в Ленинграде (что в само́м здании Адмиралтейства). Достаточно долго служил в Петергофе, покинул приленинградскую службу в результате хрущевского сокращения флота, вернулся в Москву, в конце концов на должность военпреда. Работая в НИЦЭВТ, В. В. полагал, что с руководителем военной приемки в лице Л. Д-ча ему очень повезло[271]. НИЦЭВТовские дела еще более сблизили В. В. с Д. Л., и следующая история тому свидетельством. Талант же Д. Л-ча как рассказчика В. В. ценил не менее деловых и человеческих качеств.

Итак, речь о введении в эксплуатацию АСУ для ЦК КПСС.

Действующие лица и исполнители:

Дракин Владимир Исаакович:	Директор НИИ „Восход“, разработчика АСУ для ЦК КПСС
Грибов Александр Васильевич:	Главный инженер НИИ „Восход“
Пржиялковский Виктор Владимирович:	Директор НИЦЭВТ
Антонов Вениамин Степанович:	Главный конструктор ЭВМ „ЕС-1060“ в НИЦЭВТ
Файнберг Давид Людвигович:	Старший представитель заказчика по изделиям ЕС ЭВМ от Министерства обороны СССР в НИЦЭВТ
Карпилович Юрий Владимирович:	Главный инженер МПО ВТ, изготовителя ЭВМ „ЕС-1060“
Кривонос М. П.:	Заместитель главного инженера МПО ВТ
Шершень Владимир Петрович:	Главный конструктор МПО ВТО
Плешаков Петр Степанович:	Министр радиопромышленности СССР

Ю. В. Карпилович.

Рассказывает Д. Л. Файнберг:

> Создание АСУ было поручено НИИ „Восход“. Разработчик системы в качестве основного вычислителя выбрал ЭВМ „ЕС-1060“, спроектированную в НИЦЭВТ. Изготовителем „ЕС-1060“ было МПО ВТ г. Минск. Основной вычислитель состоял из трех двухмашинных комплексов ЭВМ „ЕС-1060“. Машина сама была еще свежая, а в такой конфигурации вообще шла впервые. Еще, в качестве дисковых подсистем были поставлены диски фирмы BASF. Впервые надо было подтвердить совместимость технических средств ЕС ЭВМ и IBM.

В. В. в этом месте говорил так. „Было ясно, что диски у нас плохие, и поэтому решили установить [диски фирмы] BASF. Тут и выяснилось, что они должны быть совместимы, а на деле оказалось, что не очень. Возникли проблемы.“ Не забывал добавить и следующее: „Разработчик Дракин в ЦК не поехал — устранился. Прислал своего главного инженера. Карпилович тоже не приехал, прислал своего зама, иногда появлялся Шершень. От нас были я, Файнберг и Венька Антонов.“

В. П. Шершень.

> К моменту сдачи машины были изготовлены, поставлены в вычислительный центр ЦК и отлажены совместной бригадой разработчика и изготовителя, но система не могла быть сдана заказчику из-за возникающего сбоя (одного в два — три часа). Поиск причины сбоя был сложным и долгим. В один момент случилось абсолютно неожиданное — прожглась плата. Никто не мог понять, почему. В. В. срочно вечером звонит в Пензу, где изготовлялась стойка: нужно срочно прислать. Те отвечают: „У нас план поставок, мы не можем его срывать.“ Он говорит: „Это такой заказчик, что если вы завтра не пришлете, то у вас вообще никаких поставок больше не будет.“ Назавтра утром стоит машина из Пензы.
>
> Сбой мог быть и по вине технических средств, и базового программного обеспечения, и системного программного обеспечения. От НИЦЭВТа был выделен один из лучших программистов. В один из этих дней всех руководителей работ вызвал в свой кабинет начальник хозяйственного отдела аппарата ЦК КПСС. Мы пришли, ничего не подозревая, думаем: хозяйственный отдел — что за фигура такая? Сидит какой-то небольшой человек ... Кажется с одной рукой ... Технических разбирательств состояния работ не было, были только слова: „Вам ЦК КПСС поручило создать систему управления, а мне ежедневно докладывают: сбой, сбой ... Сколько это будет продолжаться?! Вот телефон у меня работает без всяких сбоев.“

По В. В-чу он, будто, привел пример с краном, который у себя дома включает — и вода у него дома течет. Может, имело место и то, и то. В любом случае, начальника хозяйственного отдела нельзя было упрекнуть в отсутствии ясности выражения или образности, или же в велеречивости. Что такое сложная система он, вероятно, не знал — по этой части имелись другие отделы. Как бы не желая испортить оставленного первого впечатления, продолжил в том же духе:

> ... После этих слов он поднял трубку и кому-то сказал: „Вот передо мной стоят твои хваленные главные конструктора, сдать систему не могут — сбои. Если это не прекратиться, то вопрос о партийных взысканиях будет поставлен на Политбюро ЦК КПСС.“ Нам: „Все свободны.“ В то время взыскание, даже в виде простого выговора, вынесенного высшей партийной властью страны, означало увольнение и невозможность выполнять в дальнейшем руководящую работу.

В. В. вообще считал, что речь идет об исключении из партии. Все присутствующие были начальниками, и для всех это означало позорное расставание с должностью, „запрет на профессию“ и дискредитацию возглавляемых ими коллективов.

> **Крах**. Пришли в нашу комнату руководителей работ: А. И. Грибов, В. В. Пржиялковский, В. С Антонов, М. П. Кривонос и я — Д. Л. Файнберг. В это время раздался телефонный звонок. Звонил П. С. Плешаков. Такого мата я никогда не слыхал[272]. Все были бледные, слов не было. Что делать, как себя вести — совершенно непонятно. Кто-то из нас, я, или В. С. Антонов, вдруг тихо предложил: „Поехали в ресторан“. Все согласились, и мы впятером поехали в ресторан Дома Советской Армии. Мы просто сидели за столиком: не жалели друг друга, не разбирали ситуацию. Мы понимали, что надо жить, работать и побеждать. Неожиданно это сработало; на следующий день все пришли на работу без признаков инфарктного состояния. Никакие организационные собрания не проводились. В этой ситуации В. В. Пржиялковский проявил огромное мужество руководителя, выдержанность и уверенность в своих разработчиках. Этот жизненный факт как никогда сплотил разработчиков систем, разработчиков и изготовителей изделий ЕС ЭВМ. Больше высокие инстанции нас не вызывали. Работа была с положительным результатом завершена. Система была принята заказчиком в эксплуатацию.
>
> Пройдя такое испытание, мы на долгие годы остались настоящими, верными друзьями: В. В. Пржиялковский, В. С. Антонов, Д. Л. Файнберг, Ю. В. Карпилович, М. П. Кривонос, В. П. Шершень, А. И. Грибов. (На мое пятидесятилетие от МПО ВТ мне был подарен настольный

прибор в виде зубра с надписью: „Зубру ЕС ЭВМ от белорусских собратьев. СКБ МПО ВТ. Май 1982 г.“ Это о многом говорит и многому обязывает).

— Д. Л. Файнберг, сообщение.

Несмотря на счастливый конец, само только обещание взысканий со стороны Политбюро обязано было иметь продолжение. По счастью, внимание имеющих отношение к истории работников ЦК оказалось отвлечено какими-то текущими важными событиями, и об истории забыли. Не забыли, однако, в министерстве, но по сравнению с тем, что могло бы случиться, министерские наказания воспринимались как легкая щекотка.

Маршал без мундира

Эта история произошла на второй выставке ЕС ЭВМ (и СМ ЭВМ) на ВДНХ, состоявшейся в 1979 г. На нее можно смотреть, как на пояснение к нескольким выразительным фотографиям, сделанным тогда. Показывая фотографии, В. В. воодушевленно и охотно вдавался в связанные с ними подробности. Нередко прибавлял, что лучше его об этом, и не менее охотно, рассказывает Д. Л. Файнберг — другое действующее лицо, как видно по снимку. „Всем рассказывает так, что никто не может остановиться от хохота“. Здесь история приводится в значительной степени со слов Давида Людвиговича.

1981
Ю. С. Объедков и А. Акопян. Концерт после вручения ордена предприятию. (На заднем плане „тройка“ НИЦЭВТ, Г. П. Лопато, А. М. Ларионов; ближе В. Толкунова).

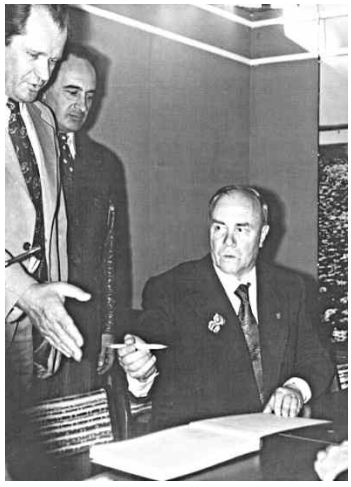
В один день на выставку ожидался приезд маршала войск связи Андрея Ивановича Белова[273]. Он совпал с посещением венгерской министерской делегацией по линии ЕС. Делегацию принимал министр П. С. Плешаков. В. В. был обязан их сопровождать, и поэтому не имел возможности сам встретить маршала. Кроме того, „Белов должен был приехать без мундира, и чтобы не было проблем с охраной, я послал к охране Файнберга.“

Приехал маршал Белов уже хмурый, — это уже рассказ Д. Л-ча. Вышел из машины, я стал делать знаки охране, чтобы пропустили, а он: „Здороваться надо!“ „Здравия желаю, товарищ маршал.“

В. В. оставался при министре, и вести маршала по выставке поручили заместителю главного инженера Юрию Сергеевичу Объедкову[274]. Маршал стал темнее тучи. К выставленным образцам он выказывал никакого интереса, а лицо его, по выражению Д. Л. Файнберга, перекосилось на 90°. Тут навстречу министр с венгерской делегацией в сопровождении директора. Лицо маршала стало мрачнее совсем некуда, и перекосилось на следующие 90°.

С министром нельзя было не поздороваться. Разговор не клеился: настроение собеседника было никакое. Ситуацию быстро оценил В. В., и предложил: „Петр Степанович, разрешите мне сопровождать товарища Белова, а пояснения венгерским товарищам более подробно будет давать наш специалист, товарищ Объедков Юрий Сергеевич!“ Министр одобрил рокировку. Лицо маршала Белова двинулось на 90° в обратном направлении, он несколько оживился. Но до хорошего настроения все еще оставалось четверть круга.

1979
В. В. Пржиялковский пишет отзыв А. И. Белова. Присутствуют Д. Л. Файнберг и К. Н. Трофимов.



Прошлись по экспонатам, так мало интересовавшим маршала. Подарили значок выставки (на лацкане пиджака, это видно по снимкам). В. В. предложил: „Товарищ маршал, у нас есть книга для посетителей, и нам хотелось бы иметь Ваш отзыв.“ Не сразу, но согласился. Поднялись в комнату с книгой. Присутствовали кроме маршала Д. Л. Файнберг, В. В. и заместитель начальника связи ВС СССР генерал-лейтенант Кирилл Николаевич Трофимов[275]. Маршалы, как известно, отзывы не пишут, а подписывают. Но кто будет писать? „Пусть он!“ — Белов кивает в сторону Д. Л. Тот не может, ссылаясь на присутствие более старшего по званию. „Тогда пусть он!“ — маршал кивает на К. Н. Трофимова. Трофимову, генерал-лейтенанту, писать за кого-то отзыв?? Долгая пауза, что делать непонятно.

Неловкость во второй раз снимает В. В.: „Товарищ маршал, разрешите я! Я могу написать как надо, а то они на службе, и не все могут себе позволить!“ Отвагу и находчивость маршал не оценить не мог: „Хорошо.“ Так появились первые две великолепные жанровые снимки того, как В. В. пишет отзыв о выставке достижений[276] для подписи маршалом А. И. Беловым.

1979
В. В. Пржиялковский, А. И. Белов и К. Н. Трофимов после подписания отзыва.

„А это?“ — спрашивали В. В. всегда в этом месте развеселившиеся слушатели. „А это мы решили почаевничать, тут у него уже настроение поднялось.“ Д. Л. прибавлял, что чаевничать маршал по-началу тоже не собирался, и пришлось поуговаривать. Судя по фото, сильно не пожалел (при том, что на чай, как видно, особенно не налегал). Не удержался и захмыкал в кулак генерал Трофимов.

Фотоснимки подтверждают, что В. В. умел расположить к себе людей, даже при наличии у них характера и, подчас, неважного настроения. Маршал Белов запомнил директора НИЦЭВТ с хорошей стороны[277]. Сохранилось более позднее его поздравление в связи с получением в. В-чем Звезды Героя соцтруда.

Опытно-конструкторские работы по выведению породы шерстисто-молочных свиней

Конец 70-х и самое начало 80-х гг. были временем относительного благополучия в советских институтах по разработке средств ИТ. От Новосибирска до Москвы любили упражняться в воспроизведении машин, изготовленных на Западе[278] — тогда еще это позволяла доступная элементная база. Копию западногерманской машины изготовили умельцы одного из московских НИИ. Когда к ним прибыла с визитом группа специалистов с комбината Robotron из ГДР, машину показали гостям. С особой гордостью хозяева напирали на то, что они не просто воспроизвели западный прототип, но и сумели улучшить его, добавив ряд исходно отсутствовавших качеств. Русская машина позволяла делать больше, чем оригинал!

Специалисты из ГДР внимательно ознакомились с новинкой, а вернувшись домой, решили обсудить увиденное. Сошлись на мнении, что там у них „разрабатывается некоторая новая порода свиней, которые заодно дают шерсть, и молоко тоже, только их мясо, видимо, невкусное“.

Комбинат Robotron теснейшим образом был вовлечен в работы по ЕС ЭВМ, и от своих немецких друзей историю эту В. В. знал. В домашнем кругу шутку про свиную породу он воспроизвел всего однажды, по ее появлении, но среди близких товарищей по работе не повторять ее он просто не мог. Умные шутки такого рода ему страшно нравились. Здесь сошлось все: уместность, обращение ко здравому смыслу, деловитость, образность, ирония, наконец, имелся явно немецкий привкус. Наверняка он не раз напоминал о высказывании коллег из ГДР в рабочих разговорах, когда требовалось разрядить обстановку или обуздать фантазии.

Братья-славяне также шутили, но их шутки более склонялись к хохмам, не связанным с делом.

Когда начальники из СССР по линии ЕС ЭВМ приезжали в Польшу, принимающая сторона, временами, организовывала охоту. Все атрибуты охотничьих церемоний старательно соблюдались, но дело становилось за малым: ни в СССР, ни в ПНР начальники не умели стрелять. Поляки от этого не впадали в хандру, а только весело смеялись, похлопывая по пачкам патронов:

„Jedna paczka — jedna kaczka!“

Отчет о командировке в Прагу.

Фразу эту, намекавшую на явно скромное число подстреленных для предъявления охотничьих трофеев уток, В. В. вспоминал нередко и с удовольствием, особенно когда дело касалось КПД некоторых процессов.

У В. В. были налажены хорошие отношения с бывшим одно время с 1975 г. Главным конструктором ЕС ЭВМ от ПНР Бронеславом Пивоваром , который был также в свое время директором одного из подразделений ELWRO. Возможно, воспоминание об охоте относится к окрестностям Вроцлава. Будучи в этом городе не раз, В. В. посещал огромное тамошнее кладбище советских воинов, погибших при осаде Бреслау в 1945 г. Он еще не знал, что в боях за этот прусский город получил орден Красной Звезды его дядя по отцу Иван Михайлович.

Не отставали чехи со словаками. Однажды после посещения Праги (института VÚMS, возглавляемого до 1974 г. Главным конструктором ЕС ЭВМ от ЧССР Вратиславом Грегором[279], но, может быть, и заседания МПК по ВТ) В. В. получил от *Ing. Gregor*'а папочку с коллажами отчета о поездке. В отличие от поляков, здесь была то ли шпилька, то ли ирония, связанная с работой: в коллаж было вставлено изображение машины ЕС-1021. Машина эта была разработана в ЧССР по архитектуре фирмы Siemens, но поскольку ее разработку начали до вхождения республики в программу ЕС, менять ее уже не стали и включили в номенклатуру ЕС в виде исключения, с известной долей условности, так сказать, для подкрепления единства всей системы. Шпилька эта не прошла мимо внимания В. В., и он, усмехаясь, сам о ней напоминал домашним (ну нести же такой отчет на работу ...).

1980 февраля 19
Книга-подарок от В. Недева.

В составлении отчета о командировке поучаствовала сотрудница В. Грегора Loreta, которая, как припомнил В. В., рассматривая отчет, „разносила нам кофе, раздавала блокнотики“ и проводила другие организационные работы.

Болгары не были склонны к искрометным шуткам западных (для себя северных) славян. Их отношение в коллегам по работе из СССР было, можно сказать, добросердечным. Надпись на книге, подаренной В. В-чу генеральным директором ПО ИЗОТ с 1973 по 1979 г. Василом Недевым из Софии это только подтверждает.

Сколько дыр положено иметь ядерному чемоданчику, чтобы работали все

Эта история из разряда тех, что передавать во времена оны открытой публике было немыслимо. Ее знали только ближайшие соратники В. В. по работе да узкий круг программистов-участников. Но большая организация — что деревня, и число осведомленных, должно быть, непроизвольно увеличилось. В 2010-х гг. все эти оговорки уже потеряли смысл.

„Ядерный чемоданчик“ популярен у многочисленного журналистского сообщества. Известно, что в СССР он создавался[280] в конце 70-х — начале 80-х гг. в НИИАА, руководимом академиком В. С. Семенихиным. Но сам чемоданчик[281] — лишь „портативный абонентский терминал“, часть более общей системы. Другим элементом системы была вычислительная машина серии ЕС. Специальную аппаратуру создавали и программировали в НИИАА, а программное обеспечение для машины ЕС было поручено создавать и отлаживать НИЦЭВТу. Ввиду деликатности темы группа программистов из НИЦЭВТ была отряжена для выполнения работ на территорию НИИАА.

Отношения между руководителями двух организаций стали к тому времени менять свой рабочий характер. В 70-х в НИИАА с помощью НИЦЭВТ была создана серьезная современная система управления войсками и благодаря лоббированию В. С. НИЦЭВТ за эту работу получил орден Трудового Красного Знамени. Но в начале 80-х гг. в отношениях появились трещины, растущие так, что подытоживая то десятилетие В. В. скажет: „Семенихин оказал крайне негативное влияние на развитие отечественной ВТ“. Пока было только начало.

1979
ВДНХ. Визит В. С. Семенихина. Слева в профиль друг за другом Ю. С. Объедков и Ю. С. Ломов; в центре в белой рубашке Л. Д. Райков.

В группу из НИЦЭВТ отобрали сильных и умелых программистов. Они достаточно быстро сделали свою часть, в то время как труд разработчиков из НИИАА затянулся. НИЦЭВТовских бы отпустить — они были уже без дела, но В. С. для чего-то продолжал держать их у себя.

Отсутствие серьезных программистов „дома“ дало о себе знать: на них расчитывали, и тень угрозы срыва сроков нашла на другие ответственные задания. Вопрос дошел до В. В. Он вызвает Я. С. Шегедевича[282], сотрудника, отвечавшего за выполнение работ от НИЦЭВТ, разобраться, почему программистов нет на своих местах. Тот рассказал. Стало кристально непонятно, как вернуть группу обратно. Обратиться с такой просьбой к В. С. было бы, во-первых, нарушением субординации: тот входил в ВПК, был замминистра, а потом членом коллегии МРП. Да еще, „я тогда был кандидатом, а он академик, я ему не ровня. Мы были в разных весовых категориях,“ — вспоминал В. В. Потом, при характере В. С. подобная просьба была бесполезна, а, „у него была хорошая память“.

„Как думаешь,“ — спрашивает В. В., „чего он тянет?“ „У них там не ладится одна вещь. Наверное, он хочет дождаться, когда его люди свое доделают, и тогда уже отпустить наших. А может переманить хочет. Черт его знает.“ Дело затягивалось и становилось для НИЦЭВТа плохим, и разнообразно.

Было известно, что некоторые выбранные системотехнические решения были уязвимы для критики — впрочем, В. С. как разработчик в этом брал ответственность на себя. Вдруг В. В. оживился[283]: „А когда следующее совещание по работам?“ — „Завтра.“ — „Знаешь что? Когда будешь выступать, скажи, больше: вверни мимоходом, что у них система дырявая.“

На совещании в НИИАА Я. Ш. делает свой доклад и по полученной инструкции произносит обусловленные слова. В. С. встрепенулся: „Как это система дырявая?... Ты не сам это придумал.“

В. С. был академиком недаром. Он с ходу понял, с кем следует разговаривать. Хватает телефонную трубку, звонит в НИЦЭВТ директору. „Это ты своего [...] научил, что у нас [...] система дырявая?... “ Нетерпеливо выслушивает ответ и, так сказать, „говорит таковы слова“: „Чтобы [...] эти твои тут сидели, совали нос не в свои дела?! Чтобы завтра духу [...] их у меня здесь не было!“

И работники вернулись на свое место для выполнения других важных и ответственных заданий.

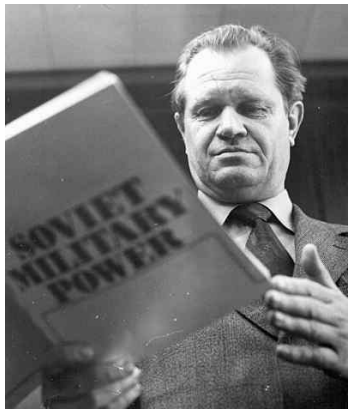
Справедливости ради, подобные казусы в общениях руководителей, пусть и омрачали климат, но не являлись основанием для прекращения совместных работ по выполнению общих государственных заданий. Взаимодействие „математиков“ (программистов) НИЦЭВТ и НИИАА продолжалось и дальше в объемах, необходимых для выполнения поручаемых задач.

Грубая работа Пентагона

Это, собственно, никакая не байка, так как рассказывал об этой истории В. В. всего дважды: когда его фотографировали и когда подарили гранки статьи. Это были не „его“ дела, но они характеризуют обстановку, в которой приходилось иногда работать, и людей, „окаймлявших“ обстановку.

С послевоенного времени СССР и США находились в состоянии „холодной войны“, которая, однако, со второй половине 60-х гг. благодаря усилиям Ш. де Голля, Л. И. Брежнева и В. Брандта перешла из острой фазы в „разрядку напряженности“. В 1981 г. в США ко власти пришел Р. Рейган, и сразу „взял быка за рога“. Противостояние двух крупнейших экономик и военных сил мира стало резко обостряться. Нагнетание шло с такой скоростью и непреклонностью, что для Советского руководства было бы безответственным не предполагать, что дело кончится конфликтом и не готовиться к нему. К середине 80-х Советское руководство на полном серьезе полагало, что войны с США не миновать. В. В. не мог участвовать в высоких совещаниях на эту тему, но напрямую общался с присутствовавшими там людьми, а, кроме того, предприятие плотно работало по военной тематике в самых ее закрытых областях. Поддавшись гнетущей атмосфере, он в это время и сам считал военное столкновение в какой-то перспективе неизбежным. На его ответственном посту это, конечно, давило на сознание, нервировало и добавляло работы. Эпизод, о котором речь, случился в самом начале раскрутки напряженности в октябре 1981 г.

Однажды на каком-то совещании в НИЦЭВТ в перерыве к В. В-чу подвели „знакомых“ людей из агентства ТАСС. Как они попали на предприятие — вопрос и дело службы охраны. Бойкий сотрудник ТАСС предложил В. В-чу „забавы ради“ почитать, что „про вас“ пишут. Это было пропагандистское издание „Советская военная мощь“, выпущенное по настоянию новоназначенного министра обороны К. Уайнбергера Разведывательным управлением министерства обороны (РУМО) США. Общее впечатление, которое оставлял труд было ожидаемым: мол, где-то сказали правильно, где-то исказили, где-то сочинили.



Собственно, кусочек, посвященный советской вычислительной технике, был невелик и, в целом, занимал лишь страничку. Остальной хорошо иллюстрированный материал (издание предназначалось для западной общественности) был малознаком В. В-чу. А электронику и ВТ в СССР представляли общие слова о системе „RYAD“, и говорилось, что благодаря этой системе Советам удалось сократить общее отставание от США в вычислительной технике с 10—12 лет в 1965 г. до 2—7 (в зависимости от области: а в целом от 3 до 5) в 1981. СССР достиг за последние 15 лет впечатляющих успехов (говорилось в издании) благодаря получению американской технологии и американского оборудования. Без этого (добавляли авторы) Советы по-прежнму плелись бы на 10—12 лет позади. Текст сопровождала фотография машины „EC-1035“ с фигурами женщины, сидящей лицом к фотографу, и мужчины, повернувшемся спиной.

Вопрос, по которому пришел в НИЦЭВТ политический обозреватель ТАСС Юрий Корнилов (а это был именно он), оказался просьбой о содействии. „Мы выяснили,“ — сказал обозреватель, не уточнив, кто

это *мы*, „что снимок сделан на ВДНХ, а женщина — это работающая на ВДНХ стендистка“. А вот мужчину требовалось опознать. Снимок, действительно, оказался с выставки „ЕС ЭВМ и СМ ЭВМ“ 1979 года на ВДНХ, и сделан был в павильоне „Химическая промышленность“. Машина была минского производства, и В. В. пообещал послать запрос минчанам.

Второй сотрудник ТАСС постоянно щелкал фотоаппататом, принимая иногда рискованные позы, едва не расстилаясь по полу.

В ответе на посланный в Минск запрос сообщалось, что мужчина на фотографии — сотрудник МПОВТ А. И. Подгорнов. Сведения передали корреспонденту, и, спустя некоторое время, получили на память фотографии и гранки статьи.

Статья была несколько развязной, по стилю скорее подходящая для „Известий“, чем для „Правды“. В статье утверждалось, что в опусе Пентагона приводился снимок Советского секретного компьютерного центра для ведения военных разработок. А. И. Подгорнов же, как сообщалось в статье, припомнил, как работал на стенде, и там познакомился с каким-то иностранным посетителем, проявившим естественный для выставки интерес к технике. Таким образом, заключал политический обозреватель ТАСС, грубая работа Пентагона была прилюдно развенчана.

Октябрь 1981
О Советской военной мощи из надежного источника.

Октябрь 1981
О чем писало Разведуправление.

image
2015
Бывший павильон „Химическая промышленность“ на ВДНХ.

Октябрь 1981
Статья для советской газеты.

Справедливости ради, надо сказать, что обозреватель ТАСС честно обошелся со стендисткой, и не счел необходимым упоминать ее в своем разоблачительном памфлете. Она действительно была не причем. Был ли в том какой-нибудь расчет, или банальное проявление порядочности — неведомо, но воспринимается этот поступок честной игрой. Неясно также, пошла ли статья в газету, или закончила свою жизнь в гранках. Ясно, что в этом эпизоде скрестили шпаги две спецслужбы, и каждая водила свою опекаемую сторону на нос. Политические обозреватели ТАСС, может, и не были сотрудниками спецслужб, но с ними тесно работали, и обладали определенной выучкой. Нельзя не отдать должное профессионализму фотографа О. Иванова, запечатлевшего знакомство В. В. с продуктом холодной войны. Сам же он в этом деле оказался посторонним[284].

Заботы секретаря парткома

Долгим бессменным руководителем партийной организации НИЦЭВТ был Александр Ефимович Фатеев. Поначалу отношение В. В-ча к нему было едва не восхищенное: он поражался умению парторга давать формулировки, делать неожиданные прогнозы и хитроумно расчитывать планы действий. Но со временем отношение стало меняться, и пришло к прямой противоположности; в какой-то момент В. В. стал столь же страстно называть А. Е. Фатеева страшным человеком. Пересмотр отношения связан, в числе прочего, со следующим эпизодом.

В НИЦЭВТ дворником работал старичок, герой Гражданской войны. Скрипя костями, он дряхлыми руками каждый день исправно мел асфальт перед НИЦЭВТовской дугой. И с какого-то момента А. Е. Фатеев стал настойчиво предлагать В. В-чу[285]: „Слушай, уволь ты его скорей. Ведь умрет на работе — а нам хлопот не оберешься.“

Все это было не просто совершенно чуждо В. В-чу, но и дико слышать.

В 1990-м В. В. перестал платить партвзносы, и А. Е. Фатеев вызвал его на партийное собрание для обсуждения поведения. Тот не пришел, но развития это дело, по понятным причинам, уже не получило.

С 1972 по 1976
Главный инженер, директор и секретарь парткома с сыном перед праздничной демонстрацией. Сбор колонны на Новослободской ул.

Сказки старого Авсюнина

Партийная организация большого предприятия, как НИЦЭВТ, была серьезным делом и системообразующим явлением. В этом не было ничего исключительного, как и другое: верхушка подобных организаций, не подчиняясь ни предприятию, ни министерству, нередко отрывалась от реальностей и вела себя своеобразно.

Долгое время руководивший парторганизацией НИЦЭВТ А. Е. Фатеев, поначалу исполнял свои функции довольно сносно, но ближе к 90-м гг. стал таким образом терять почву под ногами. В его отношениях с ведущими сотрудниками стал намечаться раскол, и он, вместо выравнивания связей, был склонен к переламливанию ситуации через колено. Одно время он не поладил с Д. Л. Файнбергом, и стал думать, как поставить того на место. Надумал действовать через Авсюнино.

1981
Именно в таком порядке будут расположены участки „тройки“ в Авсюнино.

В Авсюнино, на 100-м километре от Москвы, в былом краю староверов и разбойников, имелось садовое товарищество сотрудников НИЦЭВТ. Друзья в труде получили возможность встречаться еще и на отдыхе. В 80-х гг. для садовых товариществ существовали довольно жесткие органичения на площадь и высоту возводимых строений. Д. Л. к строительству не тяготел, купил дом в деревне неподалеку и установил на своем участке. Но какой-то архитектурный талант в нем, все-таки, видимо, дремал. В доме он начал расширять окна, достраивать второй этаж. Сделал на втором этаже „капитанский мостик“, которым очень гордился. „Мостик“ получился неплохой, но он выступал за нижний периметр дома. То есть, внизу периметр укладывался в разрешенные пределы, а вверху образовался нарушающий нижние пределы выступ. Случай неоднозначный. Но за него задумал уцепиться А. Е., чтобы устроить публичную порку.

И стал готовить партсобрание с целью рассмотреть вопрос о товарище Файнберге, нарушившим правила садовых товариществ, и показательно обязать его устранить нарушения. Тайны это не составило. Время собрания приближалось.

2016
Дом, соответствующий садовым нормам 80-х гг.

В один день Д. Л. зашел поговорить на участок к своему другу В. С. Антонову. Тот увидал, что с приятеля что-то гнетет, и разговор в сказочной избушке на краю леса состоялся примерно такой.

„Что, Давидушка, не весел? Опечалился чему?“ „А как же мне, Веньюшка, не плакать,“ отвечал Д. Л. так, или примерно так. „Была у меня избушка лубяная ...“ — то есть, с капитанским мостиком. „И заставляет меня Ал. Ефимович этот мостик снести! Что делать, как теперь жить?“ В. С. имел за плечами огромный опыт общения с заказчиками. Он как-то странно улыбнулся, спокойно повернулся в сторону приятеля и неожиданно сказал[286]: „А ты согласись!“

„Как согласись?!“ — подскочил от удивления Д. Л. „А так. Скажи, что согласен все убрать, но только не сейчас. Сейчас денег нет.“ Это был ход конем.

Пришла пора собранию. А. Е. Фатеев ведет сам. Рассказывает, как хорошо идут дела в садовом товариществе. „Только вот,“ говорит, „есть у нас, дорогие товарищи, огромное несчастье. У товарища Файнберга второй этаж выходит за рамки дозволеных снизу ограничений. Случай неоднозначный. Я приглашал главного архитектора орехово-зуевского района, и он сказал, что так не положено. Выступ надо убрать. Что скажете, товарищ Файнберг?“

„А я согласен,“ говорит наученный Д. Л. Файнберг. „Как согласен?!“ — подскочил от удивления, в свою очередь, уже секретарь парторганизации. (Впрочем, некоторые утверждают, будто он не подскочил, а, напротив, всею силою осел на стул.) „Да,“ с деланой грустью проговорил Д. Л., „конечно надо убрать.

Уберу. Деньги появятся — сразу уберу. А сейчас у меня денег нет!“ Собрание пошло враскоряку. Публичная порка не состоялась.

8 февраля 1998
Друзья на праздновании дня рождения Д. Л. Файнберга.

Над случаем, „как Файнберг Фатеева обвел“, потешалась вся ~~Пересы~~ садово-авсюнинская техническая интеллигенция. В. В. не раз с удовольствием этот случай вспоминал, и другим рассказывал.

Случись эта сказка в более отдаленные времена, была бы она длиннее. Но тут подоспел конец 80-х гг., когда бóльшая часть ограничений на размеры садовых домов была снята. Да и вообще, стало уже не до размеров.

Мужские разговоры

80-е годы были тяжелыми для В. В.: сначала просто по накалу работы, потом усилились между- и внутриведомственные выяснения отношений, а под занавес пошли судороги в высших эшелонах власти, приведшие к крушению огромных кусков промышленности, включая вычислительную. Тем неожиданней, что именно это время можно с уверенностью назвать счастливым в семейном отношении для него и Анны Викторовны. Дело было во внуках, особенно в мальчиках, которые „доставались“ бабушке и дедушке чаще своей сестры, и с которыми он инстинктивно связывал, так сказать, „продолжение рода“.

А. В. уже испытывала усилившееся недомогание, но пока еще не была прикована грядущей болезнью к стенам квартиры в Чертанове, и ездила с мужем в Авсюнино — поначалу обустраивать, а потом обживать дачный участок.

Любимым занятием В. В. с середины 80-х гг. стало хождение с внуками в лес: по ягоды, к осени по грибы, а иногда неутилитарно „на разведку“ для изучения местности. Лесные походы всегда сопровождались обучением молодого поколения уму-разуму. „Ты, хлопец, может быть, не трус, //Да глуп, а мы видали виды.“ — любил повторять он из пушкинского Гусара, и мальчики уважительно кивали головами.

Примерно 1985
Дед, невестка и внуки в лесу в Авсюнине.

Выросшему в деревне деду было о чем в лесу рассказать внучка́м, и в ход активно шли воспоминания детства. Однако и производственные вопросы режимного предприятия, до глубины волновавшие В. В., взывали к обсуждению — и находили двух благодарных слушателей в тиши авсюнинских лесов.

Внукам уже показывали знаменитую дугу НИЦЭВТ. „Снаружи ничего не видно, а под землей там огромное бомбоубежище,“ — раз в двадцатый жадно вслушивались они в печальную сагу о взлетах и падениях строительного искусства. „Выдерживает *непрямое* попадание атомной бомбы.“ У мальчиков захватывало дух. „Если прямо попадет, то конец, а если рядом, то ничего.“ Это для того, чтобы не было недопонимания. Мальчики росли в своих глазах. „Там устройство регенерации воздуха, запасы. После этого там можно две недели жить, когда вокруг все заражено.“ („Только вот непонятно зачем?“ — или это бормотание деда им почудилось?) „Одна беда: как только прорвет водопровод, все убежище заливает, и приходится воду откачивать.“ А водопровод, как выяснялось, лопался не приведи господи как часто: здание сдавали в спешке, и военные строители (кажется, тут дедушка хотел что-то добавить?[287]) нахалтурили. Сердце замирало от таких приключений. „[Имярек] ругается, трубы чинит, а их каждый раз снова прорывает.“ „Туда бы строителей вернуть, и заставить трубы переложить,“ — предупреждал ожидавшийся вопрос внуков *видавший виды* дедушка, „да теперь уже нельзя: предприятие секретное.“ „Теперь их никто не пустит. Вот и возимся сами.“ (Опять что-то хотел добавить?)

После таких познавательных путешествий троица возвращалась домой, где поедала обед приготовленный к их приходу Анной Викторовной, вынужденной одновременно подкладывать добавку и в тот же двадцатый раз выслушивать сагу о бомбоубежище, но уже в изложении внуков.

Бывали возвращения веселее обычного. Смех внуков доносился тогда на участок еще от общественной калитки в лес; В. В. же только улыбался, и не без доли смущения. Хохотом молодежи заражалась и А. В., как только выслушивала излагаемый наперебой рассказ о том, что „дедушка учил прыгать через речку“, да угодил в воду. О правдивости истории свидетельствовало молчаливое выжимание дедушкой носка, вынутого из сапога. В другой раз смеялись не столь легкомысленно — это когда, по рассказам, „дедушка учил бросать дротики“ и делился секретами этого мастерства.

Подрастающее поколение было не промах и умело владело искусством поэксплуатировать желание дедушки высказаться — уж очень им нравилось его слушать. Когда поколение было ростом с *по колено*, грибников в лесу эскортировала мама. Поначалу шли, ограничиваясь рутинными короткими репликами, без крупного разговора — сам дедушка ничего такого не начинал. Вскоре маленький Витя начинал дергать маму за руку: „Мам, спроси что-нибудь дедушку про политику! Мам, спроси про

Ельцина!“ Та, выдержав сопротивленческую задержку, невинным голосом задавала вопрос типа: „Виктор Владимирович, а что вы думаете о последнем заявлении Ельцина?“ Провокация всегда срабатывала, т. е. не было случая, когда бы В. В. увернулся от заявленной темы.

Критика шла по нарастающей, и, набирая обороты, захватывала Горбачева, Плешакова и еще бог весть кого. Малышня была в восторге от чистосердечных и простодушных перед березами и елками, как на духу, суждений деда о высоком начальстве.

Столь же захватывающими и непонятными звучали, обратно, беседы внуков для деда. В. В. любил рассказывать, как вез однажды „еще на старой Волге“ в Авсюнине детей. Они стояли на коленках на заднем сидении, смотрели через стекло на дорогу назад и чрезвычайно бойко обсуждали что-то между собой. „В какой-то момент я прислушался,“ искренне удивлялся он, „и понял, что ни слова не понимаю из того, что они друг другу говорят. А они себя понимали!“[288]

Предчувствие конца

К 1970-м гг. в руководящих кругах США стало преобладать мнение, что, хотя к советской экономике и можно предъявлять претензии, она не катастрофична. Люди жили не так богато, как в развитых капиталистических странах, но с голода не умирали, и крыша над головой была. В неразвитых капиталистических странах жили хуже. А делать что-то с СССР было надо: он и сам никого не слушается, и другим пример подает. Зайти решили со стороны военной промышленности, которая была очень чувствительна, так как на ней основывался суверенитет. Военная промышленность и вооруженные силы стоят на общей экономике, и если навязать СССР большие расходы по этой части, общая экономика может не удержаться. То же можно отнести и к США, но их обычная экономика была на порядок тверже, динамичнее и совершеннее. Те военные расходы, которые вынесет экономика США, не вынесет экономика СССР. Это во многом определяло поведение США в гонке вооружений тех лет.

Советская сторона тогда вела себя, по-преимуществу зеркально. Технические, технологические, и даже стратегические решения чаще всего сначала возникали у американцев, а советская сторона на них симметрично откликалась. Политические верхи СССР, испытывая ответственность за судьбу государства, не жалели средств на военные разработки. Военные научились этим пользоваться. По работе В. В. это наблюдал.

С 70-х гг. он не раз выказывал недоумение по поводу чудовищных, по его мнению, трат на „безумные и никому не нужные“ проекты, затевавшиеся военными. При создании советского аналога американской системы AWACS, встал, например, вопрос о количестве сопровождаемых целей. Военные хотели превзойти американцев и настаивали на десятках, а на взгляд В. В. пяти было достаточно. Десятки обеспечить было можно, за счет дополнительного времени и средств, но зачем?

Сильное негодование вызвал проект по стратегическому воздушному командному пункту. „Это когда в ядерной войне внизу все уничтожили, командование садится на самолет и продолжает оттуда управлять военными действиями,“ пояснял он. На вопрос, и долго они будут так летать, он отрывисто, чтобы не прорвало, отвечал: „Не знаю“.

Ю. Д. Маслюков.

С его слов, Ю. Д. Маслюков[289] (которого В. В. очень уважал) на совещаниях, посвященных этому проекту, кричал на военных: „Что вы делаете?? Вы же разорите страну!“ Действительно, проект был неимоверно затратен, а, по мнению В. В., в случае настоящей ядерной войны полностью бесполезен. Военные чувствовали за собой волю руководства страны, и требовали свое.

В конце-концов, колоссальные неоправданные военные траты, особенно после событий 1979 г., существенно поспособствовали бесславному закату страны. А работы по воздушному командному пункту возобновились только в 2010-х гг.

Партия пенсионеров

Отраслевая выставка МРП, устроенная министром в здании НИЦЭВТ на Варшавском шоссе, работала как часы. Ее регулярно посещали высокопоставленные гости. Некоторые делали это по обязанности, как например первые заместители председателя Госплана[290], возглавлявшие МПК по ВТ. Фотография запечатлела визит в этом качестве члена ЦК КПСС Якова Петровича Рябова, совершенный в начале 80-х.

Я. П. Рябов известен как бывший Первый секретарь Свердловского обкома КПСС, рекомендовавшему на смену себе, при уходе с этого поста, своего бывшего заместителя Б. Н. Ельцина. Позже он признавался, что дал в ЦК такую рекомендацию не без внутренних колебаний, а потом, наблюдая дальнейшее развитие событий, горько сожалел об этом. Испытывая чувство вины, публично он о Б. Н. Ельцине говорить отказывался.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Министерство связи СССР

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
МОСКВА 525 ПЕРСЕЙ
ПРЖИЯЛКОВСКОМУ=

МОСКВА 700 29 14 1613=

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ С ПРИСВОЕНИЕМ ВАМ ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ТЧК ЖЕЛАЮ ВАМ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ В РАБОТЕ НА БЛАГО НАШЕЙ РОДИНЫ=ЯР=167/76=202

ЗАМПРЕДСОВЭКОНОМПЛАНА РЯБОВ=

Поздравление с присвоением звания Героя соцтруда.

С В. В. у Я. П. Рябова (или у Я. П. Рябова с В. В.) сложились хорошие деловые отношения. В. В-чу Рябов за период, пока тот курировал вычислительную технику, как руководитель понравился. Он пытался разобраться в теме, помогал решать важные вопросы и действовал как государственник. Но потом тот был назначен на другую должность, и пути обоих разошлись.

С 1980 по 1983
Отраслевая выставка МРП на площадке НИЦЭВТ. П. С. Плешаков, Я. П. Рябов, В. В. Пржиялковский.

Сошлись они много позже, когда оба были не у дел, и совершенно неожиданно.

Во второй половине 90-х гг. В. В. как-то шел за лекарством в Аптеку № 1, что на ул. 25-летия Октября/Никольской. Вдруг с противоположной стороны улицы его окликнули: „Виктор! Ты?! Как дела? Чем занимаешься?“ Это был Я. П. Сошлись, поговорили. В. В. рассказал свои нерадостные дела: работа закончилась, супруга болеет. Я. П. тоже был весьма далек от своих бывших должностей, но выглядел по-боевому. „А я вот партию пенсионеров основать хочу!“ — сообщил он.

Общероссийская общественная политическая организация
ПАРТИЯ ПЕНСИОНЕРОВ

РЯБОВ
Яков Петрович
Сопредседатель

ПАРТИЯ ПЕНСИОНЕРОВ

Москва, 103021, Новая площадь, д. 10, 2-й этаж
Тел./Факс: (095) 797-31-71
e-mail: pparty@onik.ru
Тел./Факс: (095) 921-75-93

Визитная карточка Я. П. Рябова в начале 00-х.

Вступать в новую партию В. В. отказался, и создана она была (причем, за Уралом, в бывшей вотчине Я. П-ча) без его какого бы то ни было участия. Но разговор с Я. П. поддержал В. В-ча. Во-первых, он лишний раз вспомнил о былой кипучей работе, а, во-вторых, ему было приятно, что человек такого высокого ранга теперь, когда не было никаких должностных обязательств, не изменил своих взгядов, и взаимные симпатии, проявленные ими много лет назад, не оказались лицемерными.

Семейные итоги

Отношения В. В. с женой Анной Викторовной нельзя назвать идеальными. Иногда они были образцовыми. Так, когда несколько последних лет жизни она сначала полупарализованная находилась дома, а затем совсем слегла, он взял весь груз ухода за больной на себя, и совершенно в этом себя не щадил. Несмотря на тяжелое состояние, А. В. все понимала и в отдельные минуты, будучи избыточно сентиментальной от потери нормального кровообращения в сосудах мозга, говорила детям: „Ваш папа — святой.“

Но в более ранние времена между ними, пусть не часто, случались непонимания. Оба были людьми с характером, с силой воли и самостоятельностью мышления. В год свой кончины В. В. посчитал нужным напомнить в близком кругу, что они, бывало, „искрили“. В такие моменты, признавался он, ему приходилось слышать от нее в свой адрес такой упрек: „Единственное, что у тебя хорошее, так это дети“.

„А я тут же вспомнил анекдот о японце, посетившем во времена оны СССР,“ добавлял В. В. Он погостил в нашей стране, а когда возвращался домой, его спросили, что понравилось. „Люди у вас хорошие,“ сказал тот, и прибавил: „А все, что вы делаете руками, у вас получается плохо“.

Вовсе не исключено, что эту историю, обобщающую частное наблюдение Анны Викторовны, он, не будучи в силах удержаться, ей и рассказывал. Чувство юмора имели оба, и она вполне была в состоянии историю оценить. С другой стороны, она была женщина, и могла реагировать на шутки в зависимости от влияния момента. Но все это уже домыслы. Факт, что в ответственную пору они всегда оказывали друг другу поддерку и заботу, а „искры“, если и возникали, то своевременно гасились чувством долга, и не доводили до пламени. Оба желали быть похороненными вместе.

От других

Беру свои слова обратно

В. П. Качков.

С самого начала 60-х гг. и завод, и СКБ активно росли, но рос и размах работ. Ощущалась нехватка грамотных и умелых специалистов. О своем устройстве на работу вспоминает старейший сотрудник НИИЭВМ Владимир Петрович Качков, ставший впоследствии „ведущим разработчиком в создании ЭВМ Минск-2/22, Минск-23, ЕС-1020, ЕС-1022, ЕС-1035, ЕС-1037, главным конструктором ЭВМ ЕС-1130, ЭВМ семейства ‚Минск-9000' (ЕС-1230, ВМ2302)".

В. П. закончил Белоруский госуниверситет и был по специальности физик. Присутствующий при приеме В. В. в сердцах бросил фразу: „Мне только физиков не хватало!". Впоследствии В. П. проявил себя с самой лучшей стороны (см. выше), это обнаружилось довольно быстро, и в какой-то момент В. В. извинительным тоном сказал, что слова, произнесенные им в свое время, берет обратно.

Сам В. В. вспоминал это дело так. „Поначалу я подумал: берут, кого попало! И высказался. Потом смотрю — а парень-то отличный оказался. Работаю с ним, и все больше становится неудобно, что в его присутствии так заявил. Пришлось найти момент и извиниться. Он все понял."

Выбор профессии

Вспоминает Вадим Алексеевич Аверьянов, начальник отдела НИИЭВМ, бывший ведущим разработчиком „Минск-23".

Машину сдавали в 1966 г. Она была новаторская, ей прочили большое будущее, и окончание Госиспытаний следовало хорошенько отметить. Остановились на ресторане в гостинице „Спутник".

> Почему-то оркестра не было. Но какой отдых без музыки? Стали искать инструменты. Нашли контрабас, баян и гитару. Тут же организовалось трио в составе: главный конструктор ЭВМ Пржиялковский В. В. — контрабас, его зам. Волков Л. И.[291] — баян, брат Волкова — гитара. Присутствующие были в восторге от исполнительского мастерства импровизированного трио[292].

О дальнейшем с не меньшим удовольствием вспоминал и сам В. В. „После выступления [на контрабасе] подходит ко мне директор ресторана поговорить. То да се, а потом спрашивает, сколько получаю у себя в СКБ (тогда уже МПБ) главным инженером. Отвечаю. Бросай, говорит, свою работу! Переходи ко мне, будешь получать в два — три раза больше! — Пришлось отказаться. "

Разговор с директором ресторана получился веселый и для участников, и для слушателей, но рассказ о нем В. В. никогда не забывал раскрасить поучительными нотками. Был повод подумать о справедливости оплаты труда. Вопрос этот в СССР решался произвольно и был тогда запутанным и туманным. Он-то считал, что решает на своем посту важную государственную задачу ...

Мнение же окружающих было таково, что уникальные люди, поистине, уникальны во всем.

Закавказские испытания

Еще воспоминание В. А. Аверьянова, относящееся к 1972 г.

> Это было в Ереване на Госиспытаниях „ЕС-1030". Отдельные пункты программы требовали достаточно длительного времени выполнения и не всегда постоянного присутствия всех членов комиссии. В этих случаях, разработчики ЭВМ гостей, свободных от испытаний, знакомили с достопримечательностями республики. Один из дней был посвящен знаменитому заводу коньячных вин.

Посещение ереванского завода коньячных вин не имеет права не сопровождаться рассказами о Максиме Горьком, Черчиле (и, слово за слово, о Сталине) и непременной дегустацией. Но испытания на том не иссякли.

> ... Потом у гостеприимных хозяев был обед и тоже с коньяком. После заседания комиссии В. В. и В. А. были приглашены на банкет по случаю дня рождения одного из разработчиков ЭВМ. Там тоже не обошлось без коньяка. Когда после завершения всех событий дня возвращались в гостиницу, В. В. сказал: „Сегодня я так переполнен коньяком, что, мне кажется, он у меня капает из ушей".

По работе В. В. часто выполнял представительские функции. Деловые вопросы приходилось иногда решать в неформальной обстановке. Приемы были искренними, бывали с расчетом. Были, в конце-концов, поводы для праздничных отмечаний в коллективе, так что неформальные и полуформальные мероприятия были неизбежной сопровождающей частью его работы.

Отношения к возлияниям у В. В. пережили свое *crescendo* при защите студенческого диплома, после чего перешли в стадию *moderato*. Он любил напитки и бывал навеселе, но его не покидало и чувство ответственности, заставлявшее вовремя остановиться. Никто из его знавших не может припомнить, чтобы он напился.

Так было и в Ереване. Тут сошлись обстоятельства. На принимавшей стороне были его хорошие друзья[293]. Особенно теплые отношения были с главным конструктором машины Мироном Арамовичем Семерджяном и с основным разработчиком Арманом Тагворовичем Кучукяном. Если А. Т. был его ровесником, то М. А. — старшим товарищем. Оба были с необычной судьбой. Их родители покинули Армению из-за известных событий начала века, и до 40-х гг. они с семьями жили в Болгарии, пока на волне послевоенной репатриации не вернулись на историческую родину[294]. Это были люди со знанием жизни, но они и прекрасно знали свое дело, внесли заметный вклад в развитие ВТ в Армении и в СССР („ЕС-1030“, а потом машинам „ЕС-1045“, „ЕС-1046“, как и матричному процессору „ЕС-2345“ суждено будет выпускаться на Казанском заводе ЭВМ, КЗЭВМ). Директором ЕрНИИММ был в то время Фадей Тачатович Саркисян, ставший в 1977 г. Председателем СМ АрмССР.

Прием, оказанный ереванцами, был чистосердечен, и соблюсти меру оказалось очень непросто. Как показывает рассказ, удалось. Известно, что сослуживцы это отметили и оценили.

КЗЭВМ изготовил „ЕС-1030“ в количестве 436 штук, но нашел в ней, что усовершенствовать и предложил свой вариант. В. В., как заместитель ГК ЕС ЭВМ, поддержал инициативу, и под маркой „ЕС-1033“ казанская машина выпускалась заводом числом 1963 штук, оказавшись новаторской, успешной и составив гордость КЗЭВМ.

Говорить, так говорить

Ветеран БЭМЗ Олег Семенович Понарин напомнил в 2017 г. несколько эпизодов из конца 60-х — 80-х гг. „О Викторе Владимировиче, как о лекторе,“ говорил он, „ходили легенды. Обладая обширными знаниями по профессии, он считал необходимым довести их до коллег.“

Один эпизод имеет своим основным первоисточником воспоминание главного инженера завода им. Орджоникидзе И. К. Ростовцева, но В. В. рассказ своего приятеля воспроизводил, и с удовольствием. Группа руководителей из Минска приехала в Армению на ЕрНИИММ. В программу входило выступление перед сотрудниками предприятия. Было жарко, кругом горы, решили долго на трибуне не задерживаться. Все отговорили дежурные 15 минут, и очередь дошла до В. В. Он выступает 15 минут, потом еще 15, потом еще ... Коллеги заволновались: ну не производственное же совещание, сколько можно? Проходит 2 часа, — В. В. все говорит. Решительный И. К. не выдерживает: „Все. Пускай выступает без нас, сколько хочет!“ Группа срывается и едет на Севан без В. В.

> А на Брестском ЭМЗ лекция о перспективах ЕС ЭВМ в контексте мировых информационных технологий продолжалась около 4-х часов. Такого объема информации заводские специалисты не получали ни до, ни после этой встречи и были в восторге. Правда, директор завода этого восторга не разделил и впредь все попытки организовать лекции подобного рода пресекал. Организаторы лекции не без трепета (понравится ли?) вручили В. В. 4-томную библиотеку „Победа“ и, как оказалось, попали в точку. Библиотека была принята с благодарностью.
>
> **— О. С. Понарин**

Первая книга 4-томника „Победа“.

Врученный (символично!) 4-томник „Победа“ был выпущен в 1984 г. В это время „на заводе был уже новый директор“ — по воспоминаниям В. В. Со „старым“, В. А. Сальниковым, у В. В. были слишком дружеские отношения для такой реакции на затянувшееся выступление, чем бы она ни была мотивирована.

Справедливости ради, надо сказать, что на ранней стадии развития ЕС ЭВМ разъяснениями новой программы занимался не один В. В. Например, в ГДР, Чехословакии и в других соцстранах надолго запомнили „увлекательные и блестящие“ выступления А. М. Ларионова в бытность директором НИЦЭВТ. Технические руководители программы понимали свою ответственность и заражали своим энтузиазмом других.

Четырехчасовое выступление отложилось в памяти самого В. В. Позже бывали и другие, да не такие длинные. А сколько-то лет спустя, как вспоминает О. С. Понарин, во время очередного визита на

завод, теперь уже в связи с бортовой тематикой, В. В. двигался с сопровождением по коридору, как-то вырвался вперед и неожиданно встретился с ним. Поздоровавшись, В. В. улыбнулся и сказал: „Сегодня я не буду читать лекцию совсем.“.

Автотехобслуживание без посредников

Семейные поездки на ГАЗ-21 затрагивали не только экзотические для средней полосы России места, но и родную Белоруссию. В. В. с Анной Викторовной любили ездить в Брест, где их всегда ждал радушный прием, и в окрестностях которого имелась база отдыха. База служила именно базой; на ней не засиживались — рядом была Беловежская пуща, другие достопримечательности. А еще в 7-ми километрах — польская граница. По тогдашнему соглашению граница охранялась только с нашей стороны, а поляки к своему берегу рубежного Буга подходили беспрепятственно. А. В. вспоминала, как обычные сельские жители с той стороны ловили рыбу, а завидев советских экскурсантов (допущенных в виде исключения местным погранначальством) стали радостно махать руками и зазывать переплывать к себе в гости.

Об одном приезде супругов на базу отдыха сохранилось такое воспоминание.

> На этот раз им повезло: погода была чудесной, обилие грибов и ягод, ко всему — успешная рыбалка. ГАЗ-21 был оставлен под присмотром на электромеханическом [заводе]. В распоряжение Виктора Владимировича заводом был предоставлен микроавтобус, на котором они возвратились с Белого озера.
>
> Был интересный момент. По прибытии на завод Виктор Владимирович, отказавшись от услуг персонала транспортного цеха, облачился в комбинезон, поставил машину на смотровую яму и занялся её техобслуживанием. Работники цеха, зная должность Виктора Владимировича, были удивлены: в их практике впервые фигура такой величины в яме сама выполняет черновую работу.
>
> В этой поездке был ещё один штрих. Во времена книжного дефицита только в Бресте удалось приобрести 2-томник „Графа Монте Кристо“. Анна Викторовна была в восторге от приобретения.
>
> **— О. С. Понарин**

Можно добавить: Анна Викторовна не была любительницей Дюма. Но она была искренне рада проявленному вниманию, и не в ее духе было оставлять подобные знаки без проявления благодарности.

А о ремонте машины вспоминали оба. В. В. не хотел поручать другим работу, которую был в состоянии выполнить сам; но он еще и не хотел использовать сотрудников и ресурсы предприятия в личных целях. В Москве так поступать удавалось не всегда, и некоторые работы по машине, требующие квалификации, он уже поручал своим шоферам. Однако шприцовку ходовой части, прокачку тормозов и другие подобные вещи всегда продолжал выполнять самостоятельно.

В Бресте в тот раз он был уже при всех московских регалиях и на отдыхе, поэтому поручить автотехобслуживание кому-нибудь он, быть может, был бы и не прочь, но в домашнем кругу объяснялся так: „На меня же люди смотрят. Если я начну так делать, то и все начнут так делать.“

Или вместе, или никак

Когда В. В. был приглашен в НИЦЭВТ на должность главного инженера, это была еще неполностью устоявшаяся организация. Основу ее составляли два коллектива: бывших сотрудников КБПА и бывших же сотрудинков НИЭМ. Оба были со своей историей. За плечами выходцев из НИЭМ были такие машины, как „Стрела“, „Урал-1“, „М-20“, „М-220“ и обширная бортовая и специальная техника — именно ей (наряду с универсальной) занимались первые два директора НИЦЭВТ С. А. Крутовских и А. М. Ларионов, будущий главный инженер А. Ф. Кондрашев. За спинами бывших сотрудников КБПА были, в частности, „Весна“ и „Снег“, как полагали некоторые, наилучшие машины в СССР своего времени. Оба подколлектива гордились прошлыми разработками, и считали каждый свое мнение достойным внимания. Общее дело буксовало.

Примерно 1972
Во главе праздничной колонны НИЦЭВТ, только начавшей свое движение.

Первое, что сделал новый главный инженер, это собрал людей и сказал: „Перед нами стоят большие задачи. Если мы не начнем работать вместе, у нас ничего не получится.“ Люди поняли и оставили разногласия.

На одной из фотографий начального этапа работы в Москве присутствуют [...], главный инженер В. В. Пржиялковский, директор А. М. Ларионов, заместитель председателя профкома И. И. Пожаров [?], председатель профкома Н. Н. Комаров — во главе праздничной колонны НИЦЭВТ, движущейся в сторону улицы Горького по Новослободской улице: организация тогда представляла еще Тимирязевский район, а не Советский.
Обращают внимание белые (праздничные) платки у москвичек не самого старого возраста. Тогда еще так ходили.

Народное творчество в НИЦЭВТ

Долгое время ученым секретарем в НИЦЭВТ работала Наталья Сергеевна Кулакина. Она уважала и искренне любила В. В-ча, выступая как бы „доверенным лицом“ Анны Викторовны на предприятии, пока та была жива, а потом просто оберегая его и помогая организовать работу. Н. С. приняла уход В. В-ча исключительно близко к сердцу, и очень помогла с организацией похорон.

2015
85-летний юбилей. Позади: В. И. Штейнберг и Н. С. Кулакина.

Наталье Сергеевне принадлежит следующая история из производственной практики.

Однажды в НИЦЭВТ организовали выставку прикладного творчества сотрудников. Выставила свою поделку и Н. С., а через какое-то время поинтересовалась у В. В-ча, как ему понравилось ее произведение ? В. В. подумал, и сдержано сказал: „Да, неплохо. Только Вы знаете Наталья Сергеевна, кажется, я Вас недостаточно нагружаю работой.“

Серьезный человек

Эта история относится к периоду полноценной работы и института, и В. В-ча. Тогда он имел обыкновение долго задерживаться на работе.

Однажды, в 9 вечера, он шел по коридору и решил заглянуть в машинный зал. Открыл дверь — спиной сидит сотрудник и чем-то увлеченно занимается. Что-то почувствовал, и раздраженно сказал: „Закрой дверь !“ „А ты знаешь, что разговариваешь с директором ?“ — полюбопытствовал В. В. „Ну тогда закрой дверь директор,“ повторил тот.

В это время подошел начальник и приготовился отчитать невежу. „Не трогайте его,“ вступился В. В., „это серьезный человек.“

В память

H.-G. Jungnickel. Аспекты технологического пути ЕС ЭВМ.

Статья бывшего Главного конструктора ЕС ЭВМ от ГДР Ханнса-Георга Юнгникеля от 2017 года посвящена памяти Виктора Владимировича Пржиялковского.

Статья интересна тем, что дает взгляд человека, одновременно и со стороны, но, в то же время, и вовлеченного в события напрямую, знающего многие обстоятельства не понаслышке. Девять лет он в ГДР занимал примерно ту же должность, что и В. В. Пржиялковский в СССР, то есть стоял во главе разработок машин и операционных систем, ведшихся в его республике в рамках ЕС ЭВМ на двусторонней с НИЦЭВТ контрактной основе[295]. „Шагая“, образно выражаясь, „рядом Виктором Владимировичем“, он мог чувствовать и наблюдать во многих деталях общее состояние работ по ЕС ЭВМ, вынужден был сталкиваться с аналогичными проблемами в технологии и ощущать общий климат технической политики (в том числе слабую роль представителей электронной промышленности в рамках работ МПК по

1975 или 1976
Х.-Г. Юнгникель с послом СССР в ГДР П. А.

ВТ[296]). По его словам, в статье он постарался донести до русского читателя ту тесную связь, которая имелась между странами[297].

Абрасимовым.

Вторым желанием было „почтить память о хорошей и дружной личной совместной работе, которая возникла на почве стремления делать совместно для наших стран самое выгодное из возможного“. Сверх плановых многосторонних заседаний он часто проводил встречи с руководителями НИЦЭВТ, в том числе В. В. Пржиялковским: сначала по вопросам ОС, а позже все больше по делам использования элементной базы для следующего ряда машин ЕС. Дела эти складывались очень серьезно и, увы, не вполне утешительно, и тревога и переживания того времени нашли свое отражение в статье. Те дни, которые Г. Юнгникель и В. В. Пржиялковский провели в доверительных беседах, обсуждениях, в поисках выходов, надолго запомнились обоим.

Большой интерес представляет анализ происходившего, сделанный Г. Юнгникелем, с высоты десятилетий. Когда события происходят, предсказать надежно их развитие мало кто решится: бывает всякое. По прошествии же времени появляется возможность оценить благоразумность или пагубность тех или иных принимавшихся решений. Г. Юнгникель пользуется этой возможностью честно, не скрывая ни достоинств, ни недостатков шагов, совершавшихся когда-то вовлеченными в действия людьми. Важно, что он перекидывает мостик от прошлого к настоящему, принимая во внимание сложившиеся *de facto* обстоятельства, а также задел и уроки прошлого.

Пояснение. Упоминаемый в статье В. Г. Колесников был в 1985 – 91 гг. министром МЭП, назначенным после ухода с этой должности А. И. Шокина. Работу А. И. Шокина В. В. Пржиялковский очень ценил, но частным образом высказывался в том духе, что „это толковый заслуженный старичок[298], да́, он очень старается, но все равно у него ничего не выйдет“. Причины такого положения дел и последствия отчасти затронуты в статье, но в целом способны послужить предметом более развернутого анализа.

Статья появлялась поэтапно начиная с осени 2016 г. (по следам печального события) и в течение зимы 2016/2017. В этом варианте и с некоторой стилистической переработкой она появилась в материалах виртуального музея, и оттуда была включена в 4-й том сборника „Страницы истории отечественных ИТ“, издаваемого совместно с „Ай-Ти“. Поздней осенью 2017 г. д-р Юнгникель счел необходимым существенно переработать последнюю примерно треть статьи. Именно в этом варианте статья приводится здесь.

HTML на русском

HTML Deutsch

Г. Юнгникель известен популяризацией огромной работы, совершенной в свое время в странах социалистического содружества по созданию ЕС ЭВМ, в среде немецкоговорящего читателя. Специалисты из ГДР внесли в этот общий труд вклад, ценный своими качеством, объемом и проработанностью. Г. Юнгникель — создатель сетевого ресурса http://www.eser-ddr.de.

А. Я. и Р. П. Пыхтины. Вспоминая Виктора и Аню.

Воспоминания близких друзей семьи Пржиялковских Анатолия Яковлевича и Розы Павловны Пыхтиных. Написаны в конце 2017 г. рукою Розы Павловны — Анатолий Яковлевич не смог ничего приписать по состоянию здоровья. Текст приведен с крошечными поправками, за которые Роза Павловна не должна быть в обиде, а в общем сохранен как есть.

Р. П. всю жизнь проработала врачом.

А. Я. после МЭИ работал в 1955–1962 в пензенском филиале СКБ-245/НИИУВМ над машинами „Урал“. В 1963 г. перебрался на завод „Луч“ в Кишиневе, а когда там сменилось руководство, перешел в ВЦ ИМ АН МССР, став главным инженером. Новое место работы тоже его не устраивало, но небольшой Кишинев выбора не оставлял. В 1965 г. А. Я. получил от В. В. предложение в МПБ, что для него оказалось истинным спасением, а для Минска — обретением высококлассного специалиста. Свою признательность за это предложение А. Я. выражал В. В-чу очень эмоционально.

> Под его руководством и при его непосредственном участии было разработано и внедрено в народное хозяйство и оборону страны свыше тридцати различных средств телеобработки и периферийных устройств для ЭВМ серии „Минск“ и ЕС ЭВМ.
>
> Затем он был главным конструктором комплексов ЕС7920, руководителем международной группы по разработке этих комплексов в ВНР, ГДР, НРБ, ПНР, СССР и ЧССР.
>
> — **Ветераны НИИЭВМ. Виртуальный компьютерный музей.**

Супруги Пыхтины были очень близкими друзьями с семьей В. В-ча. Когда ходили друг к другу в гости с чуть подросшими детьми, детей отпускали играть в отдельную комнату, а взрослые вели застольные беседы. Позже, в течение долгих лет В. В. и Анна Викторовна испытывали неподдельную радость, получая по праздникам поздравительные открытки от Р. П. и А. Я.

Воспоминания, записанные Розой Павловной, очень искренни и просты. Ровно такими были отношения между собой всех минчан, упомянутых в тексте.

HTML

Н. А. Мальцев. Работая рядом с В. В. Пржиялковским

Воспоминания соратника по работе в Ногинске и Минске Николая Анатольевича Мальцева.

> Мальцев Н. А. — один из ведущих разработчиков ЭВМ „Минск-2, 23“, главный конструктор машины „Минск-26“ и зам. главного конструктора машины „Минск-27“. Он руководил созданием процессора первой ЭВМ Единой Системы ЕС-1020, был зам. Главного конструктора ЭВМ ЕС-1022.
>
> — **Ветераны НИИЭВМ. Виртуальный компьютерный музей.**

Упомянутое в тексте Н. А. Внешнеторговое объединение „Электроноргтехника“ (ЭЛОРГ, ELORG) занималось с 1970 г. импортом и экспортом электронной техники, в том числе вычислительной. От имени НИЦЭВТ В. В. тоже приходилось тесно работать с этой организацией.

HTML

Благодарности

В подготовке материала о Викторе Владимировиче Пржиялковском большую помощь оказали: Вадим Алексеевич Аверьянов; Владимир Федорович Быченков; Оксана Вадимовна Жаврид; Владимир Петрович Качков; Юрий Сергеевич Ломов[299]; Николай Анатольевич Мальцев и Ольга Николаевна Знак; Виктор Владимирович Пржиялковский — младший; Анатолий Яковлевич Пыхтин[300], Роза Павловна и Андрей Анатольевич Пыхтины; Геннадий Дмитриевич Смирнов[301] и Ирина Геннадьевна Смирнова; Александр Иосифович Тушинский.

Особенным неоценимым стало участие, оказанное Натальей Сергеевной Кулакиной (Москва), Олегом Семеновичем Понариным (Брест), Давидом Людвиговичем Файнбергом (Москва), Ханнсом-Георгом Юнгникелем (Германия).

Всем им, сохранившим память о Викторе Владимировиче и Анне Викторовне Трошиной, или помогшим эту память восстановить, глубокая признательность!

---

1. Так в советское время. В тогда еще не далеком XIX в. сказали бы: „между Верхней Шахоловой ...“.

2. Поскольку известно, что больница при фабрике была.

3. А еще перед отъездом продали корову, что не могло не добавить грустных мыслей.

4. Однажды в 70-х гг., В. В. с женой, детьми и теткой Анастасией Никифоровной на своей белой „Волге ГАЗ-21“ приедет в деревню. Тетя Настя с племянником подойдет к старухам, сидящим на завалинке какого-то дома. Ее узна́ют, завяжется разговор. „А этого узнаете?“ — показывает на племянника. — „?“ — „Это Виктор, Марьин сын.“ „Ах Виктор!“ — воскликнули они, — „Вырос! А маленький был, пастухом стать хотел. Как же он хотел стать пастухом!“ Такие воспоминания деревенских старух повеселили Анну Викторовну, а В. В. лишь виновато улыбался.

5. Это сообщила, смеясь, тетя Настя.

6. Так мне попалось, и принятое когда-то написание с заглавной буквы здесь сохранено. В. В. с удивлением узнал эту новость в 2015 г., а до того всю жизнь разделял наивное мнение местных жителей, о том, что пришедшие русские „гнали“ отсюда „весь“. Егна (Ёгна) как местность в районе Весьегонска известна из новгородских грамот XIII–XIV вв. (также и озеро Егно, и река Егница; волость Ёгна упоминается в грамоте XIII в., село Ёгна — с XIV в.). Считается, что весское *ёга* — это вода. Современное финское joki = река. Рядом Мол*ога*; то есть, могло быть (по смыслу или по самоназванию) *весь поречная* (левобережная, или же просто), или что-то вроде того.

7. По другую сторону Мологи.

8. Места более отдаленные от исторических центров, но, вероятно, не менее населенные, нежели Ёгна: иначе про весь егонскую упомянул бы летописец. Считается, что 12 князей белозерских пало в Куликовской битве.

9. И весь, и карелы (корелы) — финно-угорские народы, причем корел часто считают одними из потомков летописной веси.

10. Он неожиданно повторил его в год смерти 2016, а до этого проговаривал как-то годах в 60-х; звучал стишок по-фински, а о чем был — спросить стало не у кого.

11. В студенческой юности это наблюдение получит подкрепление таким услышанным стишком:

На вкус, на цвет — товарища нет,
Всем женщины разные нравятся.
Один посмотрит, и скажет: урод,
Другой глянет, и скажет: красавица!

12. Завершая жизненный путь, В. В. говорил: „В детстве жил один, и в старости живу один.“

13. Трудно сказать, что было на самом деле, но однажды „кесемское общество“ было взбудоражено слухом о том, что в какой-то деревне у хозяина нашли „100 пудов хлеба“. Назвать местных крестьян зажиточными было, по-видимому, чересчур, но голода в их среде, благодаря личному хозяйству, или еще чему, кажется, не было.

14. Коньки не стали пожизненным увлечением В. В. Его сын унаследовал от отца высокий подъем стопы, но в его случае сына, в 60-х годах, детский врач уже объявил родителям о развивающемся плоскостопии. Из-за этого (надо полагать) катание ребенка на коньках никак не получалось. Отец успокаивал, говоря, что и у него в молодости ноги на коньках подворачивались, а вот в детстве — нет, так как катался в валенках.

15. В кругу семьи В. В. часто рассказывал о просторах речки Кесьмы, о замечательном прозрачном льду, по которому каталось много народу. В начале 80-х годов с женой Анной Викторовной он съездил в Кесьму, и случился конфуз. Речка оказалась невзрачной, и воды — по конено. Анна Викторовна подняла мужа на смех, и приписала все слышанное ранее детскому воображению, а В. В. как воды в рот набрал. Думал он над этим довольно долго, пока вдруг через несколько месяцев с радостным воклицанием „Вспомнил !“ не предложил объяснение. Ближайшая к Кесьме железнодорожная станция была в нескольких километрах, в Овинищах. Для заправки паровозов из Кесьмы в Овинищи провели канал; речку для этого запрудили и качали воду из запруды. Дорога из Кесьмы в Овинищи вдоль канала была самая короткая, и по ней часто ходили. С исчезновением паровозов канал забросили, но следы его видны на снимках из космоса 2010-х гг.

16. У А. Ф. Писемского в рассказе Батька (1861 г.): „[Собака] Лапка, тоже откуда-то появившаяся и только что, вероятно, перед тем придавившая какого-нибудь зазевавшегося зайчонка, была с окровавленным рылом и весело начала прыгать около Мосеича, подскакивать к его руке, лизать ее.“ У Н. С. Лескова в Юдоли (1892 г.) крестьяне „не любят кормить своих сторожевых собак и держатся того взгляда, что ‚пес сам о себе промыслитель‘, а в голодный год собак и нечем было кормить“.

17. Это был так называемый „аэродром подскока“. Такие аэродромы получили распространение во время Великой Отечественной войны в силу своей действенности. Они строились вблизи линии фронта (25—30 км.), в отличие от основных фронтовых аэродромов (до 150 км. от линии фронта), и позволяли увеличить частоту вылетов, в частности, для самолетов У-2 и ночных бомбардировок. Аэродром в Кесьме остался неиспользованным, но его строительство говорит о подготовке к возможному продвижению боевых действий в эти места.

18. К северо-востоку от Кесьмы. В 2000-х гг. по геоснимкам нет ни остатков храма, ни монастыря, ни Камня (с начала 80-х), ни обилия хуторов и деревень окрест — сплошной лес, разбавленый урочищами. Остался на берегу реки „святой камень“, огромный валун, имевший когда-то, по-видимому, еще дохристианское сакральное значение.

19. Талантливая Песня о Днепре Фрадкина и Долматовского только усиливала это впечатление.

20. Выражение „девки“ было для деревни обычным, и тянулось, по меньшей мере, из XIX в.

21. Уже в глубокой старости, став многолетним свидетелем умирающих лежачих больных, В. В. будет возвращаться к этому эпизоду детства в контексте рассуждений о необходимости права на эвтаназию.

22. Вплоть до 1980-х годов фотографирование было технически сложным занятием. Для получения хорошей фотографии нужно было правильно рассчитать установку диафрагмы и выдержки, самостоятельно проявить пленку и, пользуясь фотоувеличителем, отпечатать снимки.

23. Мост был одним из многочисленных по России объектов проектирования и строительства, выполненных под руководством инженера А. Струве. Творение такого знаменитого автора не могло не привлекать внимания подростка чисто эстетически. Но, с другой стороны, мост в середине XX в. считался стратегическим. Вокруг него и ему подобным еще в 60-е гг. доводилось наблюдать участок, огороженный колючей проволокой и будку часового с ружьем. Опустели такие будки, повидимому, уже в 70-е годы. Свою фотографию Виктор сделал сильно издалека.

24. Было, надо полагать, не густо, но для глубоко провинциальной Кесьмы подбор был весьма представительным. Возможно, кое-что туда перепало от Весьегонска, с его несчастной судьбой.

25. По характеру и по жизни, и в отличие от жены Анны Викторовны, В. В. не был книгочеем, но некоторые книги любил. Своеобразно (и характерно) сложились отношения с Достоевским. Он начинал его читать в детстве, „но быстро понял, что если будет продолжать, то сойдет с ума“, и от этого писателя отказался. Уже в Минске, в самом начале 60-х он прочитал оба романа Ильфа с Петровым, и весьма их высоко ценил (что, впрочем, не удивительно). Любил, как и Анна Викторовна, рассказы Чехова (вне конкуренции у супругов будет „Злоумышленник“). В 70-м г., находясь с детьми в санатории „Белоруссия“ на Черном море, он заодно с сыном, отрабатывавшим школьную программу, перечтет „Войну и мир“, в которых особенно впечатлялся философскими рассуждениями Толстого, то, при этом, с ним соглашаясь, а то нет. Лежа в московской больнице в 80-х с удовольствием продолжит сатирическую линию Всеобщей историей, обработаной „Сатириконом“, подаренной сотрудниками с целью поднятия настроения. Это немного. Но через всю жизнь пройдет увлечение Пушкиным, многие цитаты из которого он знал наизусть. В серпуховской квартире имелся том Пушкина еще дореволюционного издания, то есть еще в семье Никифоровых поэта знали и любили. Помнил В. В. Маяковского.

26. В начале 80-х годов произошел удивительный случай. В. В. возвращался из служебной командировки в Японию и разговорился с соседом по креслу в самолете. Выяснилось не только, что оба учились в Серпухове примерно в одно и то же время, но к тому же, что учились в одной школе. Более того, бывшие одноклассники работали в одном и том же здании по Варшавскому шоссе, 125, но в разных его концах. Свела их общая принадлежность минрадипрому.

27. Детство и юность Виктор провел с одной матерью, и в отсутствии рядом отца числиться было удобнее под фамилией матери („меньше объяснять“). Со вступлением в самостоятельную жизнь нужда в этом отпала. Словом, получая паспорт,

он попросту поступил „как все“.

28. Помимо человеческих качеств В. В. ценил в дяде трудовые заслуги. Орден Ленина, в его понимании, за просто так не дается.

29. Александр Михайлович будет весьма деликатно как-бы извиняться за брата, признавая, что отношения В. М. с малолетним сыном не приняли поначалу положеного характера, и что ответственность за это целиком лежит на взрослых.

30. С подачи А. М. почтовая связь установится и будет поддерживаться опосредованно через женщин: супругу В. М. Наталью Ильиничну и супругу В. В. Анну Викторовну.

31. Уже в конце своей жизни, в 2010-х гг., когда В. В. познакомится с немногочисленными, но характерными подробностями службы отца, и, отчасти, деда, он усмехнется: „Теперь я понимаю, откуда у меня такой хвастливый характер.“ Но В. В. не был бы руководителем, если бы не проводил разницу между поведением дома и на работе. Если в домашней обстановке он временами позволял себе прихвастнуть, то на людях — никогда.

32. Номенклатурный и околономенклатурный слой общества тогда был, как правило, весьма сдержан по части подачи поводов для пересудов. Но Голубцова была *действующим* ректором, и в своей работе она была на виду.

33. Оглядываясь на некоторые системные решения Правительства в 40 — 50-е гг. нельзя не заметить их продуманность и разумность.

34. „В Фирсановке у нас была спортивная база,“ — вспоминал при случае В. В. „Туда было трудно попасть!“

35. В. В. вспоминал, как придя первый раз на вечер танцев в ДК МЭИ, был поражен мастерством игры институтского оркестра. Когда удалось немного разобраться с учебой, он был уже внутренне готов заняться чем-то подобным.

36. „Электровакуумная техника и специальное приборостроение“.

37. Позже на театры времени хватать не будет, но в Минске В. В. купит магнитофон („Астра-2“), и в доме постоянно начнут звучать песни: главным образом из кинофильмов, и во время утренней зарядки (а когда же еще?). Дочь и сына отдаст в музыкальную школу. Музыка постоянно доносилась из приемника в автомобиле. Она сопровождала его постоянно, и он был к ней неравнодушен. В 1987 г. мне довелось сопровождать отца на конференции в Тбилиси. Пленарное заседание планировалось в концертном зале. Участники собирались к открытию, и по рядам стоял обычный для таких минут гул суеты. Какая-то грузинка воспользовалась моментом и пианино, находившемся в углу сцены, и вздумала поиграть. Это была почти салонная, но неглупая музыка. Исполнительница играла свободно, увлеченно, умело и в какой-то мере виртуозно. Я не мог не обратиться к отцу: „Хорошо играет!“, и увидел, что тот также смотрит не в зал, а на пианистку. Глаза блестели; он не мог сдерживать довольной улыбки. Согласно кивнул. Показалось, что в это время мы с ним подумали об одном. Последней любовью отца в середине 2010-х станет „Абба“ и хор Турецкого. Первая будет меня забавлять, как переболевшего этой группой 30-ю годами раньше. Но это был *его* выбор, сделанный в отсутствии конъюнктурного давления из окружающего мира.

38. Предпосылкой ко всему этому послужила разве что „тарелка“-радиоточка, стоявшая едва не в каждом советском доме, и обычно включенная постоянно. Репертуар радиопередач прививал слушателям хороший музыкальный вкус: по общесоюзному радио часто исполнялась классическая музыка, оперетта, песни русских и советских композиторов. У жены В. В., Анны Викторовны, не было природных музыкальных данных, но и в ее песенных пристрастиях ощущалось влияние тогдашних радиопрограмм наравне с пластинками.

39. Нельзя исключать, что наушничество имело место, но гасились по воле ректора. В пользу этого говорит общая характеристика В. А. Голубцовой, даваемая хорошо знавшим ее Б. Е. Чертоком [Чер2006], а также мнения других знавших ее людей.

40. — а вот специальность, кому было положено, отследили, и в обучение ввели!

41. И отправлена доучиваться в только что существенно реорганизованный МИФИ, до 1953 г. существовавший даже под другим названием.

42. Один из приятелей, из числа прошедших медкомиссию, рассказывал, что когда врачу потребовалась его медицинская карта, он вызвался сходить за ней сам. В шкафу будущий физик сообразил поискать карту Виктора и обнаружил красную надпись, сделанную по диагонали: „Ограниченно годен“. Сомнения у медицинской комиссии вызвали какие-то показатели крови.

43. В старости В. В. будет говорить: „Мое нездоровье спасло мне жизнь.“ Известно, что одно время ядерные физики часто бравировали нарушением техники безопасности; да и сама техника ядерной безопасности в мире на начальном этапе развития не была сильно развита.

44. С „Володькой“ Кольгой он жил в одной комнате и был не разлей вода.

45. Будущее уже ходило рядом: так совпало, что именно в эти годы на заводе „ВЭФ“ работал заместителем главного инженера будущий первый директор минского завода им. Орджоникидзе В. К. Гольдберг, с которым В. В. предстоит долго и плодотворно проработать

46. Такой подход впоследствие не распространится на домашнюю жизнь, в которой В. В. будет наоборот, полагать для себя обязанностью делать что-то по дому „руками“: чинить телевизор, прибивать к потолку карнизы для штор, вешать ковер, делать крыльцо на садовом участке, возиться с автомобилем и так далее.

47. Дипломный проект на тему „Лабораторный импульсный осциллограф“ был защищен на отлично.

48. Думается, парад физкультурников 1945 г. следует поставть в один ряд с Парадом победы. У обоих прослеживается один и тот же замышленник с характерным метафоричным мышлением. Если Парад победы должен был поставить символическую точку в Великой Отечественной войне, то парад физкультурников — задать ясное направление расположению духа людей, живущих в разрушенной и обескровленной стране. Большой коллектив художников, композиторов и постановщиков (среди которых был ставший уже известным И. А. Моисеев) прекрасно справился с поставленной задачей.
На представлении отдельный эффектный номер был у „Московского энергетическиго института имени Молотова“. Кто знает, насколько сильно он повлиял на притягательность этого вуза в умонастроении тогдашнего старшего школьника из Серпухова?

49. В письме молодой жене Анне Викторовне Виктор пишет, что в первые же дни по приезду (а сначала он приехал один) он пошел знакомиться с городом. Обнаружилось, что Пенза состоит из на удивление большого количества заводов, вокруг которых разливалось море деревенских избушек. (Для промышленных городов средней руки это было типично, но для Виктора вновинку.) Уже в 70—80-е гг. В. В. будет с удовлетворением добавлять к собственным рассказам о первом впечатлении: „Теперь Пензу не узнать: это большой современный город. Там такие дома, развязки," и так далее.

50. Хотя надежных данных нет, слух вполне правдоподобен. Профильные структуры госуправления отслеживали новые разработки и веяния за рубежом. Было известно, что в 1953 г. именно в MIT была разработана первая опытная ЭВМ на транзисторах TX-0, вступившая в строй в 1956 г.

51. В письме из министерства была просьба предприятию рассмотреть вопрос выделения *в силу возможного* места для жилья семье молодого специалиста. Узнав о таком содержании, Виктор, поначалу, возмутился, сочтя письмо за отписку, но развитие событий выявило неискушенность его образа мыслей. Он пока еще не разбирался в организационных интригах. Случилось вот что: получив по поводу этой пары письмо из самóго министерства, на предприятии решили, что у молодых людей есть наверху какой-то покровитель, и *на всякий случай* выделили им кватриру. Предприимчивость Анны Викторовны дала результат и В. В., уважавший активную жизненную позициию, это оценил и приобщил к своей копилке положительных примеров поведения.

52. По всей видимости, это было еще Министерство машиностроения и приборостроения СССР.

53. В частных беседах В. В. признавался позже, что работа в Пензе оказалась довольно унылой и неэмоциональной. Живые эпизоды случались крайне редко. Например, однажды один начальник попытался показать что-то на стенде другому начальнику, и ткнул в стенд карандашом. Ток прошел через грифель и от одного начальника к другому, так что они оба подскочили. Молодые сотрудники прыснули со смеху. Конечно, это было весело, но, во-первых, такое случалось нечасто, а, во-вторых, вероятно, хотелось не только развлечений.

54. Добровольный уход из института, занимавшегося, как считалось, перспективными разработками, и увод оттуда сразу нескольких сотрудников очень не понравился тогдашнему руководителю Баширу Искандеровичу Рамееву. Воспоминания об этом случае скажутся впоследствии на отношении Б. И. Рамеева к В. В. В довершение всего, уже из Минска В. В. пригласит по еще не старой памяти ряд пензенских сотрудников, которые с радостью променяют Пензу на белорусскую столицу и никогда об этом не пожалеют.

55. На самом деле в Глухове, но так обычно говорили.

56. Пример. Семья с двумя детьми получила квартиру. Однако жилище было в совершенно неудовлетворительном состоянии. Тек потолок, отслаивались обои, и так далее. Все просьбы о ремонте уходили в песок. Друзья советовали Виктору „одеть погоны", и тогда отношение к нуждам молодых специалистов разом поменялось бы. Увеличилась бы зарплата. Но — военная карьера не прельщала начинающего инженера.

57. Город в это время выстраивался, но во многочисленных старых кварталах было пыльно, текли грязные арыки. Летом стояла сильная жара. Все было слишком непохоже на привычную среднюю полосу России.

58. По ранним детским воспоминаниям родители волновались еще когда поезд на рассвете прибывал в столицу Белоруссии.

59. В Минск семья В. В. приехала на одном поезде с семьей Василия Егоровича Клочкова. Это был их уже второй совместный переезд: до этого они вместе перебрались из Пензы в Ногинск. И в Пензе и в Ногинске семьи были соседями. В Минске В. В. и В. Е. получат квартиры на одной лестничной площадке в доме по ул. Долгобродской, ставши соседями в третий раз — уже надолго. Дружить будут не только взрослые, но и дети.

60. В 90-х годах местные руководители показывали ереванский институт гостям из США, а те не могли взять в голову, зачем такой маленькой республике, как Армения, такое большое предприятие.

61. С ранними визитами в Армению (60-е гг.) связано воспоминание о том, как „армяне" везли его „показывать свою достопримечательность: храм в скале". Ехать надо было часа два, и „все это время слева горы, а справа вполнеба белый сверкающий Арарат." Восхитила не только дорога, но и сам храм, вырубленый „внутри скалы через маленькую дырочку". В 2000-х гг. по делам мне доведется повторить маршрут отца к пещерному монастырю Гехард, постоять на смотровой площадке посередине дороги и разделить его чувства. Ошеломляющие виды в полной мере подтвердят испытанное молодым отцом потрясение. Горные панорамы Арарата бесспорно принадлежат к числу творений природы мирового уровня, возвышающих человеческую душу. Трехэтажный вырубленный в скале „через дырочку" храм на века остается уроком мастерства, упорства и труда для потомков, взывая в них к этим качествам.

62. „Володя" (Владлен Николаевич) Плотников уедет работать в Киев, и семьи долго будут переписываться — до переезда В. В. в Москву.

63. Декабрем 1948 г. датировано постановление СМ СССР о создании

64. Серия была по позднейшим понятиям смешной — 7 штук, но важным оказалось своевременно и правильно сформулированное намерение.

65. В какой-то мере просматривается аналогия с событиями 1966 — 1967 гг., приведших к программе ЕС ЭВМ. Что-то уже делалось ранее, например, был перепрофилирован на производство „Стрелы" завод САМ, в 1953 г. было утверждено проектное задание на построение (по постановлению СМ от 1951 г.) для той же цели казанского Завода математических машин, был создан в 1949 г. НИИсчетмаш, летом 1956 г. инициативно был открыт ЕрНИИММ. Речь шла об осознании необходимости в значительно более масштабных действиях по обеспечению автоматизации производства, разработок и исследований.

66. Прямой отсыл к Министерству приборостроения и средств автоматизации, занимавшемуся этими вопросами.

67. Прямой отсыл к Министерству радиотехнической промышленности СССР, предшественнику будущего МРП.

68. „Счетные" машины и полупроводники (а это еще и важные для ВТ ферриты) упоминаются в докладах и прениях также других участников съезда: президента АН СССР А. Н. Несмеянова, Ф. Р. Козлова, наконец, в самой общей форме (как и положено) — Н. С. Хрущева. По-видимому, на участие госструктур управления в достижениях отдельных лиц и предприятий в СССР наиболее полно обращено внимание в издании: **Шокин А. А. Министр невероятной промышленности СССР. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Техносфера, 2008** . Это и понятно — будущий министр

МЭП Александр Иванович Шокин находился в центре ряда таких управляющих структур и лично встречался с первыми людьми государства, начиная с И. В. Сталина.

69. Ему, однако, предшествовал июльский пленум ЦК КПСС 1955 г. При подготовке к пленуму были проведены совещания, в том числе с руководителями промышленности. Пленум проанализировал недостатки развития промышленности и взял курс на „ускорение технического прогресса“ и т. д.

70. № 1197 от 27 августа: „О развитии промышленности, приборостроения и средств автоматизации“.

71. Но еще стоит напротив Дома Правительства одиноким зубом на голой послевоенной уличной десне дом, напоминающий о старой границе бывшей Захарьевской улицы. Совсем скоро он будет снесен и раскроет широкую площадь Ленина, дающей начало Ленинскому проспекту.
Речь идет о фильме „Любимая“, более известном в Белоруссии под (вторым) названием „Солнце — каждый день“. Фильм был одним из первых в актерской карьере молодых А. Назаровой и В. Соломина.

72. В 1958 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 1121-541, а на его основе в том же году постановление ЦК КПБ и СМ БССР № 749-55сс, уже на основании которого при заводе и возникло Специальное конструкторское бюро (СКБ).

73. **История вычислительной техники в Беларуси: Научно-исследовательский институт электронных вычислительных машин / под общ. редакцией В. Ф. Быченкова, Г. Д. Смирнова. — Минск: Вышэйшая школа, 2008. — 311 с. — (К 50-летнему юбилею НИИЭВМ)** .

74. Список приглашенных сотрудников „первого призыва“ В. В. приводит в **Истории вычислительной техники в Беларуси ...** Это Г. П. Лопато из Москвы, В. Я. Симхес, А. И. Бахир , Г. К. Столяров, А. П. Жигалов из Загорска, Э. И. Сакаев, С. Н. Реморов, В. В. Пржиялковский, В. Е. Клочков, Н. А. Мальцев, Р. М. Асцатуров — из Ногинска, В. А. Аверьянов из Пензы, И. К. Ростовцев, Г. Д. Смирнов, Ю. Г. Бостанджян из Еревана. Произойдут и последующие „призывы“. Многие из приехавших в начальный период получили от городских властей квартиры в домах 36, 38 и 40 по ул. Долгобродская.

75. Будет выпущено 3 экземпляра, после чего заводчане не удержатся и внесут в конструкцию технологические доработки (например, заменят барабанную память на ферритовую), повысив скорость вычислений сразу в 50 раз.

76. Об этом много лет спустя, когда факты начнут в сознании некоторых людей переплетаться с домыслами, В. В. вынужден будет напоминать следующим образом: „ЭВМ ‚Минск-1‘ не имела никакой совместимости с ‚М-3‘. От своей предшественницы [по выпуску заводом] она унаследовала только две архитектурные характеристики — длину слова и двухадресную команду.“ Мнение, что „‚М-3‘ была немного переконструирована и выпускалась под названием ‚Минск‘“ прозвучит даже от вполне благожелательного к работам В. В. М. А. Карцева (приводится по: **Ю. В. Рогачев. Вычислительная техника от М-1 до М-13 (1950 – 1990). Москва : НИИВК, 1998**). Вероятно, тут имело место неполное владение информацией и некоторая доля пристрастия: ведь М. А. начинал свою карьеру под начальством И. С. Брука, стоявшего у истоков „М-3“.

77. Линейка моделей от „Минск-1“: „Минск-1“, „Минск-11“, „Минск-12“, „Минск-14“, „Минск-16“, „Минск-100“. Линейка от „Минск-2“: „Минск-2“, „Минск-22“, „Минск-222“, „Минск-23“, „Минск-26“, „Минск-27“. „Минск-32“ выделяли отдельно.

78. Уже в последовавшей машине „Минск-23“ устройство ввода с перфокарт будет работать с такой скоростью, с которой не сможет справиться система прерываний гордости АН СССР — быстродействующей машины „БЭСМ-6“.

79. В обычной жизни товарищи по работе, ровесники, быстро превратились в Васю, Генку, Колю, еще одного Генку, Толю, Юру, Сашу, Мотю, Женьку. Анна Викторовна говорила почти так же, но сдержаннее: *Гена*, *Женя*.

80. Речь идет о серии „Урал-II“, описание которой приводится в документе, направленном, как видно из надписи на титульном листе, в ВПК.

81. — А может быть, *раскочегариться*? По крайней мере, это слово В. В. употреблять любил.

82. Любопытно обратить внимание, что XX-м съездом КПСС была заложена еще одна техническая для СССР революция: перевод ж.-д. тяги страны с паровозов на тепловозы. Последние были много сложнее и непонятнее для производства, так что высказывались большие сомнения по поводу выполнимости такого радикального преобразования — но это было сделано и так же, для своей области, открыло перспективу развития на десятиления вперед.

83. Анна Викторовна работала на заводе монтажницей. Она была знакома с тем, как собираются блоки „ферритовой памяти“ (МОЗУ): путем прошива тоненькими медными проволочками крошечных тороидальных ферритов. Это была очень мелкая, ювелирная работа. Возвращаясь из командировки в ФРГ В. В. рассказывал жене: „Нас немцы по заводу водили, по цеху, где ферритовую память собирают. Это считается настолько тонкая работа, что они на нее только турчанок берут. Свои не идут и не справляются.“ То был первый опыт ФРГ по импорту рабочей силы на тяжелые виды работ. Позже с турками начнут соперничать югославы, а уж совсем спустя многие годы (о чем тогда думать было совершенно невозможно) место для неквалифицированной рабочей силы займут иммигранты из СССР.

84. — для решения, как говорили, „планово-экономических задач“.
Как видно, пензенский эпизод с неотправкой в чехословацкую командировку не был случайным. В вышестоящих организациях (министерство, Госплан) отслеживали внешние дела и организовывали поездки (молодых!) специалистов для ознакомления с „зарубежным опытом“. Понятно, что ездили не все желающие, существовали какие-то фильтры, но ведь это и не были частные поездки, и специалистов, все-таки, посылали. Это давало свои плоды.

85. Примечательно, что скорость вычислений у „Минск-23“ была ниже, чем у „Минск-2/22“, а увеличенная производительность достигалась на обработке символьных данных благодаря архитектурным свойствам.

86. Википедия/2019: „Условиями патентоспособности промышленного образца являются **новизна** и **оригинальность**.“

87. Площадка между заводом и зданием МПБ быстро осваивается молодым поколением. Шесть раз за лето она заполняется автобусами и детским гомоном, неизбежно радостным, отъезжающих под песни на очередную смену в заводской пионерский лагерь „Электрон“ или же под песни возвращающихся оттуда. Песен хватало на полдороги, потом всех укачивало, пионеры засыпали, просыпались и снова запевали при подъезде к месту прибытия.

88. Основные исполнители: В. Я. Пыхтин, Ю. Я. Бостанджян, Н. А. Мальцев.

89. Тема комплекса периферии была вполне осознанной (и, увы, не сама собой разумеющейся для СССР) и целенаправленно отслеживаемой. По свидетельству О. С. Понарина, когда в 2000 00-х гг. бывшие сотрудники Брестского электромеханического завода направляли в Виртуальный компьютерный музей статью о технических средствах, выпускавшихся заводом, В. В. сделал по ней замечание о том, что недостаточно места уделено номенклатуре периферийных устройств.

90. Завод получит новое название по инициативе замминистра Н. В. Горшкова по типу названий ряда других предприятий МРП, как например, Загорского и Лианозовского электромеханических заводов.

91. В. В. Пржиялковский, И. К. Ростовцев, М. Е. Екельчик, Г. П. Лопато, Ю. В. Карпилович, Ю. Г. Бостанджян, Г. Д. Смирнов, Л. И. Шуняков, Н. А. Мальцев, Г. К. Столяров — уже работал в ИМ АН БССР.

92. В. П. Качков, Э. В. Ковалевич, М. Е. Неменман, В. Я. Пыхтин, А. М. Титов, Н. В. Шкут.

93. Вот как его приводит Г. Д. Смирнов: Р. И. Абражевич, В. А. Аверьянов, А. И. Бахир, Ю. Г. Бостанджян, И. М. Васильев, А. Н. Василевский, Л. И. Волков, М. Г. Гебелев, И. Я. Доморадов, А. П. Запольский, В. П. Качков, В. Е. Клочков, В. М. Комисарчук, А. П. Кондратьев, Е. В. Коновалов, К. Д. Кравчук, В. М. Ленкова, Н. А. Мальцев, Е. Е. Малявский, М. С. Марголин, В. В. Меркуль, Е. И. Мухин, В. К. Наденено, Ф. И. Пашковский, Д. Е. Перельмутер, В. Я. Пыхтин, В. В. Рудаковский, А. С. Самарский, Г. Д. Смирнов, Г. К. Столяров, М. Б. Темкин, Ю. В. Тихович, А. М. Толмачев, А. Б. Флеров, И. А. Фокин, В. И. Харитонов, М. Ф. Чалайдюк. В: **Смирнов Г. Д. Научно-исследовательский институт электронных вычислительных машин: События и люди. / Историческая справка. Минск, 2003**.

94. Главным, возможно, было второе. Наличие определенного количества несовместимых систем в рыночной экономике в какой-то период может оказаться даже полезным, так как побуждает к состязательности. Но экономика была плановая, и несовметимость оборачивалась распылением невеликих усилий и средств.

95. 90-е годы положили конец спорам о верности выбранного в свое время пути развития вычислительной техники в стране за исчезновением объекта обсуждения как такового.

96. Опубликовано на http://eser-ddr.de

97. Справедливо называются дополнительные факторы, существенно обузившие поле выбора.

98. Это не отменяет деятельного участия М. Е. в разработке архитектуры и ПО машин ЕС, создававшихся в Минске.

99. Советом главных конструкторов ЕС ЭВМ от 1969 г. было объявлено 4 модели с названиями Р-20, Р-100, Р-500 и Р-2000. Позже названия поменялись на Р-20, Р-30, Р-50 и Р-60, а еще позже на „ЕС-1020“, „ЕС-1030“, „ЕС-1050“ и „ЕС-1060“. Из-за неготовности и нехватки ресурсов начального этапа модель „ЕС-1060“ перенесли в план Ряда-2. — Новый проект не давался легко в начале осуществления.

100. „ЕС-1030“ — ЕрНИИММ, а „ЕС-1050“ — НИЦЭВТ.

101. С 1977 г. в Минске начнется выпуск разработанной к этому времени модели „ЕС-1035“, допускающей путем загружаемых микропрограмм эмуляцию работы машины „Минск-32“.

102. Так, но с оговоркой. В 1994 г. завод выпустит последнюю машину, разработанную совместно с НИЦЭВТ — „ЕС-1181“. Это будет опытный образец, и покупателей на машину в это время уже не найдется. 1995-м годом отмечен последний выпуск машины „ЕС-1130“, разработанной в самом конце 80-х силами НИИЭВМ. Ее наследница „ЕС-1230“, проектировавшаяся уже с использованием элементной базы IBM (и других зарубежных фирм), была выпущена в количестве нескольких штук. В Москве же НИЦЭВТ (уже ОАО) и ЗАО ЕС-лизинг разработали и выпускали небольшой партией в 1995—1998 гг. модель „ЕС-1220“, собиравшейся из компонент фирмы IBM по соглашению с последней.

103. В. В. вспоминал, как А. М. при встречах, широко улыбаясь, говорил: „Все равно будешь у меня работать“.

104. Так появился второй минский адрес семьи В. В.: ул. Горького, 74. После разделения СССР улица Горького превратилась в Богдановича.

105. Вот как иронически сообщала в XIX в. о подобных вопросах русская литература. Острая на язык старуха, живущая в одной из „крепостей“ на „Оренбургской линии“ говорит девушке: „[...] у меня, дитятко, родни до Москвы не перевешаешь. Чуваши, мордва: все наша родня.“ (**А. П. Крюков. Рассказ моей бабушки. // Русская историческая повесть первой половины XIX века. М. : Советская Россия, 1989.**) Своеобразие изъяснения здесь оправдывается тем, что речь идет о времени восстания Е. Пугачева (и кусочками канвы этого произведения воспользовался А. С. Пушкин в Капитанской дочке). Сразу приходят в голову примеры патриарха Никона из мордвы, или, уже в XX-м веке, знаменитейшей певице Н. Руслановой и то, что фамилия Ростовцев считается „поповской“. История же показывает, что Московская Русь всегда принимала в свой состав представителей окружавших ее народностей, что, безусловно, только укрепляло ее государственность.

106. Стоимость „Волги“ тогда была 5600 рублей.

107. На нем хоть и трясло, но никогда не было грязи. В 90-х гг. эти дороги заасфальтировали, и они стали предметом восхищения автомобилистов из России.

108. Это был Е. И. („Женька“) Мухин.

109. Девушки были послевыпускного возраста и очень смешливы. Взрослые не раз вспоминали, как те однажды веселились, одевшись в простыни, и пугая кого-то ночью.

110. Беседа с сестрой Анны Викторовны Евдокией. Любительская съемка мужа Е. В., Бориса Николаевича Соловьева.

111. — кажется, от кого-то из знакомых перенята.

112. С улицы Горького ехать приходилось через улицу Веры Хоружей, и на полощади уходить резко влево, проезжая мимо родного проектного бюро. Невозможно полагать, что в эти минуты В. В. не вспоминал о делах прошедшей недели и грядущей. Отдых был относителен.

113. В Пярвалке была попытка сосватать сына В. В. и А. В. уже за литовскую девушку по имени Аудра (Буря), в общем-то неплохую, но и она не удалась.

114. Рыбалка не уйдет из интересов В. В. до глубокой старости, просто со временем переместится из области деятельной в умозрительную. Видно было, что рыбацкие разговоры не раз возникали в среде последних соратников, его окружавших. Так, слушая в 2010-х гг. от сына и внука пересказы их поездок на Байкал и Алтай, он не просто (и в обязательном порядке) задавал вопрос о том, была ли рыбалка, но при этом называл конкретные речки и конкретные виды рыб, известные в этих местах. Такими познаниями могли поделиться с ним только люди, там порыбачившие, и он все это запоминал.

115. Высшим достижением сына станет самостоятельная замена карбюратора на ГАЗ-2410, а внука Яна — самостоятельная замена моста на УАЗике. Сообщения об этих подвигах будут греть техническую душу В. В.

116. С этими походами „на английский“ у меня связана личная история. Институт иностранных языков находился на углу ул. Захарова и Омского переулка. В противоположном конце короткого переулка (дом № 17; в нем же жила семья Г. П. Лопато и семьи нескольких других работников завода) располагался заводской детский сад для детей сотрудников. Путь от Института иностранных языков к заводу шел через переулок. Надо же было случиться, что когда однажды мою группу вели по Омскому переулку в Парк Горького на прогулку, навстречу попался отец. Трудно описать радость ребенка, встретившегося неожиданно на улице с отцом, когда тот берет твою руку в свою большую и теплую ладонь и некоторое время идет рядом. Это запоминается навсегда. Отец, как показалось, такой встрече обрадовался не меньше.
Это должен был быть 1963 или 62-й год.

117. Как раз в эти годы в стране происходил активный поворот от изучения в школах немецкого языка к изучению английского. Буквально через несколько лет школьный немецкий, царивший до того в течение нескольких десятилетий, станет экзотикой.

118. В Советском Союзе в основу обучения английскому языку были положены именно методики и учебники Оксфордского университета. Через какое-то время это обстоятельство вызовет определенные затруднения при столкновении с „американским английским“.

119. Извлекая из домашнего почтового ящика очередное письмо из Новочеркасска, В. В. обычно ворчал: „Опять Синельников защищаться заставляет!“, но в ворчании имелась доля лукавства. Он действительно не хотел отрываться от основной работы, но, одновременно, такого рода „забота“ профессора Синельникова все же льстила ему.
Иногда он мог добавить: „Вот старый еврей!“ Тут возражала Анна Викторовна: „Витя, зачем ты так говоришь? Он делает для тебя столько хорошего!“ При этом на людях, и тем более в личном общении его высказывания и поведение в отношении Е. М. были безупречно корректными. Возможно, у завкафедрой НПИ и был интерес в предложении им аспирантуры и защиты кандидатской диссертации (Г. Д. Смирнов также играл никак не последнюю скрипку в СКБ), но ведь был и встречный интерес соискателей. В данном случае личные интересы обеих сторон тесно сплелись с общественными. От подобных комбинаций выигрывали оба коллектива, стоявшие за действующими лицами, и это было главное для обеих сторон. В общем, то была обычная практика взаимоотношений между людьми и их организациями.

120. В. В. освоит железнодорожную дорогу между Минском и Новочеркасском, и будет долго помнить ее детали. В 2015 г. он неожиданно „под случай“ припомнит, что на станции Россошь бойко продавалась рыба и мед — ровно так, как это было во время беседы. Отношения с новочеркасцами станут довольно доверительными, и от них он услышит версию событий 1961 года, не во всем совпадающую с распространяемой десятилетиями позже.

121. Анатолия Яковлевича В. В. пригласил на работу в Минск из Кишинева, помня еще по совместной работе в Пензе, а Вадима Яковлевича — сразу после окончания им МЭИ. Они стали минчанами и, кажется, ни разу об этом не пожалели. В общении, конечно же, это были „Толя и Роза“, „Вадим“, да и „Виктор и Аня“.

122. **История вычислительной техники в Беларуси ...**

123. Притом, приоритетом В. Д. Калмыкова оставались интересы государства, а приоритетом П. С. Плешакова были уже интересы министерства. Такое отношение соответствовало общему духу времени становления и деятельности одного и другого. Отклонения от общего духа времени встречались чаще в виде исключения, нежели правила.

124. В телефонном разговоре с О. С. Понариным в начале 2000-х гг. В. В. как-то вспомнил о фильме и „с некоторым пессимизмом произнес“, что тот был „снят нормально, в нем четко отражены основные идеи программы, но прошло больше тридцати лет и где теперь его взять?“ Оказалось, было где. Благодаря хорошо поставленной в свое время М. Е. Екельчиком службе научно-технической информации завод заказал себе копию, и фильм удалось сохранить. Совместными усилиями бывших работников БЭМЗ и Брестского телецентра фильм оцифровали и поместили в Сеть.

125. Большое предприятие живет своим законом, но все-таки у В. В. как у директора будет свой почерк. Например, А. М. „фрондировал“ с ЦК КПСС. В. В. ставил себе в заслугу, что выровнял отношения с ЦК. Как он считал, это благоприятно отразилось на работе коллектива. Были и другие примеры.

126. Помимо блока СЭВ, она поставлялась в третьи страны. С учетом неважного состояния дел с выпуском дисковых устройств в соцстранах, ГДР подписала договор с американской CDC о комплектации в таких поставках своих машин дисковыми накопителями этой фирмы. В CDC обратили внимание, что их диски свободно подключались к ЕС-1040 и работали, не требуя каких-либо переделок или настроек в ЭВМ. (Они же на основании этого обратились в правительство с предложением отменить эмбарго на поставку высокотехнологической продукции в СССР и другие соцстраны, посчитав эмбарго неэффективным.)

127. С главным конструктором машины Б. Пивоваром В. В. расстался в самых дружеских отношениях, сохранявшихся потом долго.

128. Цитаты из статьи. Выделения текста сделано здесь.

129. К сожалению, искусственное разграничение поставок в программе ЕС ЭВМ допускалось с самого начала. Некоторые машины соцстран не поставлялись в СССР и наоборот. Как отмечает Х.-Г. Юнгникель, полноценно общего рынка в рамках стран СЭВ не сложилось, и это стало одним из препятствий к созданию в рамках программы ЕС доступных по стоимости и качественных изделий для народного хозяйства.

130. Требование военных (ВПК, МО) выдерживать большие нагрузки (приводящее к громоздким тяжелым шкафам) В. В. полагал глупостью, когда речь шла о технике для народного хозяйства, а не военной. С военными применениями также было не все однозначно. В. В. удивлялся идеологии военных, которые могли заявлять, что в случае ядерного удара главное, чтобы сохранилась в рабочем состоянии техника, а „людей новых пришлем“. Но это была их зона ответственности.

С отечественной элементной базой высшие управляющие органы страны, казалось бы, можно было понять: страна находилась в противостоянии с Западом, и зависить от комплектующих потенциального противника позволить себе было нельзя. Развитие событий в мире только это подтверждало. Беда, однако, в том, что обеспечить необходимый уровень элементной базы экономика была не в состоянии.

131. В частных разговорах ответственные сотрудники IBM (которую за тот период развития будущий президент США объявит „национальным достоянием“) высоко оценивали работу коллег из СССР. „Будь мы в ваших условиях, мы бы такого сделать не смогли“, уважительно говорили они. Это не мешало им прибавлять: „А все равно у вас, как у нас, не получится.“ — „?“ — „Мы собираем лучшие мозги по всему миру, и работаем на весь мир, а вы варитесь в собственном соку.“

132. КБ „Север“, г. Киров, позже НИИСВТ. Набитый текст радовал В. В., как ребенка.

133. **История отечественных управляющих машин ...**

134. Например, создавать первую модель „А-30“ поручили по-началу Винницкому заводу радиотехнической аппаратуры (ВЗРТА). ВЗРТА изделие изготовил, но „с серией у них что-то не пошло“, и выпуск передали Брестскому электромеханическому заводу (БЭМЗ), который с массовым изготовлением справился.

135. — МГПИ, созданного во исполнение Постановления СМ СССР в 1966 г. для нужд Минрадиопрома (на основе существовавшего ранее проектного института, созданного в соответствии с другим Постановлением СМ СССР, от 1948 г.). МГПИ, в частности, проектровал здание завода вычислительной техники в Минске, здание МРП в Москве, а также большое число промышленных зданий министрерства по территории Совесткого Союза: в Витебске, Ровно, Рязани, Раздане и т. д., а также для МО на Байконуре, а также в Китае, Болгарии, Алжире, Индии, на Кубе. Здание НИЦЭВТ было разработано под руководством архитекторов В. Л. Воскресенского, Б. В. Кувинова, Е. Н. Смирнова, Д. Н. Романова и инженеров Э. В. Болдырева, А. С. Серкова и Л. П. Юрасовой.

136. На время постройки, основное здание было самым длинным — более 700 м. — в Европе (или, в другой метрике, здание тянулось на три автобусные остановки). Дуга строилась одновременно с двух концов, и В. В., в виде шутки, риторически интересовался вслух: сойдутся концы в одном месте, или нет? Говорили, что во время одного из приездов Р. Никсона в Москву, американский президент, проезжая мимо, выразил удивление по поводу „небоскреба“, „положенного на бок“. Будь советский военно-промышленный комплекс побогаче, прозорливый американец увидел бы рядом и небоскреб стоя́щий.

137. План в Советском союзе имел силу закона, и невыполнение плана являлось нарушением закона. Для плановой экономики это логично (нелогичным тут выглядит поощрение перевыполнения, имевшее место). Соблюдение плана нередко приводило к казусам, близким к карикатуре. Известен случай, когда главный инженер И. К. Ростовцев получил со стороны парткома завода им. Орджоникидзе выговор за то, что годом раньше запланированного срока организовал выпуск машин „Минск-32“ (ценою, между прочим, больших собственных усилий и грамотных управленческих действий). Там же, в Минске, был эпизод, когда завод должен был поставить партию произведенных машин, а в самом конце квартала готово было все, кроме дисковых накопителей, производимых в Болгарии (**Карпилович Ю. В. Так было ...**). Срывался план, дело было взято на заметку в ЦК КПБ, и зрел нешуточный скандал, после которого можно было не „отмыться“. Положение спасли, организовав доставку накопителей из Софии с Минск самолетом, хотя отправка обычным путем привела бы всего-то к задержке в несколько дней. Но доводилось слышать и о другом: будто-бы при сдаче разработанных в НИЦЭВТе машин заказчику случались подтасовки в надежде сдать машину в срок и „довести“ впоследствии. Чья это была инициатива неизвестно, как и степень распространенности и достоверности подобных сообщений, однако в общем такие казусы были в духе времени. Их устранение требовало не просто принятия мер, но, в силу широкого распространения, критического пересмотра самой практики народного хозяйствования. Это была уже задача политического руководства страны, но политическое руководство не нашло в себе смелости не только взяться за нее, но даже просто принимать меры по конкретным фактам. Как показало дальнейшее развитие событий, такое безынициативное поведение высшего руководства (или, отсутствие поведения), затянувшись надолго, завело страну в безвыходный тупик, утяжеленный впоследствие смелыми, но крайне неумелыми действиями.

138. Выставка на Варшавском шоссе как раз и задумывалась П. С. Плешаковым для приглашения высоких гостей, и этот расчет себя полностью оправдал. Еще одна цель ее устройства находилась в области педагогики и заключалась в напоминании НИЦЭВТу того, кому принадлежит здание.
Практика устройства подобных выставок должна была быть хорошо известна министру. О ней припоминает такой опытный специалист и управленец, как А. И. Шокин (**Шокин А. А. Министр невероятной ...**). Так, во второй половине 40-х закрытая выставка „была проведена в авиапроме, где демонстрировались в действии отечественные и зарубежные образцы авиационной радиоэлектроники“. Ее посетили „многие руководители наркоматов, главков, НИИ и заводов, маршалы и генералы, которые хотели понять, что же собой представляет техника, без которой немыслимо дальнейшее обеспечение обороноспособности страны“. Далее, в начале 60-х „Для дальнейшего продвижения достижений предприятий ГКЭТ потенциальным потребителям, показа возможностей электроники влиятельным руководителям была организована отраслевая выставка.“ (Государственный Комитет при СМ СССР по электронной технике, в 1965 г. преобразованный в МЭП).

139. А. Н. выслушал доклад В. В., после чего задал вопрос, какие есть проблемы ?

140. Знание Председателем Совета министров таких подобностей хозяйственного устройства огромной страны и способность на месте предложить решение произвели сильное впечатление на присутствовавших специалистов.

141. „Концепция создания ЕС ЭВМ ‚Ряд-4‘ была одобрена на 27 заседании Межправительственной комиссии по вычислительной технике в мае 1987 г.“ ([ЕС ЭВМ]; и далее).

142. **Ломов Ю. С. История создания старших моделей ЕС ЭВМ.// История отечественной электронной вычислительной техники. — 2-е изд., испр., доп. — М.: Столичная энциклопедия, 2017. — 680 с.**

143. В оборот вводится выражение: „машина проектирует машину“. До этого проектировщики обходились преимущественно „карандашом и бумагой“.

144. „У [Ярослава Афанасьевича] Хетагурова“, доктора технических наук, профессора, создателя ряда цифровых вычислительных систем в военной области и большого друга В. В.

145. Нашлись желающие как раз этого избежать. Поначалу землю под участки нашли по левую сторону железной дороги, и только в последний момент обнаружили более близкий к станции вариант справа. Несколько человек предпочли остаться на первоначальном месте именно чтобы сохранить свой покой.

146. Запрошенные карты имели для В. В. и личное значение. Их пришлось показать родственникам Анны Викторовны, ездившим летом в деревню на западе Брянской области. Убедить их, в том, что быть там небезопасно, оказалось совершенно невозможным: жизнь в этих местах шла обычным чередом и никакого видимого повода для беспокойства не давала. Однако по прошествии разного количества лет несколько *мужчин* (трое москвичей и один из местных) умерли от рака (женщин почему-то несчастье обошло). Эти случаи не попали ни в какую чернобыльскую статистику.

147. *Обработки данных*, по терминологии, принятой в США.

148. Не только в СССР, но, например, и в ГДР. *Одна* из причин была финансовая: строительство завода по производству СБИС оценивалось в несколькомиллиардные, в долларах, затраты. Окупить их можно было только имея очень емкий рынок сбыта. Позволить себе такие траты могли лишь считанные фирмы США; Европа была уже выключена из этой деятельности. Для ограниченного рынка сбыта (например, для машин, число которых исчисляется сотнями) это была ловушка. Отсутствие реального межгосударственного общего рынка в программе ЕС лишь фрагментировало торговое пространство.

149. Пример с ЕС-1040 или ЕС-1032 тому подтверждение.

150. Апрельским постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 1983 г. НИИМЭ и завод „Микрон“ был награжден орденом Трудового Красного Знамени за успешное выполнение заданий по созданию и производству ЕС ЭВМ. Соглашение НИЦЭВТ и „Микрона“ основывалось на основе ранее существовавшего тесного сотрудничества, но также отражало неготовность „Микрона“ в рамках новых задач поставлять НИЦЭВТу законченные БИС И-300, необходимые для производства старших моделей Ряда-4.

151. За недолгий срок существования микроэлектронное подразделение могло проявить себя значительно более плодотворно, не окажись досадного кадрового просчета. На должность его руководителя был приглашен специалист из Минска — не оправдавший, как выяснилось, надежд. В доверительных беседах В. В. в сердцах характеризовал его человеческие качества всего одним, но емким и нелицеприятным эпитетом.

152. В. В., как и многие знакомые с вопросом, имел представление о причинах такого внешне странного и скорого поворота. Их врядли можно назвать ответственными.

153. Зная при этом его лично.

154. Известен личный вклад Д. Ф. Устинова в эвакуацию предприятий СССР в начале войны и в военное и послевоенное производство вооружений. О его поддержке с благодарностью отзывался конструктор М. Т. Калашников (**М. Калашников, Е. Калашникова. Калашников: траектория судьбы. М. : Вся Россия, 2004**). Однако с ростом собственной значимости в поздней советской иерархии, со временем Д. Ф. Устинову не всегда стало удаваться сохранять понимание происходящего, и дополнительно, по-видимому, вмешался фактор раскрученного в это время серьезного военного противостояния с США. Так, или иначе, тематика ВТ была чужда его предшествовавшему опыту, и судил он о ней со слов окружавших его лиц. Через них же он оказывал влияние на стратегию развития вычислительной отрасли, обеспечивая их своим авторитетом. В результате получалось не здóрово. В. В. не имел дела непосредственно с Д. Ф. Устиновым, но давление со стороны приближенных к нему лиц ощущал постоянно. Из людей, имевших отношение к ВТ, и общавшихся с Д. Ф. напрямую, расстроили в конечном счете свои с ним отношения такие, как Я. П. Рябов и В. М. Глушков.

155. Лица, общавшиеся с В. С. Семенихиным, свидетельствуют, что выражение „это архиважно“ было одним из его любимых. Употребил ли его здесь Д. Ф. под влиянием разговоров с В. С., или же употреблял его в жизни В. С. под влиянием Д. Ф. неизвестно, — но, очевидна перекличка.

156. Перед этим В. В. отклоняет сделанное ему в виду предстоящего совещания предложение оппонента полюбовно договориться в неформальной обстановке.

157. По признанию В. В., особенно много вреда развитию старших моделей ЕСв это время принесли именно маршал Устинов и академик Семенихин.

158. ... который, к тому же, не мог существовать без программы ЕС: он создавался как вычислитель, а все устройства ввода/вывода использовал из числа разработанных в рамках ЕС. Далее, для его производства МРП использовало производственные мощности, построенные для программы ЕС.

159. Что не всегда оканчивалось бесследно. В 1984 г. В. С. Бурцева отстранили от руководства ИТМиВТ при деятельном участии В. С. Семенихина. Дело касалось некоторых вопросов, в которых бывший директор ИТМиВТ проявил твердую принципиальность. В. В. советовал коллеге не обострять ситуацию, но в конце-концов он вынужден будет признать: „Бурцева съели“.

160. ИТМиВТ входил в систему АН СССР, однако его работы по проекту Эльбрус финансировались военным бюджетом — главным образом МРП. Борцы за пересмотр основной архитектуры, проиграв когда-то формально, во многом-таки добиваются своего.

161. ... после устранения В. С. Бурцева ...

162. Матричные модули для специализированных вычислений также выпускались в ГДР. Более 50 их было поставлено в СССР, что свидетельствует о существовавшем большом спросе на подобные инструменты.

163. В руководстве были утечки информации. О том, что М. С. Горбачев был ставленником Ю. В. Андропова, тем самым „приговоренным“ на избрание, в кругах, где обращался В. В., было известно за несколько месяцев до события. Для основного населения избрание генсекретаря было неожиданным разрешением большой интриги.

164. Пришедшим на смену В. А. Королевой. Виктору Владимировичу Виноградову в конечном счете достанется самое удручающее время в истории райкома.

165. Молодой энергичный выдвиженец из Свердловска умел тогда говорить то, что хочется людям, и быстро завоевывал признание. Расставался со своим первым впечатлением В. В. будет очень долго, все не желая принимать, что его обвели вокруг пальца.

166. Справедливости ради следует отметить, что при подготовке совещания были использованы т. н. „разработки“, ведшиеся за несколько лет до этого, в частности, материалы „комиссии В. А. Кириллина“ 1979 г. (когда В. А. Кириллин являлся председателем ГКНТ СССР).

167. „У семи нянек без глазу“. Это было совершенно верно, и потому приветственно встречено присутствовавшими работниками отрасли.

168. Произошло следующее. Богатый опыт управленца высшего звена П. С. Плешакова однозначно свидетельствовал, что такие слова, прозвучавшие на самом высоком уровне, завершатся делами. Поскольку в делах новый генсек замечен не был, а спросить о нем было не у кого, о том, что последует, оставалось только гадать. Решать нужно было срочно, и после Всесоюзного совещания П. С. Плешаков немедленно созывает в министерстве свое. Он рассудил, что подобные заявления могут окончиться только созданием *Министерства вычислительной техники*. Главной организацией в таком *министерстве* мог быть назначен только НИЦЭВТ. Но НИЦЭВТ к этому времени стал настолько мощной структурой, что расставаться с ней было жалко даже минрадиопрому. Противиться решениям высшего руководства (подсказывал опыт) было невозможно, и министр решает смягчить грядущую потерю. Своим приказом он выводит микроэлектронное подразделение из состава НИЦЭВТ.
Оказалось, что министр сильно переоценил (никому и ничем не известного) нового партруководителя и впервые за многие годы крупно промахнулся: события пошли совсем иначе, чем он полагал.

169. Главный конструктор и основные разработчики Ю. С. Ломов, И. С. Храмцов и В. И. Павлов.

170. Машина в значительной степени представляла собой ЕС-1066, переведенную на новую элементную базу (давшую замечательный результат). ЕС-1066 производилась МПОВТ и заводом ВЭМ Пензы. Производить модель 1087 Пенза отказалась, и рабочий образец создавался вместе с МПОВТ. Однако к этому времени НИЦЭВТ и МПОВТ окажутся разведены по разным НПО (как, впрочем, и завод ВЭМ), а политически республики уже начнут обособляться. Трудности организации совместной работы в условиях возникавших из ничего межреспубликанских границ сделают производство ЕС-1087 невозможным. В то же время ЕС-1066 выпускалась до 1993 г.

171. О нам с теплотой вспоминает Ю. В. Карпилович (**Карпилович Ю. В. Так было ...**): „В результате большой и кропотливой работы, проведенной на ‚Венте‘ и у нас, элементная база достаточно хорошего качества была создана, и мы смогли приступить к производству ЭВМ ЕС-1130.“

172. Фамилия главного инженера „Венты“ Б. Б. Абрайтиса часто и воодушевленно зазвучит в разговорах в стенах НИЦЭВТ.

173. Этим преобразовательная горячка не ограничится. Предприятия, связанные с НИЦЭВТ тесной многолетней работой, попадут в *разные* НПО, новосозданные в Белоруссии (БелНПО ВТ) и в Пензе (завод ВЭМ). В 1988 г. в состав НПО „Персей“ будут включены восемь заводов, также связанные прежней теснейшей совместной работой.

174. „С непонятными фукнциями, ответственностью и кадровым составом.“ Примета времени: от положения о создании до фактического создания ГКВТИ прошло больше года.

175. Как напоминает (со слов В. В.) Д. Л. Файнберг, на снятии доклада в последний момент настоял Оборонный отдел ЦК по той причине, что „на предприятие приезжал Ельцин“. Объяснения, что директор предприятия не управляет визитами Секретаря МГК, в расчет не принимались. По мнению Д. Л. именно после этого эпизода у В. В. пропала надежда и опустились руки.

176. Представлявший руководство Д. Л. Файнберг от переговоров отказался, но „немедленный“ срок отодвинул на месяц.

177. И, как видно, нередки иллюзии „еще повоевать“ ...

178. Характерное высказывание для значительной части работников крупной промышленности того времени звучало так: „Когда в стране началась перестройка, у нас на предприятии начался застой“. А вот мнение из Минска (**Карпилович Ю. В. Так было ...**): „Гора родила мышь. [...] Люди терялись. Никакие объяснения и реальные причина в расчет не брались. Идеологизация экономики, производства достигла своего апогея. Задавать вопросы, вносить предложения не в русле перестройки было бесполезно. Среди руководителей даже бытовало выражение: молчи, за умного сойдешь.“. Это при том, что давно назревшую необходимость изменить сложившуюся за много лет крайне малоэффективную систему хозяйствования ни один здравомыслящий работник не отрицал.

179. Он действительно помнил очень много, но в разговоре, часто, просто не приходило в голову о чем-то его спросить. Уже в злополучном 2016 г. я как-то развлекал его беседой, стараясь отвлечь от грустных мыслей. Мимоходом (и безо всякого серьезного контекста) упомянул „Алмаз-Антей“. Казалось бы, совсем не по его профилю, но он вдруг оживился и сходу назвал пару фамилий и ведомых с ними проектов. В связи с одной фамилией он сообщил, что про этого человека был недавно показан по телевизору обстоятельный фильм. „А был там еще такой-то,“ продолжал он, „так про него вообще ничего не говорят. А это был большой человек.“ Я предположил возможность того, что об этом „втором“ в 2010-х гг. попросту оказалось некому написать. Он задумался, и кажется внутренне принял это объяснение за правдоподобное.

180. Сослуживцы еще обратили внимание на его, как обычно, ровную спину.

181. „Внимание! Внимание! Говорит Германия!“ — слова, поминавшиеся (часто в составе развеселых куплетов) многими еще долго после окончания войны, но совсем немногие слышали их вживую.

182. 290 рублей — это до повышения за проявленную позже отличную успеваемость.

183. Например, его будущая теща получала меньше.

184. Пришлось ли эти две работы выполнять — об этом В. В. умалчивал..

185. Случай этот припомнился как-то к слову в моем разговоре с отцом в последнем для него 2016-м году. Хотелось его успокоить. Может, не так уж не право было пензенское начальство? „В больших организациях вообще все устроено по-своему, и непонятно, как они работают, но ведь работают.“ Привел пару слышанных примеров из жизни крупнейших фирм США. Он замолчал, и по обыкновению последних лет задумался.

186. Для В. В. это так и осталась на всю жизнь высшая партийная, или, даже, предпартийная должность.

187. Б. Е. Черток [Чер2006] описывает посещение закрытых ОКБ командированными из обычных предприятий. Условия жизни, питание и работы там составили для приезжих предмет зависти и невольных размышлений о том, где же, все-таки, лучше: здесь, или на свободе ? Да и сам С. Н. вспоминал, что любые технологические потребности, необходимые в работе, — материалы, инструменты и прочее — удовлетворялись с НКВД-шной оперативностью. А чтобы народ не зарабатывался, людей периодически сажали в автобус и под охраной отвозили в театр.

188. Для полноты картины, известны и другого рода взаимоотношения С. П. Королева с бывшими товарищами по работе в ОКБ. С 50-х по 70-е гг. в МФТИ работал преподавателем Г. В. Коренев. Он тоже работал у Туполева, но в более тяжелых условиях, и на свободу вышел „позже всех“, когда Королев уже становился большим руководителем. В поисках работы позвонил Королеву. Тот сказал: „Считай, что уже у меня работаешь“, и попросил подъехать к проходной к условленному времени. Когда Коренев подъехал, Королев по телефону попросил подождать 20 минут из-за срочных дел, а когда время вышло, Коренев ушел, передав шоферу: „Много чести для Сергея, чтобы я ждал его больше 20 минут.“

189. ... и не случайным. Одновременно, в ЕрНИИММ был направлен другой участник группы наладки М-3 Б. Б. Мелик Шах-Назаров. Его опыт помог ереванцам создать первую в СССР полупроводниковую ЭВМ „Раздан“. Как и Б. Б. Мелик Шах-Назаров, Г. П. как бы „вернулся“ из Москвы „домой“, будучи сам родом с гомельщины.

190. как выражались в XIX в.

191. Сквозь туман десятилетий уже трудно сказать: а не уставал ли рассказчик и сам из раза в раз напоминать о своем опыте?

192. Определенной сановитости ему добавляли рост, выправка и характерное грассирование.

193. В 1945 г. И. В. Сталин поставил задачу в течение года подготовить документацию на производство советской копии американского самолета B-29 (воспользовавшись образцами, совершившими вынужденную посадку на территории СССР во время войны с Японией), а в течение следующего изготовить 20 экземпляров. (Конечной целью он назначил 1000 штук, но реально к концу выпуска в 1952 г. было создано 847 самолетов.) За выполнение задания большим группам создателей были присвоены Сталинские премии.

194. — и оставил ее бывшей жене при разводе. То были времена, когда ведущие техспециалисты на предприятии могли получать заработную плату и вознаграждения в бóльших размерах, нежели руководители. С начала 60-х картина начала меняться, и чем далее, тем менее это становилось вероятно. О таком состоянии дел напоминается в: **Шокин А. А. Министр ...**.

195. Б. М. знал толк в талантах. Его брат, Ю. М. Каган, стал в 80-х академиком АН СССР, позже РАН, как физик-теоретик. Сестра, Е. М. Ржевская была во время войны переводчицей в штабе армии, переводившей, в числе прочего, маршалу Г. К. Жукову. Послевоенный писательский псевдоним она выбрала под впечатлением боев подо Ржевом, будучи их свидетелем. На плечах РККА войдя в Берлин, она, участвуя в поисках тела Гитлера, посещала по горячим следам его бункер, где после нескольких лет ношения униформы смогла наконец с подругой примерить перед зеркалом *гражданские* платья — Евы Браун.
О творческом же характере самого Б. М. свидетельствует один эпизод. Как-то довелось с ним встретиться не в его кабинете, но в комнате, находящейся в его ведении. По стенам были развешены картины со схематичными человечками на фоне геометрических фигур *à la* Шагал, только более монотонные хроматически. Увидав мой скептический взгляд на эти произведения, Б. М. полунасмешливо, полуворчливо спросил — с интонацией утверждения: „А Вам, такие картины не нравятся?“ „А Вы, наверное, предпочитаете, там, Шишкина всякого, где лес, мишки? Пейзажи?“ „Да,“ — чистосердечно признался я. „А мне нравятся такие картины,“ — уже примирительно произнес он. „Когда я смотрю на них, в голову приходят всякие интересные мысли.“ Расстались мы взаимодовольные, как полагаю, друг другом.

196. „Первый призыв“ иногородних действительно сопровождался выдачей квартир для проживания, что было совсем нелишне, так как приезжие были, хотя и молодыми, но семейными, а многие с детьми. Со специалистов сразу сняли квартирную проблему, и это позволило им сходу и в полную силу окунуться в работу. Результат не замедлил себя ждать.

197. Когда эти строки были написаны, мне попался фильм о праздновании 50-летия НИИЭВМ. В фильме отец признал, по его мнению, главный „фактор Минска“: это „грамотные действия белорусских властей на уровне республики, города и района“. Мои соображения по этому поводу, как выяснилось, шли следом за отцовыми.

198. Это не всегда было просто. В середине 60-х заводу имени Г. К. Орджоникидзе навязали мелкосерийное производились машин „Весна“ и „Снег“ („СПЭМ“), разработанные в КБПА для министерства обороны. Это были по-настоящему хорошие машины (в мнении многих, включая В. В.). Завершить изготовление этих машин (по упомянутому мотиву) удалось только в 1972 г.

199. Применение штамповки корпусов вытекало из сознательного желания отказаться от резки и сварки металла с целью сэкономить производственные площади и сделать технологически возможным (впервые в Европе) поточное изготовление машин. Внедрение штамповочных прессов было целой историей в жизни предприятия. Для этого пришлось связаться с одним из крупнейших в СССР заводов, днепропетровским Южмашем, что в силу разных весовых категорий было непросто, но виртуозно осуществлено. Южмашевцы, в конце-концов, помогли в обмен на внефондовую поставку „Минск-32“, плюс бессрочное гарантийное обслуживание (**Карпилович Ю. В. Так было ...**). Взаимовыгодные отношения с вычислительным центром Южмаша сохранялись до самого развала обоих предприятий — по известным причинам.

200. Между И. К. Ростовцевым и В. В. была крепкая дружба, но это не мешало им вести между собой серьезные споры на работе. Рассказывали, как вечером, проходя по опустевшим коридорам предприятия, нередко можно было слышать два зычных „баса“ (на самом деле баритона), на повышенных тонах пытавшихся донести друг до друга свои несовпадавшие по какому-то вопросу точки зрения в попытке решить очередную проблему. В. В-чу нравились такие рассказы, и И. К-чу, надо думать, тоже — ведь во многом их характеры были схожи. И. К. был сильный, талантливый руководитель и прямой человек. К огромному сожалению соратников, его широкая натура не удержалась перед соблазном снимать напряжение работы известным способом, в зависимость от которого он безнадежно впал. Уже из Москвы В. В. пытался увещевать друга, говорить ему: „Как же так, Игорь, ведь ты же директор, ведь за тобой 24000 человек стоит !“ — но все уже было напрасно. И. К. ушел из жизни нелепо, много раньше своего времени, не успев сделать много нужного полезного, на что он был способен. Но вклад, который он успел сделать в развитие завода до своего ухода, ощутим и достоен.

201. Он попал в Маутхаузен, и через месяц после того, как там был казнен генерал Д. М. Карбышев.

202. Главный конструктор завода Г. В. Малащицкий.

203. Можно думать, что интерес проявил еще в 1964 г., так как весной 1965-го уже выполнялась поставка.

204. Позже идея сокращения численности сотрудников за счет повышения производительности труда технократическому уму В. В. уже не казалась столь необычной, как это было в молодости. На последнем году его жизни, в одной из терапевтичесикх бесед для поднятия духа, я рассказал ему о купейных попутчиках, оказавшихся специалистами

небольшой чешской фирмы, поставивших станки для нового оборонного завода в Кирове. („Это и в наше время было, “ заметил отец. „На ответственных местах в оборонке стояли иностранные станки.“ Во взгляде его читалось сожаление, что столько воды утекло, а ничего не изменилось.) Чех сообщил, что когда начинал работать, в фирме было 2000 человек, а сейчас осталось 800. „Развитие технологий,“ пояснил он. Отец одобрительно кивнул головой, и было видно, что такое положение дел на производстве ему понятно и близко.

205. Машина прибыла на два дня позже. Разгружали, а потом еще два дня собирали ее, сами. Температура в павильоне выставки стояла 7 градусов, так что собравши, только развели руками: машина заработала.

206. Еще перед открытием выставки В. В. писал домой о большом положительном интересе, заранее проявленом к советской машине европейцами, и большом отрицательном интересе со стороны американцев. Последние изначально были решительно настроены не пускать на европейский рынок советскую машину, и, по словам В. В., „предстоял большой бой“. В случившихся затем событиях четко присутствует американский след, но никакого расследования по этому поводу не велось, или, по крайней мере, В. В. ничего об этом не было известно.

207. Знавший толк в музыке по Дому культуры МЭИ, В. В. иногда добавлял, что народные песни у голландцев „так себе“, и что „наши лучше“. Между прочим, и техническая подготовка МЭИ дала свое. Составление мелодии В. В. начал с „самого трудного“: с подбора звучания известной музыкантам камертонной ноты *ля*. Дальше, по его словам, все было уже легко.

208. Поначалу командировочных поселили в „скверном“ номере на четырех, где не было даже душа, и мыться приходилось ходить в голландскую баню. Тогда они потребовали у торгпредства в Нидерландах улучшить условия, и их перевели в другой номер, „подороже“ и „получше“.

209. В письме домой В. В. пишет, что город сам по себе не представляет интереса, а в кино ходить тоже неинтересно, так как во всех фильмах ловят китайских и славянских шпионов.

210. Все относительно. Всего в затянувшейся вомандировке заводчане посетили Утрехт, Гаагу и Амстердам. В письме домой В. В. сообщал, что ***все*** эти три города однообразны и „для нас неинтересны“. Даже в частном письме В. В. оставался верен себе: он никогда не отказывал другим иметь свое мнение, а свое высказывал от себя. Он не выразился „*неинтересны*“, но написал: „*для нас* неинтересны“.

211. Был ли Караганичев связан со спецслужбами — из открытых источников достоверно неизвестно. Можно сослаться лишь на некоторые признаки, характерные для подобных людей. Во-первых, он был довольно боек в поведении. Во-вторых — отчетливо свободная манера совершать поступки. Однажды ему в голову пришло приехать в Москву по делам от Бреста на своем автомобиле. В. В. был несказанно удивлен, когда с проходной предприятия в Минске доложили, что к нему просится некий гражданин Караганичев. Заметим, что дело было в середине 60-х гг., предприятие было режимное, а тот — иностранец. (После г-н Караганичев рассказывал, как подъезжая к Москве доверился русским дорогам, разогнался, колеса попали в выбоину и шины пришлось менять.) В-третьих, ранее он работал на военной базе США в Японии. При всем том доказательством, конечно, перечисленное служить не имеет право. Как не вспомнить Ильфа с Петровым: „В пьянстве замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду“. Одно время это изречение часто вспоминал В. В.; любила его и Анна Викторовна.

212. Расправа с жителями Хатыни осуществлялась силами „Особого батальона СС О. Дирлевангера“, формировавшегося из немецких уголовных элементов, „военных нарушителей“ и (тогда) добровольцев с оккупированных территорий, и 118-го батальона шуцманшафта, сформированного в 1942 г. в Киеве из украинских националистов, военнопленных Красной армии и из местных добровольцев.

213. Тогда заметная часть руководителей Белорусского ЦК еще была выходцами из руководства партизанским движением, и Первый секретарь П. М. Машеров первое тому подтверждение.

214. Одним из сотрудников был „Борька Никитин“, перебравшийся до этого вместе с В. В. из Ногинска.

215. Страдали от лесной жизни все без исключения. Так, в болотах испортил себе почки П. М. Машеров.

216. Для участников этой истории, это был первый, личный, и потому запоминающийся опыт. Тем не менее, исторически в этом ничего нового не было: почти буквально подобные истории (не с коровой, так со свиньей, или каким другим пропитанием) отмечены еще в истории партизанского движения 1812 г.; но и тогда, должно быть, не были в новинку.

217. Петер Пауль Андреас Игенбергс, Peter Igenbergs, станет мужем актрисы Людмилы Максаковой, дочери известнейшей советской певицы Марии Петровны Максаковой (любимицей народа, включая вождя И. В. Сталина), — и матери Марии Максаковой-Игенбергс, ставшей, вслед за бабушкой, оперной певицей, но, вдобавок, побывавшей депутатом Государственной Думы РФ.

218. Это посещение Дахау не было случайным. Когда в 2010-х гг. я рассказал отцу об участии его дяди в чрезвычайно трудных (даже болезненных) для Красной армии боях за крепость Бреслау, он вспомнил, что будучи в командировке во Вроцлаве они посещали „огромное“ кладбище погибших советских солдат. Отдать дань памяти жертвам войны и солдатам-освободителям считалось тогда в заграничных командировках столь же естественным, как и в поездках по собственной стране. Что же касается удивления советских людей безнаказанностью некоторых бывших работников лагеря смерти, то можно припомнить, что денацификация в ГДР осуществлялась намного жестче и бескомпромисснее, чем в ФРГ и прочих странах Западной Европы.

219. Так, на взлете своей карьеры В. М. перебрался из Москвы в Киев. Надо полагать (по крайней мере, это было в его духе), он предпочел быть первым в провинции, чем вторым в Риме. До этого он поставил перед собой цель решить пятую проблему Д. Гильберта, которую сформулировал в одной из интерпретаций и доказал, получив впоследствии за это звание академика АН СССР. Еще раньше он ставил себе задачу разобрать „Материализм и эмпириокритицизм“ В. И. Ленина так, чтобы суметь объяснить каждое предложение этой книги, и, по его заверению, справился с этим.

220. В близком кругу для В. В. участники поездки и тогда, и позже были: „Генка Смирнов“, „Игорь“ и „Михал Фомич“. В кругу чуть более широком друзья назывались по фамилиям: „Смирнов“, „Ростовцев“, „Чалайдюк“; в официальной обстановке — как положено.

221. При том, что многие начинания В. М-ча. В. В. поддерживал, и оба часто согласовывали свои позиции, В. В., и это характерно, не во всем автоматически соглашался с коллегой. Так, он весьма скептически относился к затее ОГАС, для рекламирования которой („предстоит поставить всю мощь кибернетики на службу нашему светлому коммунистическому завтра“ — говорилось в одной из книжек, выпущеных об академике Глушкове в 1978 г.) В. М. употребил весь свой авторитет и связи в высших эшелонах. Но популяризировать свой скепсис он, естественно, не собирался.

222. Обе фирмы на своем европейском рынке испытывали сильное давление со стороны IBM. Они надеялись устоять, выйдя на рынок СССР, и предлагали вместе бороться против американцев. Случилось так, что рынок СССР (плюс стран социалистического содружества) стал залогом выживания вычислительной тематики в производственной программе этих фирм. В частных беседах с В. В-чем представители Siemens говорили об этом откровенно.

223. Впрочем, С. А. Лебедев, по словам В. В., был довольно безразличен к тематике ЕС ЭВМ, и всецело занимался своими машинами.

224. Государственный комитет по науке и технике при СМ СССР.

225. Не все разделяли точку зрения Б. Н. Малиновского на это совещание как на ключевое для развития „отечественной вычислительной техники“. Наример, непосредственный участник событий В. К. Левин замечает, что антагонистической разницы между архитектурами ICL/Siemens с одной стороны, и IBM/360 с другой, нет. Система команд была общая (В. В. припоминал, что различались архитектуры организацией взаимодействия с внешними устройствами), и выбор, по мнению В. К. Левина, состоял в том, чтобы взять за ориентир более сильный (IBM/360) или же упрощенный вариант архитектуры. Иными словами, выражаясь понятным для критиков языком, сутью спора на совещании являлось, „копировать ли“ более простой вариант архитектуры ICL/Siemens, или же более развитый IBM, как оно было запланировано ранее. В. В. припоминал также о сомнениях в долговременности и надежности вычислительной тематики у европейских фирм. Дальнейшее развитие событий подтвердило справедливость таких сомнений. В Siemens направление вычислительной техники довольно быстро свернулось, а IBM, хотя и более для нас недоступная, в трудные моменты поддержанная правительством США, стояла твердо.

226. Об этом в 2018 г. напомнил О. С. Понарин.

227. Помнится, эти два дня В. В. или вовсе не появился дома, или, если и появлялся, то заполночь, а уезжал затемно. А. М. Ларионов, как и В. В., был выпускник МЭИ; школа взяла свое, и два руководителя большого института не потеряли навыков своей вузовской специальности.

228. Троирование появилось еще в „Аргон-11с“ разработки НИЭМ (решавшей другие задачи). В „Аргон-16“ троирование было поблочное („восьмиуровневое“), более развитое и производительное. — **История отечественных управляющих машин. // Под ред. д. т. н., профессора Я. А. Хетагурова. — М. : Совет Виртуального компьютерного музея, 2011**.

229. В среднем за год по приоритетным направлениям оборонной науки одновременно выполнялось около 700 работ; ежегодно в Вооруженные силы поступало порядка 150 новых образцов вооружения и военной техники (**Наша власть : дела и лица / Спецвыпуск. Издательский дом „НВ-Медиа“ : М., 2007**). В 70-е — начало 80-х гг. в Советском союзе в среднем выпускалось чуть более одной *атомной* подводной лодки в два месяца (www.sevmash.ru). Примеры можно продолжать; образно это время можно назвать „золотым периодом“ развития оборонной отрасли — однако, и неимоверно затратным.

230. „В апреле 1983 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР, согласованное с Комиссией Президиума СМ СССР по военно-промышленным вопросам, Президиумом АН СССР, Госпланом СССР, ГКНТ СССР, МРП СССР, МЭП СССР о награждении предприятий. организаций, ученых, инженеров и техников, рабочих и служащих за ‚разработку и организацию серийного производства и внедрение в народное хозяйство и оборону страны серии малых (ЕС-1020, ЕС-1022, ЕС-1035), средних (ЕС-1030, ЕС-1033, ЕС-1045) и высокопроизводительных (ЕС-1050, ЕС-1052, ЕС-1060) ЭВМ‘.“ (НИЦЭВТ).

231. Складывается ощущение, что в среде руководителей производства 70-х — 80-х гг. было распространено обаяние манерой вести производственные дела И. В. Сталиным. Сверх необходимого для работников высокого ранга умения слету схватывать суть проблем, бытовала еще определенная сдержанность проявления чувств в общении с подчиненными. Ни о каких „разговорах по душам“ или панибратстве речи идти не могло, на первый план выходили интересы общего дела. Этими же качествами не в меньшей мере обладал начальник Л. В., А. Н. Косыгин. Подчиненные, как правило, положительно смотрели на такой характер сношения с руководством, и понимали его как единственно правильным. Приверженности Л. В. технократической манере ведения дел, присущей сталинскому аппарату (и уважению к такой манере), не помешали личные испытания, перенесенные им перед войной наряду со многими специалистами.

232. О характере трудностей живо рассказывает Юрий Сергеевич Ломов в: **Ломов Ю. С. История создания старших моделей ЕС ЭВМ. ...**

233. Эта Фотография сделана в первые год — два после переезда В. В. в Москву в его унаследованном кабинете еще в здании НИЭМ в Тимирязевском районе. Как заметит Д. Л. Файнберг, украшения в виде ламп были совсем не в характере В. В.; кабинет его в новом здании НИЦЭВТ на Варшавском шоссе будет оформлен очень просто.

234. **Ломов Ю. С. История создания старших моделей ЕС ЭВМ. ...**

235. Отношение к новому строительству в Москве в это время разительно отличалось от того, что началось с 90-х гг. Когда в самом начале 80-х гг. зампреду ГКНТ с некогда грозной фамилией понадобилось построить отдельное место для приемов, все, что удалось пробить — строительство небольшой пристройки к жилому „дому артистов Большого театра“ на ул. Неждановой (ранее и позже — Брюсов переулок). Когда ему же понадобилось построить здание для своего института (прозванного сотрудниками по обилию в нем известных фамилий „малым Совнаркомом“), места ближе района Академический в городе не нашлось. Строительство нового здания с аналогичным предназначением для другого представителя с „безотказной“ фамилией удалось пробить только в том же районе в неудобном для расположения месте. То есть, центр Москвы был практически неприкасаем даже для людей с самыми высокими связями. Ограничения же по привлечению в Москву рабочей силы („лимиты“) хорошо известны.

236. Вот список устроенного в Дагестане во второй половине 70-х гг. с подачи и с помощью П. С. Плешакова: завод радиотоваров в Махачкале, Научно-исследовательский институт „Сапфир“, Избербашский радиозавод, Ботлихский завод технических средств, Агвалинский завод запоминающих устройств, филиал приборостроительного завода в селении Арани Хунзахского района (Дагестанская правда).

237. Хотя основной задачей ВПК было развитие военно-оборонной промышленности, министерства „девятки“ решали и задачи народно-хозяйственные, например, разработки и производства средств и систем управления воздушным движением, и так далее.

238. Например, в Ботлихе, Буйнакске.

239. Задним числом восстановить маршрут уже не удается; в рассказах В. В. названия не уточнял, а внукам спросить об этом не приходило в голову. Скорее всего, местом назначения (и последующего действия) были Агвали. Вертолет мог лететь из Ботлиха или Буйнакска. Но может быть, в разговоре речь шла о заводе технических средств ЭВМ в Ботлихе. Вся поездка, скорее всего, проходила и через Агвали, и через Ботлих. Самолет из Москвы мог сесть в Махачкале или на одном из других имеющихся больших военных аэродромов, откуда, положим, подлетали до Ботлиха (принять самолет из Москвы Ботлих не смог бы).

240. Оборонный отдел был партийным органом, контролирующим работу (в том числе и) ВПК, — таким, обойти который не могли позволить себе ни СМ, ни ВПК. Он же решал личные судьбы министров и их заместителей, начальников главных управлений, директоров крупнейших предприятий.

241. Одну из своих немногих встреч с И. Д. Сербиным В. В. описывал так. Предстояла командировка во Францию, и по какой-то причине требовалось получить согласие самого Сербина. В. В. вошел в огромный, как казалось, пустой кабинет, и озадаченно остановился. „Ну и на хрена тебе эта Франция ?“ — примерно такое обращение раздалось неожиданно из какого-то угла. „Да мне Франция незачем, меня туда в командировку посылают,“ — отвечал В. В. Дальнейший разговор продолжался примерно в том же духе, но согласие было в конце-концов дано.
Тем не менее, В. В. отмечает (НИЦЭВТ) важность внимания, проявленного со стороны ЦК КПСС И. Д. Сербиным (как и зампредом ВПК Л. И. Горшковым со своей стороны) к организационной стороне становления НИЦЭВТ в этот ответственный период.

242. Показания людей, чаще и основательнее В. В-ча сталкивавшихся по работе с Сербиным, в чем-то расходятся. По одним мнениям, грубость с людьми, от него зависящими, позволяла ему непринужденно переходить в общении на обсценную лексику. По другим, за шершавой личиной старого солдата, не знавшего пустых слов дипломатического этикета, скрывался истый радетель государственных интересов. Как бы то ни было, похороны Сербина были закрытыми, а Кочетова — открыты всем желающим попрощаться с покойным, чем В. В. в знак уважения воспользовался.

243. Сообщение „пропуск выписан“ не обязательно воспринимать буквально. Произнесший его вполне мог учитывать время, необходимое, чтобы добраться до места. Но звучало впечатляюще, и, вполне вероятно, что на это строился расчет, хотя бы и не специально для данного случая, а вполне рутинно.

244. Научно-исследовательский институт электронных математических машин.

245. Конструкторское бюро промышленной автоматики.

246. Комитет государственной безопасности при СМ СССР.

247. То есть, начиналась эта его деятельность до появления ЕС ЭВМ, а с появлением переключилась на машины Единой серии.

248. **Ломов Ю. С. История создания старших моделей ЕС ЭВМ. ...**.

249. Вот полный список коллектива, получившего эту премию за „комплакс работ по созданию научных основ и принципиально новых технических решений, положенных в основу разработки Единой системы ЭВМ, создание промышленной базы по выпуску ЭВМ и внедрение в народное хозяйство и оборону страны современных ЭВМ“: Антонов В. С. — Главный конструктор высокопроизводительных моделей ЕС ЭВМ; Дородницын А. А. — директор ВЦ АН СССР, академик АН СССР; Карпилович Ю. В. — Главный инженер МПОВТ; Кучукян А. Т. — Главный конструктор ЕС-1030, ЕС-1045; Смирнов Г. Д. — Первый заместитель директора, заместитель директора по научной работе — научный руководитель работ по ЕС ЭВМ в НИИЭВМ, Главный конструктор ЕС-1035; Шокин А. И. — Министр электронной промышленности. В списке представлены бесспорно заслуженные фамилии, однако в целом он носит искусственный характер. Бросается в глаза полное расхождение научных интересов А. А. с конструкторско-организационной деятельностью остальных.

250. Это не было случайным. ВЦ АН СССР создавался на основе Отделения прикладной математики МИ АН СССР (через посредство образованного из этого отделения Института прикладной математики), созданного для рассчетов траекторий космических аппаратов (а еще раньше и атомных) совместно с НИИ-4 МО. Потом эту работу у ВЦ АН забрали, и институт остался без заказчика. Фактически сотрудники в течение нескольких десятилетий сами придумывали, чем заниматься. Для исследователя такое положение дел (при государственном финансировании) может показаться идеальным, но институт не специализировался на фундаментальных исследованиях, более благодарных к свободе творчества, а в остальных областях работа „на себя“ чаще расхолаживает и снижает качество результата, чем наоборот. Попытка одного из видных сотрудников Центра найти заказ у политических сил (рассчеты последствий ядерной войны) закончилась весьма нелепо смертью одного из исполнителей — спецслужбы СССР и США противодействовали друг другу жестко. „Вычислительность“ центра в значительной степени сводилась к сдаче „машинного времени“ академическим организациям. В начале 80-х А. А. Дородницын попытался заменить морально устаревшую к тому времени машину „БЭСМ-6“ на „ЕС-1060“, но машина работала ненадежно; налаживать ее приезжали специалисты из НИЦЭВТа, но заниматься ею в отсутствии требовательного заказчика не было мотива. Позже, в духе времени, была предпринята попытка установить „Эльбрус“, но тот *вообще* не заработал. Собственно вычислительной техникой ВЦ АН так и не занялся.

251. Одновременно, не быть членом партии и работать на *вторых* ролях в 70-х—80-х гг. можно было даже в ГКНТ (о чем свидетельствует пример того же Б. И. Рамеева), так что более поздние рассказы о невозможности „делать дело“, не вступив для компромисса в партию, хотя и не были беспочвенными вообще, но и нередко граничили с лукавством.

252. О росте заорганизованности и возвышении начальствующих и партийных чинов к 1970-м гг. сообщают разные источники, в том числе: **Шокин А. А. Министр ...**.

253. Премии были связаны с расчетами аэродинамики самолетов. С проектированием самолетов связана упоминавшаяся Сталинская премия Б. М. Кагана — одна из нескольких за Ту-4. Вместе это очевидное свидетельство того, какая напряженная и всесторонняя работа велась в стране в области развития авиации сразу же после войны, но еще и того, как щедро эта работа вознаграждалась в случае успешного выполнения. В похожем случае будущему министру МЭП А. И. Шокину довелось перед войной услышать из уст И. В. Сталина: „Сделаете в срок — будете награждены по-царски, не сделаете, пеняйте на себя“ (в **Шокин А. А. Министр ...**).

254. В пользу этого говорит его фамилия, надо думать, от старорусского женского имени *Дорóдница*: хорошая, красивая, сильная и т. д., а также внутренняя свобода и самостоятельность в суждениях. Истинная потомственность, тем не менее, требует дополнительного обоснования.

255. Утверждают, что он полагал змею гюрзой, но президент АН УзССР, чьим подароком была рептилия, все же подменил, заботясь о „безопасности“ (чьей же?), гюрзу на безобидного удавчика — хитрость узбекского академика посрамила проницательностью союзного.

256. Об этом балагуря сообщал Геннадий Константинович Столяров, работавший в 1959–68 гг. в СКБ завода им. Орджоникидзе — МПБ, и ушедший оттуда в один из институтов АН БССР, где встречался с А. А. по линии Академии.

257. В этом месте предложения уместно заметить, что само слово „информатика“ (французское) ввел в оборот, или активно предлагал именно А. А. Это произошло, когда работы по созданию ВТ и ПО в стране набрали такой размах, что понадобилось (для классифицирования литературы, обозначения вузовских специальностей и т. п.) подобрать русский перевод для американского *computer science*.

258. Некоторые истории носили анекдотичный характер. Вскоре после очередной арабо-израильской войны руководитель одного из отделов ВЦ АН решил взять к себе на работу специалиста по фамилии Рабинович. Кандидатуру потребовалось согласовать с директором института, и собеседование было устроено. Последовало молчание, и, спустя некоторое время, руководитель отдела был вынужден сам поинтересоваться у А. А. о его мнении относительно Рабиновича. „Сотрудник он толковый,“ отвечал А. А. невозмутимо. „Я сообщил ему, что согласен взять его в институт, но только после того, как они уберут свои войска с Синайского полуострова.“ Во время скандала от деятельности академика А. Д. Сахарова в 80-х гг. (когда „прощупывалясь“ идея лишения того звания и правительственных наград) академик Дородницын счел нужным поместить на информационном стенде своего института письмо сотрудникам, суть которого заключалась в том, что когда-то А. Д. Сахаров был ученым, а теперь он занялся политикой и ученым быть перестал.

259. Еще с пензенских времен у В. В. был хороший знакомый А. П. П., с которым надолго установилась дружба семьями. А. П. П. прошел войну, служа в регулярной армии и, волею судьбы, в партизанах. У него было хорошее образование (МЭИ), технические способности и умение. Но в какой-то момент А. П. П. всерьез увлекся поиском доказательства известной теоремы Ферма, по сути, пожертвовав ради нее своей технической карьерой. При всей искренно дружеской благожелательности в отношении к А. П. П., для себя В. В. полагал, что это увлечение оказалось никчемным само по себе и по влиянию на судьбу: не будь его, при имеющихся инженерных задатках А. П. П. мог бы достичь многого. Вероятно, В. В. отдавал себе отчет, что у каждого имеется свобода выбора, но полагал для себя, что отвлеченные занятия типа доказательства теоремы Ферма — неправильный жизненный выбор.

260. Элементами которого являлись хорошая столовая с кафетерием, богатые продуктовые заказы перед государственными праздниками, путевки в закрытые для случайных лиц санатории и дома отдыха, свой кинозал, где могли показывать фильмы, не шедшие в широком прокате, и прочие привилегии.

261. Так говорили тогда. Когда наступили „новые времена“, выяснилось — сослан в ИТЛ и умер за 10 дней до освобождения.

262. Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, Координационный комитет по экспортному контролю.

263. США, раздавив в зародыше самостоятельность европейцев в разработке и производстве ВТ, через CoCom и прочие институты навязали им собственные правила *покупать* свои машины. Если говорить конкретно о 60-е—80-е гг., тогда это была очень сильная нация и достойный соперник.

264. Отдельная история была с тем, как заставить установленную в НИЦЭВТ „фирменную“ машину работать. Когда ее попытались включить, начальник вычислительного центра расстроенно доложил, что „ничего не крутится, ничего не горит“. Срочно связались с ФРГ-шником, тот приехал, поводил окружающих за нос байками об испортившемся ремне привода вращения диска, провернул очередную небольшую аферу, но „все закрутилось“.

265. Представление о военной бухгалтерии, в том числе касающейся боеприпасов, дают, например, оперсводки штаба одной из дивизий.

266. **Ломов Ю. С. История создания старших моделей ЕС ЭВМ. ...**.

267. В США в то время были введены жесткие ограничения на поставку компьютерных технологий в СССР. Франция в этом отношении вела себя много свободнее. Та же CII Honeywell Bull поставляла оборудование для производства составляющих элементов ЭВМ не только в СССР, но и в Китай. В США не считали его сверхсовременным (каковое, как полагали, имелось у них), и решили не применять тактику выкручивания рук к своим союзникам. В действительности, это оборудование вполне соответствовало имевшемуся мировому уровню.

268. Завод обойдется государству в 55 млн. тогдашних долларов.

269. К сожалению БелНПО ВТ образовалось в результате судорожной реакции МРП на раннегорбачевские преобразования и не имело перспектив на фоне разрушающейся системы хозяйствования.

270. Был еще один сближающий момент, который равно радовал обоих — одновременно и серьезный и несерьезный. В те времена командировочных селили в гостиницах в двухместных номерах, и приходилось с кем-то соседиться. И Д. Л., и В. В. сами не храпели и ценили это качество друг в друге.

271. И было, с чем сравнивать. Одно время в МФ НИЦЭВТ работал военпред Н., от которого „минчане“ буквально „стонали“ — по крайней мере, что касалось разработчиков и конструкторов. Начиналось все мирно. По рассказам минчан, Н., принимая изделия, и изучая их волей-неволей, решил систематизировать свои знания, и выразить их в виде кандидатской диссертации. Это было его личное дело и право. Но защитившись, он вырос в собственных глазах и стал учить конструкторов, как им следует делать машины. Переносить это было невозможно, но заменить военного представителя они не имели права. После обсуждения проблемы с представителями из Минска В. В. предложил перевести Н. к себе в Москву. Тут он мог спокойно продолжать свою исполнительную работу, но уже будучи ограничен в самостоятельных действиях, имея над собой местное начальство. Работа руководителя большого коллектива почти целиком состоит из работы с людьми. В данном случае В. В. принял характерное для такой деятельности управленческое решение, которое находил удачным.

272. А следует заметить, что Д. Л., как действующий военный, да еще флотский, знал, о чем говорит.

273. По замечанию Д. Л. Файнберга, маршал Белов подчинялся всего четырем лицам в СССР, то есть был очень высокопоставленным лицом.

274. Упоминая об Ю. С. Объедкове, В. В. радостно любил добавлять: „поручик Войска польского“. Тот действительно был в войну русскоговорящим служащим этого войска, бравшего и Берлин — и, по всей видимости, не единственным таким.

275. О работе с К. Н. Трофимовым у В. В. остались самые приятные впечатления. К сожалению, генерал Трофимов погиб в авиакатастрофе в Венгрии в 1987 г.

276. Читай: своих — он же руководитель! Но, конечно же, большого числа „своих“ предприятий.

277. Тем не менее, работа есть работа. Подобно ряду прочих первых лиц, маршал имел у руководства НИЦЭВТ достаточно звонкую кличку.

278. Например, в 1980-м г. в новосибирском Институте автоматики и электрометрии СО АН СССР, возглавлявшемся академиком Ю. Е. Нестерихиным, по результатам совместной деятельности с партнерами из Норвегии собрали из отечественных микросхем копию норвежской мини-ЭВМ Nord-10. Сделали это они для своих внутренних нужд с ведома весьма удивленной норвежской стороны. Однако норвежцам не сообщили, что машина „Норд-10“ управляла другим модулем, также изготовленном в институте и строившим в реальном масштабе времени трехмерную картинку космического корабля, который можно было облетать со всех сторон, пользуясь джойстиком. Для тех лет эта закрытая работа (для Центра подготовки космонавтов) была чем-то невообразимым!

279. В. Грегора отстранили от руководства VÚMS во второй половине 1973 г. по причинам, не связанным с его технической компетенцией, и В. В., не зная подробностей и не ища их, об этом очень сожалел, так как между двумя руководителями перед этим установились хорошие рабочие отношения и имелось взаимопонимание. В том, что „Грегора сняли“, он углядел интриги тогдашнего чехословацкого начальства.

280. — как это было чаще всего в тогдашней гонке вооружений, *следом* за созданием аналогичной системы в США, и, на этот раз, по инициативе начальника Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР С. Ф. Ахромеева, ставшего вскоре начальником Генштаба и маршалом.

281. Слово это возникло и прижилось много позже. Во времена создания системы и до появления о ней публичных разговоров использовались другие названия.

282. В устном рассказе: „Яшку“ — то была обычная практика избегать во внутренних делах обращений по имени и отчеству, часто награждавшая сотрудников еще и какой-то характеристикой. Я. С. Шегедевич был среди лауреатов Госпремии СССР 1978 г. за разработку операционных систем для ЕС ЭВМ.

283. Этой фразы в рассказе, конечно, не было — переходом служила другая („и тогда я ему говорю ...“), — однако же ее с уверенностью можно достроить, отталкиваясь от логики разговора.

284. Значительно позже появилась возможность узнать побольше о визитерах. Ю. Корнилов был политическим обозревателем и членом коллегии ТАСС, сотрудником „Литературной газеты“ (но, писавшем и в „Правду“). Профессиональный диссидент Андрей Алексеевич Амальрик сообщал так: „[...] уроженец Могилева Юрий Эммануилович Корнилов — один из немногих зацепившихся на советской верхушке евреев — служит рупором советского правительства для самых безобразных нападок — на академика Сахарова, на президента Картера.“ Другие источники указывают и на другие темы. Например, одно из заявлений ТАСС за авторством Ю. Корнилова посвящено всемирной конференции в Брюсселе еврейских организаций „в защиту евреев в СССР“, и начинается в узнаваемом стиле: „Сионистские вороны слетаются в Брюссель. Вожаки воинственных организаций выбрали этот город для очередной антисоветской провокации [...]“. Ю. Корнилов — автор многих публицистических книг.
Фотограф Олег Иванов был в советские времена одним из главных фотографов ТАСС. Диапазон его творчества широк. Ему принадлежат фотографии артистов: Юрия Никулина, Ирины Мирошниченко, других людей творческих профессий; советских пионеров, бытовых панорам советских городов. Но, позже, и первые сеансы игры „Что? Где? Когда?“, программу „Взгляд“, чтение перестроечных „Московских Новостей“.

285. Надо полагать, как коммунист коммунисту.

286. С неподражаемым рязанским выговором, как вспоминал Д. Л.

287. Обычное выражение, использовавшееся не раз в подобных случаях, звучало так: „Черт бы их подрал“.

288. Уместно опрокинуть сделанное В. В. наблюдение из прошлого в последовавшее будущее. Витя и Ян выросли очень разными по характеру, темпераменту и складу ума. Тем любопытнее было смотреть, как они, ставши взрослыми, примерно так же, как и в детстве понимают друг друга с полуслова, договариваясь при свидетелях так, что свидетели только хлопают от удивления глазами.

289. Юрий Дмитриевич Маслюков был в 1979–1982 гг. заместителем министра оборонной промышленности СССР, в 1982–1985 гг. — первым заместителем Председателя Госплана СССР, в 1985–1988 и в 1991 гг. — председатель ВПК при СМ СССР. В 1998–1999 гг. он был первым заместителем премьер-министра в правительстве Е. М. Примакова, спасшим РФ от последствий действий реформаторов, однако предложение Б. Н. Ельцина возглавить правительство отклонил.

290. Государственный плановый комитет Совета Министров СССР.

291. Лев Иванович Волков.

292. Вспоминают еще, что к трио присоединилась в качестве певицы Жанна Волкова.

293. А был ли еще скрытый фактор места? О том, что перед войной в погранотряде в Мегри служил его отец, В. В. точно узнает лишь в самом конце своей жизни.

294. Считается, что после Второй мировой войны в СССР вернулись из рассеяния по миру 100000 армян.

295. Этот способ ведения разработок двумя государствами — ГДР и СССР — был совершенно уникальным. Работы велись поровну: половина ОС разрабатывалась подразделением, возглавляемом Г. Юнгникелем, а другая половина — НИЦЭВТ. При этом, по контракту каждая сторона не платила за работу партнера, но обладала полными правами на всю ОС. Такая работа привела к установлению множества прочных личных контактов между специалистами двух стран и оказалась весьма продуктивной.

296. Решения руководства по элементной базе ЭВМ не всегда были продуманны и безнадежно запаздывали. Как вспоминает Г. Юнгникель, Совет по микроэлектронике в рамках МПК по ВТ был создан лишь в 1986 или 87 году, когда

уже в полном объеме требовались *результаты* его *гипотетической* работы!

297. На международно-дипломатическом уровне, по воспоминаниям В. В. Пржиялковского, весомую поддержку сотрудничеству организаций двух стран оказывал посол СССР в ГДР П. А. Абрасимов.

298. А. И. Шокин был лишь несколькими годами моложе отца В. В.

299. К моменту написания этих строк Ю. С. Ломов скончался † 2017.

300. К моменту написания этих строк А. Я. Пыхтин скончался † январь 2019.

301. К моменту написания этих строк Г. Д. Смирнов скончался † март 2018.

Фотодокументы (37) >

Документы >

Семья

Жена: Трошина Анна Викторовна (1928–2004) **⇑6⇔5⇓7**

Дочь: Скороходова Евгения Викторовна (1954–) **⇑18⇔1⇓1**

Зять: Скороходов Сергей Леонидович (1955–) ⇑0⇔0**⇓1**

Внук: Скороходов Иван Сергеевич (1996–) **⇑20**⇔0⇓0

Сын: Пржиялковский Владимир Викторович (1956–) **⇑18⇔1⇓4**

Сноха: Пржиялковская Марина Николаевна (1954–) **⇑12⇔3⇓8** *(брак заключен 6 декабря 1980)*

Внучка: Рэгониз Ольга Владимировна (1977–) **⇑14⇔2⇓3**

Внук: Пржиялковский Виктор Владимирович (1982–) **⇑32⇔2⇓1**

Внук: Пржиялковский Ян Владимирович (1983–) **⇑32⇔2⇓1**

Известные дальнейшие потомки

> Плюс ближайшие родственники

Правнуки

Пржиялковский Владимир Викторович (2011–) Пржиялковский Федор Янович (2014–)

Данные на этой странице приведены с согласия своих владельцев или их потомков, либо получены из открытых источников.
Страница построена с использованием СУБД Oracle и средств Oracle XML DB.
© Владимир Пржиялковский, 2013.
© Владимир Пржиялковский, переработка, 2014–2020.
Последнее изменение страницы 14 февраля 2020.